

Председатель Редакционного совета

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Заместитель председателя Редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Ответственный секретарь

ГАВРИЛОВА Ольга Андреевна — эксперт отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

БАРАБАШ Юрий Григорьевич — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

БЕКАШЕВ Камилль Абдулович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права, Франция.

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный юрист города Москвы.

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.

ОТМАР Зойль — доктор права, почетный доктор права, Emeritus профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

ПАН Дунмэй — кандидат юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо Японии.

ПИЛИПЕНКО Юрий Сергеевич — доктор юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма «ЮСТ»».

РАДЬКО Тимофей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».

РЫБАКОВ Олег Юрьевич — доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, член российской секции Международной ассоциации философии права и социальной философии, член комиссии по науке ассоциации юристов России, член Экспертного совета по праву Министерства образования и науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наркоконтроль».

ХЕЛЛЬМАНН Уве — Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель Редакционно-издательского совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Актуальные проблемы российского права».

де ЗВААН Яап — (почетный) профессор кафедры права Европейского Союза университета Эразмус в Роттердаме (Нидерланды), профессор кафедры Жанна Монне.

2015 (Published in 1948)

RESEARCH PAPERS KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY. That CIV (№ 19)

Chairman of the Council of Editors

BLAZHEEV, Victor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil Process, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

SINYUKOV, Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Executive Editor

GAVRILOVA, Olga Andreyvna — expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

BARABASH, Yuri Grigorievich — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Correspondent Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

BEKYASHEV, Kamil Abdulovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

BECHET-GOLOVKO, Karine — Doctor of Public Law, France.

BONDAR, Nikolay Semenovich — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

GRACHEVA, Elena Yurievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

DMITRIEVA, Galina Kirillovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education, Merited Lawyer of the City of Moscow.

ISAEV, Igor Andreevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

KOMORIDA, Akio — Professor of the Kanagawa University (Japan).

KOLYUSHIN, Evgeniy Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

MALINOVSKIY, Vladimir Vladimirovich — PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.

OTMAR, Seul — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

PILIPENKO, Yuri Sergeevich — Doctor of Law, Vice-President of the Federal Chamber of Advocates of Russia, Chairman of the Council of the Bar Associations of Advocates of the Moscow region, Legal Firm «JUST».

RADKO, Timofey Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.

RAROG, Aleksey Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.

RASSOLOV, Ilya Mikhailovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».

RYBAKOV, Oleg Yurievich — Rybakov, Oleg Yurievich - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Member of the Russian Section of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy, Member of the Commission on Science of the Association of Lawyers of Russia, Member of the Expert Committee on Law of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

TUMANOVA, Lidia Vladimirovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, the Dean of the Law Faculty of the Tver State University, the Merited Lawyer of the Russian Federation.

FEDOROV, Aleksandr Vyacheslavovich — vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, PhD in Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).

HELLMANN, Uwe — Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).

SHEVELEVA, Natalia Aleksandrovna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St.Petersburg State University.

SHUGRINA, Ekaterina Sergeevna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St.Petersburg State University.

dE ZWAAN, Jaap Willem — (Emeritus) Professor of the Law of the European Union at Erasmus University Rotterdam (The Netherlands), also Jean Monnet Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА

Боруленков Ю.П.

Технологии юридического познания:
понятие и содержание 7

Беляева Г.С.

Публично-правовой режим:
сущность, содержание,
нормативно-правовое закрепление 21

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Викторова Н.Н.

Применение режима
наибольшего благоприятствования
при разрешении трансграничных
инвестиционных споров 29

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н.

Проверка сообщений о преступлениях:
пути совершенствования 37

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Дудиков М.В.

Горное право в системе отраслей права... 43

ОБСУЖДАЕМ ЗАКОНОПРОЕКТ

Наумов А.В.

Уголовная ответственность
юридических лиц..... 57

ПРАВО ЗА РУБЕЖОМ

Пан Дунмэй

Корпоративное преступление
в китайском уголовном праве 64

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Малеина М.Н.

Договоры о целевом приеме
и целевом обучении..... 71

Плоцкая О.А.

Репликация
обычно-правовых норм коми (зырян)
как условие реализации
воспитательного процесса
и основа формирования компетенций
современных обучающихся..... 78

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Золотухина Н.М.

Государев дьяк Иван Тимофеев:
«Назначение чиновников
на высокие должности —
серьезное и ответственное дело»..... 86

Орел Ю.В.

Развитие законодательства
об уголовно-правовой охране
нормальной деятельности органов
и учреждений пенитенциарной
службы Украины в 1917–1960 гг..... 103

ИМЯ В НАУКЕ

Лушников А.М., Лушникова М.В.

К.А. Гусов 117

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА 125

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ
И ТРЕБОВАНИЯ
К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ
И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ 127

CONTENTS

THEORY OF LAW

Borulenkov Y.P.

Legal cognition technologies:
contents and elements 7

Belyaeva, G.S.

Public legal regime: nature, contents,
normative legal provisions 21

THEORETICAL PROBLEMS OF BRANCHES OF LAW

Viktorova, N.N.

Use of regime
of the most favored nation treatment
in the resolution of trans-border
investment disputes 29

FIGHTING CRIME

Kalyuzhnyi, A.N., Chaplygina, V.N.

Examination of information
on committed crimes:
ways for improvement 37

DISCUSSION STAND

Dudikov, M.V.

Mining law within
the system of branches of law 43

DISCUSSING A LEGISLATIVE DRAFT

Naumov, A.V.

Criminal responsibility of legal entities 57

LAW ABROAD

Pang Dunmei

Corporate crime
in Chinese criminal law 64

LEGAL EDUCATION PROBLEMS

Maleina, M.N.

Contracts
for employer-sponsored admittance
and employer-sponsored education 71

Plotskaya, O.A.

Replicating customary legal norms
of the Komi (Zyryan) people
as a condition
for the implementation
of the education process
and the fundamental basis fo
the formation of competences
of modern students 78

HISTORY OF STATE AND LAW

Zolotuhina, N.M.

Sovereign's Clerk Ivan Timofeev:
«assigning officials for high positions
is a serous and responsible task» 86

Orel, Y.V.

Development of the legislation
on criminal law protection
of normat activities
of the penitentiary organs
and institutions in Ukraine
in 1917–1960 s. 103

NAME IN SCIENCE

A.M. Lushnikov, M.V. Lushnikova

Gusov, K.N. 117

IN MEMORY OF A COLLEAGUE 125

PUBLISHING CONDITIONS AND THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS

FOR THE JOURNAL 127

ТЕХНОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. В центре внимания автора в данной статье находится вопрос о технологическом подходе как одном из аспектов методологии юридического познания. Отмечается, что юридическое познание, являясь средством конструирования правовой реальности, входит в такую фазу своего развития, которая позволяет ему осмысливать себя как саморазвивающееся целое и ставить вопросы о закономерностях собственного становления. Необходимость обеспечения результативности юридического познания и возможность его рассмотрения как производственного процесса выдвигает требование стандартизации этой деятельности, разработки специальных познавательных методик, форм и приемов, а также способов взаимодействия субъектов. Технологизация познавательного процесса отражает направленность прикладных исследований на радикальное усовершенствование человеческой деятельности, повышение ее результативности, интенсивности, инструментальной и технической вооруженности и придает ему динамичный целенаправленный, конструктивно-созидательный характер. По мнению автора, не всякая организованная определенным образом деятельность есть технология. Технологичность юридического познания означает переход на качественно новую ступень эффективности, оптимальности, наукоемкости познавательного процесса. Технология юридического познания — это системная совокупность и порядок функционирования личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения целей, представляющих собой целостную объемную полиструктуру, состоящую из вертикальных и горизонтальных уровней, обусловленную объективной логикой разнонаправленных функциональных взаимосвязей элементов структуры, которые создают и реализуют функционирование юридической познавательной системы. Подчеркивается, что технологическая структура юридического познания значительно шире процедурной в смысле процессуальной формы и раскрывается в системе процедурных, информационно-познавательных, познавательно-аналитических и тактических аспектов познавательной, организационной, плановой, управленческой деятельности, представляя единый технологический процесс. В статье рассматриваются проблемные вопросы, обозначается ряд особенностей и ограничений, которые необходимо учитывать при конструировании технологий юридического познания в правоприменительной деятельности. Отмечается, что специфика профессионально-ориентированных технологий юридического познания в первую очередь связана с тем, что гносеологические цели и задачи далеко не всегда являются системообразующими.

Ключевые слова: гносеология, методология познания, юридическое познание, методология юридического познания, технология юридического познания, профессионально-ориентированные технологии, структура технологии познания, конструирование технологии познания, особенности конструирования технологии, технологии правоприменительной деятельности.

Технологии юридического познания как разновидность социальных технологий

Юридическое познание¹ представляется возможным рассматривать как искусство², как проект³ или ремесло (производственную деятельность). В последнем случае некоторые авторы определяют его как открытую операционную систему, то есть систему, находящуюся в постоянном обмене информацией с внешней средой. В юридическом познании в целом как операционной деятельности проектного типа присутствуют признаки как массового, так и непрерывного производства. Как операционная система юридическое познание состоит из трех подсистем: планирующей, перерабатывающей и обеспечивающей, а также из интернального (входного) и экстернального (выходного) блоков⁴.

Необходимость обеспечения результативности юридического познания и возможность его рассмотрения как *производственного процесса* выдвигает требование стандартизации этой деятельности, разработки специальных познавательных методик, форм и приемов, а также способов взаимодействия субъектов, что привело нас к использованию термина «технология».

Несмотря на закон неповторимости каждого объекта, определяющий уникальность процесса его познания, с учетом типизации все виды познавательной деятельности, как и каждый отдельно взятый процесс конкретного познания, всегда опираются на одни и те же подходы, движутся к цели сходными путями, руководствуются общими принципами. На этом основывается разработка для каждого познаваемого объекта специальной технологии его исследования, особой методики изучения и отработки материалов⁵.

Технологизация познавательного процесса отражает направленность прикладных исследований на радикальное усовершенствование человеческой деятельности, повышение ее результативности, интенсивности, инструментальной и технической вооруженности и придает ему динамичный целенаправленный, конструктивно-созидательный характер. Можно утверж-

дать, что не всякая организованная определенным образом деятельность есть технология.

Технологии как определенный тип знания выражаются в синтезе целей (характеристик желаемого), описаний реальных ресурсов (возможных средств) и нормативных предписаний (правил, следование которым позволяет, привлекая средства, достичь желаемого результата). Ключевым моментом логико-семантического основания этого синтеза являются допущения о едином онтологическом (экзистенциальном) статусе существа, желаемого должного и возможного⁶.

Профессор Г.Л. Тульчинский подчеркивает, что смысловая структура технологического подхода как синтеза описаний, целей и предписаний аналогична структуре целевой программы и предстает как обобщение, развитие и дополнение теоретического и методологического потенциала других междисциплинарных стратегий познания: функционального, структурного, системного, комплексного подходов, использует их как свою предпосылку и основание. Структурный подход раскрывает «сделанность» предмета как состоящего из некоего набора компонентов и их связей; функциональный подход объясняет, что порождает структуру; комплексный подход разъясняет уже ряд функций; системный подход — что интегрирует комплекс функций; технологический (программно-целевой) подход — что задает целостность системы, ее «назначение»⁷.

Технология предполагает предварительное определение цели и поддающееся итоговому контролю ее достижение в процессе деятельности. Для познания в качестве цели, например, может выступать *требуемый объем познавательного материала*, который необходим субъекту при реализации задач профессиональной деятельности⁸. Говоря о технологиях юридического познания, мы имеем в виду именно *профессиональный его вид*.

Технологичность юридического познания означает переход на качественно новую ступень эффективности, оптимальности, наукоемкости познавательного процесса. Перед лицом вызовов времени правовая наука и практика должны пересмотреть приоритеты своего развития и модернизации в пользу совершенствования своего технологического уровня⁹. Следует констатировать отсутствие комплексных доктринальных исследований и разработок познавательных технологий в отечественных теории и процессуальном праве. Отечественная наука с осторож-

¹ См.: Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014.

² См.: Он же. Юридическое познание как искусство // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 225–230.

³ См.: Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б. Следственный комитет Российской Федерации как организация проектного типа // Российский следователь. 2014. № 11. С. 42–46.

⁴ См.: Цветков Ю.А. Следственная деятельность как операционная система // Российский следователь. 2014. № 23. С. 17, 21.

⁵ См.: Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М.: ИМПЭ-Паблиц, 2004. С. 36.

⁶ См.: Тульчинский Г.Л. Социальные технологии и знание // Философские науки. 2014. № 10. С. 22, 27.

⁷ См.: Там же. С. 23.

⁸ См.: Виленский М.Я., Образцов П.И., Уман А.И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе. М.: Педагог. об-во России, 2004. С. 5–17.

⁹ См.: Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. 2014. № 3. 89–93.

ностью принимает участие в разработке новых юридических технологий, практически игнорируя, за некоторыми исключениями¹⁰, указанную тематику.

Технологии юридического познания представлены в двух формах деятельности:

а) **научной**, имеющей свой предмет — юридическое познание. Путь к технологизации юридического познания может обеспечить лишь создание специальной теории юридических познавательных технологий, то есть превращение знания об основных закономерностях и методологических основах, разрабатывающих и совершенствующих способы и инструменты наиболее эффективного и планомерного юридического познавательного «производства», в особую науку¹¹. Как **результат научного проекта** технология юридического познания — это описание, модель познавательного процесса, воспроизведение которого гарантирует успех юридических действий. Проектная или сценарно-проектная парадигма¹² лежит в основе описания и проектирования технологий юридического познания, которые, будучи теоретически описанными и отчуждаемыми от объектов применения, могут рассматриваться как социальные технологии;

б) **практической**. В юридическом познании многоаспектность информационно-познавательных исследований и разрозненность производства действий процедурного характера требуют их упорядочения и систематизации¹³. Технология — это деятельность, в максимальной мере отражающая объективные законы предметной сферы, и поэтому проектируемая и внедряемая с учетом специфики конкретной деятельности, определяемой особенностями как объектов, так и субъектов взаимодействия, обеспечивающая наибольшее для данных условий соответствие результатов поставленным целям¹⁴.

Кроме того, технологии юридического познания можно рассматривать как:

а) **синтез науки и практики**. Технологический уровень любого вида дея-

¹⁰ См.: Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008; Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007.

¹¹ См.: Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) // Государство и право. 2000. № 3. С. 110; Пржиленский В.И. Возможна ли техническая наука об обществе? // Философские науки. 2014. № 10. С. 16.

¹² См.: Пржиленский В.И. Указ. соч. С. 14.

¹³ См.: Барцицкая А.А. Сущность технологического аспекта криминалистической тактики // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 159.

¹⁴ См.: Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. С. 40; Технология социальной работы: учебник для бакалавров / под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. М.: Юрайт, 2012. С. 27–41.

тельности может быть обеспечен только на основе высокоразвитой теории и методологии науки. Теория открывает закономерности объекта исследования, методология использует их для формирования алгоритмов и технологий деятельности. Технологии юридического познания, являясь связующим звеном между теорией и методологией, с одной стороны, и юридической практикой — с другой, обеспечивают научно обоснованный выбор оптимальных способов познания объектов.

Когда технология приобретает внешние организационные и правовые формы выражения (разрабатываются инструкции, рекомендации или методики, принимается закон, постановление или решение, создаются учреждения или службы, разрабатывается положение о целях и задачах деятельности, определяются специалисты и их функции), тогда она становится **практикой**.

В данном контексте технологию юридического познания можно определить как последовательную целостную взаимосвязанную систему действий субъекта, направленных на эффективное и качественное решение познавательных задач, или планомерное и последовательное воплощение на практике научно обоснованного и заранее спроектированного юридического процесса;

б) **симбиоз науки и искусства**. Согласно этимологии понятия, технологию юридического познания (*от греч. technon* — «искусство, мастерство, умение» и *logos* — «учение») можно рассматривать как искусство достижения возможного результата, мастерство применения форм, методов и средств познавательной деятельности в правовой сфере;

в) **технологический процесс**. Сфера применения технологических процессов — деятельность с учетом ситуационных изменений. Технология юридического познания — это установленная последовательность юридических действий, процедур, операций и приемов, составляющих в совокупности целостную гносеологическую систему субъектных, инструментальных и методологических средств, применение которых в юридической практике на каждой стадии обеспечивает поэтапное решение сложных познавательных задач в условиях инвариантно протекающего под влиянием определенных социальных (объективных, субъективных) факторов познавательного процесса;

г) **проектирование**. Юридическое познание — это комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на создание, использование, совершенствование познавательного процесса с номинальным качеством и оптимальными затратами, обусловленных текущим уровнем развития науки и общества в целом. Технологии юридического познания позволяют сконструировать прошлое и

участвовать в конкурсе проектов предпочтительного будущего¹⁵.

Каждая из указанных трактовок технологий юридического познания не охватывает их полностью, а отражает лишь определенную сферу применения.

Технология юридического познания на научном уровне решает **комплекс задач**, в числе которых можно выделить следующие:

а) получение и применение знаний об оптимизации механизмов осуществления познавательной юридической деятельности;

б) исследование юридического познания с точки зрения возможности его технологизации;

в) описание многочисленных технологий юридического познания;

г) обоснование технологий юридического познания на основе изучения соответствующих познавательных процессов и отношений субъектов;

д) обоснование критериев применимости и эффективности познавательных юридических технологий;

е) проектирование новых технологий юридического познания;

ж) обеспечение мотивационной деятельности субъекта, основанной на реализации его личностных и профессиональных функций в этом процессе (свободный выбор, состязательность, жизненный и профессиональный смысл);

з) определение границ правилосообразной (алгоритмической) и творческой деятельности юриста, допустимого отступления от единообразных правил.

Сущность технологии юридического познания заключается в:

а) проектировании познавательного процесса с последующей возможностью воспроизведения этого проекта в юридической практике;

б) целеобразовании, предусматривающем возможность контроля за достижением поставленных познавательных целей;

в) разработанности и упорядоченности во времени и пространстве всех основных, вспомогательных и обслуживающих элементов познавательного процесса;

г) структурной и содержательной целостности технологии познания, то есть в недопустимости внесения изменений в один из ее компонентов, не затрагивая другие; динамика каждого компонента влияет на все другие, а значит, и систему в целом;

д) разумном и рациональном выборе оптимальных методов, форм и средств, диктуемых вполне определенными и закономерными связями всех элементов технологии юридического познания, и на этой основе — достижение мак-

симально возможных познавательных целей оптимальными средствами;

е) учете постоянной оперативной обратной связи, позволяющей своевременно и оперативно корректировать процесс познания, а на этапах коррекции организовать даже повторение отдельных элементов технологического процесса;

ж) персональной ответственности субъекта, реализующего конкретную юридическую познавательную технологию, за результат.

Технологии юридического познания можно рассматривать на уровне:

— **метаюридического познания** — уровень теории юридического познания. Здесь важно обозначить те выходящие за пределы формально-логической юридической ткани понятия «юридическое познание» аспекты (над- и внепозитивные), которые могут быть названы метаюридическими, то есть имеющими сложный взаимосвязанный социальный, экономический, политический, социокультурный, психологический, ценностный характер в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой его формирования и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретно-историческое содержание;

— **правовой семьи;**

— **национальной правовой системы;**

— **формы правовой деятельности.** Учитывая специфический характер выделяемых в теории права форм юридической деятельности, можно сделать вывод, что каждой такой форме соответствует своя технология, особенности субъектного состава и инструментального наполнения которой обусловлены своеобразием обслуживаемого ею вида юридической практики;

— **отрасли права;**

— **типа юридического дела** (гражданские, уголовные, административные);

— **вида юридического дела.** В условиях ситуационной зависимости нередко решению подлежат сложные задачи, требующие особого подхода. Для юридической деятельности особое значение имеют разработки, связанные с механизмами принятия решений **в ситуациях, существенно различающихся по объему информации в основаниях принятия решений.** Правовые решения, принимаемые в условиях неопределенности (ОРД, дознание, начальные стадии предварительного расследования), и правовые решения при установлении всех предусмотренных законом фактических обстоятельств имеют различную логическую структуру и требуют различных познавательных процедур и технологий. Так, объем информации, которым располагает орган расследования, рассматрива-

¹⁵ См.: Пржиленский В.И. Концептуальные и социальные предпосылки философии познания // Философские науки. 2013. № 6. С. 8.

ется в криминалистике как базовый критерий классификации криминалистических методик расследования, существенно различающихся по сложности, трудоемкости, кадровому, научно-техническому и информационному обеспечению. В связи с этим разрабатываются и на практике реализуются технологические программы решения типовых задач, предусматривающие корректировку и приведение системы определенных действий в соответствие с ситуационными изменениями, ее адаптации к особенностям конкретного юридического дела¹⁶;

- **отдельного вида юридического познавательного (процессуального, следственного) действия.** Под действием следует понимать обособленную во времени и имеющую отличное содержание часть деятельности, направленную на достижение промежуточной цели¹⁷. В процессуальном познании, например, первичным элементом является процессуальное познавательное действие (следственные, судебные действия), приводящие к формированию доказательств — средств юридического познания и доказывания.

Может вызвать возражение отнесение двух последних позиций к технологиям. Действительно, речь, скорее, должна идти о методиках, в то же время в определенных случаях проблематика поднимается на уровень технологий. Например, осмотр места происшествия в условиях современного российского уголовного процесса и тоже действие в рамках так называемого полицейского (административного) расследования, характерного для уголовного процесса ряда западноевропейских государств и США, по нашему мнению, различается именно технологическим подходом.

Прослеживается определенная закономерность — чем ниже уровень, тем больше увеличиваются, с одной стороны, возможность, а с другой — необходимость более детальной проработки технологий юридического познания. В то же время увеличивается и значимость человеческого фактора, и требующее учета в конструировании инвариантное поведение субъекта. Мера эффективности технологий юридического познания существенно зависит от того, насколько полно в них представлен человек в его многообразной субъективности.

Чем примитивнее схема, тем удобнее построить ее внешне безупречно, выборочно представить те или иные факты, которые ее подтверждают. Избыточная идеализация, как правило, произвольно исключает наиболее сложные и наименее изученные свойства, структуры

и элементы объектов. В состав характеристик включают те, которые известны, обходят те, по которым нет информации или она противоречива, неоднозначна. Неисследованность означает, что есть проблема, есть попытки ее описания и решения, но одновременно прослеживается неопределенность, случайность, несогласованность и разноречивость по многим аспектам ее рассмотрения¹⁸.

Технологическая структура юридического познания

Технология юридического познания — системная совокупность и порядок функционирования личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения целей, представляющие собой **целостную** объемную **полиструктуру**, состоящую из **вертикальных и горизонтальных** уровней, обусловленную объективной логикой разнонаправленных функциональных взаимосвязей элементов структуры, которые создают и реализуют функционирование юридической познавательной системы.

При определении **вертикальной технологической структуры метаюридического познания** при дальнейшем исследовании проблемы нами за основу принята выведенная профессором В.Н. Карташовым структура юридической технологии. По его мнению, это комплекс юридических принципов, прогнозов и планов (стратегия), действий и операций компетентных физических и должностных лиц, в ходе которых используются нужные ресурсы (материальные, трудовые, финансовые и т.п.), специально-юридические и иные средства (техника), способы и правила (тактика), процессуальные формы и соответствующие виды контроля за деятельностью субъектов права¹⁹. Ученый, говоря о соотношении понятий, уточняет, что **юридическая техника** представляет собой инструментальную часть технологии, в содержание которой входит система общесоциальных, технических и специально-юридических **средств**, используемых субъектами и участниками в процессе соответствующих действий и операций²⁰.

К структурным составляющим **внутреннего механизма технологии** юридического познания (горизонтальной структуре) мы относим совокупность познавательных целей и задач, со-

¹⁶ См.: Барцицкая А.А. Указ. соч. С. 159–160; Колдин В.Я. Указ. соч. С. 91.

¹⁷ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000. С. 96, 114. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/ (дата обращения: 26.08.2014).

¹⁸ См.: Информационные ресурсы для принятия решений. учеб. пособие. М.; Екатеринбург: Академ. проект: Деловая книга, 2002. С. 263, 328.

¹⁹ См.: Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 17.

²⁰ См.: Он же. Юридические технологии — перспективные направления исследований в современной науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 46–49.

держание познания, средства взаимодействия (методы познания), организацию познавательного процесса (формы познания), средства познания, субъектов, с помощью которых осуществляется познавательный процесс в правовой сфере и достигается конкретный результат.

Отнесенность компонентов к структуре определяется их участием в достижении цели, поэтому тот или иной элемент, например в процессуальном познании, может быть отнесен к ней, исходя из характера функционирования, процесса создания юридического факта как целостного образа.

Каждый из элементов технологии юридического познания представляет собой относительно самостоятельное образование, которое может вычленяться познающим в качестве объекта исследования и рассматриваться с разных сторон, в том числе в аспекте **процессуальной формы**.

М.Л. Якуб писал: «Под процессуальной формой (процессуальным порядком) понимаются как условия и последовательность производства отдельных процессуальных действий и принятия решений, так и условия производства по делу в целом, то есть все формы судопроизводства в их совокупности, в их системе как единое целое»²¹.

Технология юридического познания является собой осуществляемый в регламентированном действующим законодательством порядке, последовательности и объеме процесс установления обстоятельств, имеющих правовое значение²².

В то же время технологическая структура юридического познания значительно шире процедурной в смысле процессуальной формы и раскрывается в системе процедурных, информационно-познавательных, познавательно-аналитических и тактических аспектов познавательной, организационной, плановой, управленческой деятельности, представляя единый технологический процесс. Организация юридического познания — это основанное на законе упорядочение познавательного процесса путем определения и конкретизации его целей, планирования, создания условий и руководства познавательным процессом.

В структуру юридического познания входят **средства, правила, приемы, способы и методы**, не нашедшие нормативного закрепления и не нуждающиеся в нем²³. В технологии переплетается правовое установление и упорядоченное мышление, опирающееся на законы логики. Познавательные процессы происходят скрытно в сознании субъекта; эти процессы подчиняются не юридическим нормам, а законам логики

и человеческого мышления, преломляясь через правосознание юристов. Информационно-познавательные, познавательно-аналитические и тактические аспекты юридического познания есть наполнение формы содержанием. Вместе с тем разграничение указанных аспектов носит достаточно условный характер, так как данные элементы подлежат взаимодействию на всех этапах юридического познавательного процесса²⁴.

Поскольку мы говорим о достаточно богатой архитектуре строения юридического познания, следует подчеркнуть, что на разных уровнях его технологической структуры отдельные элементы могут приобретать различные вариации. Например, в рамках уголовного дела может быть проведена тактическая операция, а для следственного действия характерен тактический прием. В судебном следствии эффективность деятельности субъектов зависит от тактики исследования доказательств.

Эффективность любой технологии предполагает гарантированное достижение четко сформулированных **целей**, но, к сожалению, до настоящего времени для юридического познания однозначно не выявлены и не сформулированы критерии их достижения, при отсутствии которых говорить о возможности получения гарантированных результатов не приходится. Использование субъективных экспертных оценок не позволяет сегодня снять обозначенную проблему.

Специфика профессионально-ориентированных технологий юридического познания в первую очередь связана с тем, что гносеологические цели и задачи далеко не всегда являются системообразующими. При конструировании той или иной технологии на первый план выдвигаются вопросы обеспечения защиты признанных на данном историческом этапе в данном конкретном государстве социальных ценностей. На современной стадии развития общества эффективность юридического познавательного процесса определяется его нацеленностью на **обеспечение гарантированности правовых стандартов** (демократические, международные, европейские стандарты справедливого судебного разбирательства²⁵). Как отмечает профессор Л.А. Воскобитова: «Главной проблемой при создании современной технологии уголовного судопроизводства становится столкновение и пересечение публичных интересов государства при реагировании на совершенное преступление, и прав и свобод человека, вовлекаемого в той или иной процессуальной роли в уголовное судопроизводство»²⁶.

²¹ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1981. С. 9.

²² См.: Сычева О.А. Тактика судебного следствия: монография. Ульяновск: Вектор-С, 2012. § 1.5. Технология и средства познания, используемые в судебном следствии URL: <http://www.twirpx.com/file/1625394/> (дата обращения: 17.03.2015).

²³ См.: Колесник И.В. Указ. соч. С. 24.

²⁴ См.: Барцицкая А.А. Указ. соч. С. 157, 159–161.

²⁵ См.: Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V., Terehin V.V. Dal piano della concorrenza — per completare l'Inquisizione: l'evoluzione del diritto processuale penale russo // Italian Science Review. 2014. № 5 (14). P. 147, 149.

²⁶ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. 2014. № 10. С. 41.

Актуальными в настоящее время являются концепции, согласно которым речь идет не о достижении объективной истины как цели юридического познания, а о создании необходимых условий для того, чтобы нужные процессы протекали в нужном русле и направлении, что в итоге ориентирует на вероятностный характер результата.

Смысл технологии юридического познания заключается в точном определении требований, предусматривающих всю технологическую цепочку от начала до конца познавательной деятельности, а также четком описании поэтапной координации направленных на достижение результата как индивидуальных, так и совместных действий субъектов юридического познания, понятных как законодателю, так и конкретному исполнителю. Последовательность и порядок действий должны базироваться на внутренней логике функционирования и развития самой познавательной системы.

Недопустимость искажений технологии является неременным условием достижения результатов, адекватных поставленной цели, поскольку значительные отклонения от технологических параметров влекут опасность деформации всего познавательного процесса и получение результата, не соответствующего ожидаемому. При этом важно подчеркнуть, что юридические познавательные технологии как наиболее человекоемкие имеют больший диапазон возможных отклонений. Процедуры, операции и приемы, из которых складывается технология юридического познания, нельзя интерпретировать как звенья алгоритма, детально описывающего путь достижения того или иного гносеологического результата. Скорее их следует рассматривать как опорные познавательные средства, обеспечивающие в совокупности движение субъекта познания к заданным целям.

Если рассматривать технологию познания как своеобразный инструментарий для организации и осуществления юридической деятельности **индивидуальным субъектом**, то со всей очевидностью можно утверждать, что она будет уточняться с учетом личных профессиональных качеств субъекта и условий, но основные ее структурные компоненты все же будут оставаться неизменными, поскольку они связаны системно в соответствии с конкретными целями и задачами, для которых проектировались.

Насущными являются вопросы развития и саморазвития личности юриста, способного не только обслуживать имеющиеся юридические технологии, но и выходить за пределы нормативной деятельности, осуществлять инновационные процессы, процессы творчества в широком смысле²⁷. Социальная технология всегда

связана с прогнозом последствий, а это не может не порождать формирование позитивной профессиональной ответственности юриста за совершаемые юридические действия или принимаемые решения²⁸.

Для юридического познания актуально используемое в теории управления определение технологии как **последовательности этапов социального взаимодействия**, в ходе которой каждый субъект, участвующий во взаимодействии, реализует собственную стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность. Технология призвана оптимизировать взаимодействие и исключить все те операции, которые не являются необходимыми для получения результата²⁹.

Отдельные виды юридического познания предполагают формирование **горизонтальных и вертикальных технологических цепочек субъектов**. В рамках горизонтальной технологической цепочки неоподчиненных субъектов структура связей может быть «симфонической» (работа адвоката и государственного обвинителя в судебном следствии) и/или последовательной (передача информации органом дознания следователю), обеспечивающей формирование определенного объема интегрированной информации по юридическому делу.

В вертикальной технологической цепочке субъектов юридического познания в рамках иерархической связи вышестоящий субъект ревизует (верифицирует) правильность выводов нижестоящего, и здесь особое значение имеет смена субъекта в рамках завершеного цикла познавательного процесса (стадийность, цикличность).

Поскольку в юридическом познании преобладает опосредованный способ получения сведений, в любой его технологии большая нагрузка по реализации познавательных функций отводится применяемому субъектом **инструментарии** — совокупности основных и вспомогательных средств познания, с помощью которых субъект может получить информацию для формирования правильного и полного представления об объекте познания³⁰. Не любые средства познания могут создавать юридические познавательные технологии, более того, определенные средства познания и особенности их использования создают совершенно иную модель познания, иную культуру юридического познавательного процесса. Системное исследование объекта познания позволяет в рамках закона

²⁸ См.: Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 37.

²⁹ См.: Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. акад. управления и экономики, 2010. С. 427.

³⁰ См.: Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. № 12. С. 25.

²⁷ Подробнее, см.: Боруленков Ю.П. Компетентность субъекта юридического познания // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 322–330.

разработать необходимый инструментарий для целенаправленной организации поисково-познавательной, результативной познавательно-аналитической и эффективной тактической деятельности субъекта и тем самым оптимизировать познавательный процесс³¹.

Процессуальное право, и прежде всего «доказательственное право» (текст законодательства и его интерпретация), представляет собой **когнитивную программу**, в которой сконцентрированы данные опыта. Процессуальное доказательство не просто информация, а процедурное знание, которым обмениваются субъекты юридического познания и доказывания. Процедурная сторона знаний состоит в их прагматичности, в их способности к использованию для решения дела. Значение процессуальной процедуры — обеспечить эстафетное знание³².

Как и в любой технологии, в процессуальном познании недопустимы отклонения от требований процессуального закона, которые приводят к нарушению процедурного порядка, неукоснительное соблюдение которого является непременным условием законности действий и решений по юридическому делу³³.

**Проблемные вопросы
конструирования технологий
юридического познания
в правоприменительной деятельности**

Юридическое познание, являясь средством конструирования правовой реальности, входит в такую фазу своего развития, которая позволяет ему осмысливать себя как саморазвивающееся целое и ставить вопросы о закономерностях собственного становления (теория самоописания). Речь идет двух вариантах самоописаний, одно из которых превращается в сугубо техническое, если институты возникают путем легитимации уже существующих социальных практик, или если введение закона и появление соответствующего права рано или поздно становится социальной действительностью и изменяет повседневную жизнь людей³⁴. В обоих случаях речь фактически идет о концептуализации технологий — то ли как систематизации некоей эм-

пирически сложившейся рецептуры, то ли как разработки прикладных методик, применения теоретического знания³⁵.

Созданные эволюционным путем технологии рождаются и отбираются на протяжении всего исторического процесса социально-экономической деятельности. В их основе лежит практический опыт применения тех или иных средств. Их преимущество в том, что они выверены и отобраны не одним поколением людей, удобны и просты в употреблении, адаптивны, имеют компенсационные резервы.

Например, европейская цивилизация в процессе своего исторического развития выработала два подхода к созданию технологий уголовного судопроизводства. В зависимости от того, каким образом законодатель распределяет функции обвинения (уголовного преследования), защиты и разрешения дела по субъектам, складывается две альтернативные программы организации процесса и познания — состязательная или несостязательная (следственная) формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности³⁶. Как отмечает профессор Л.А. Воскобитова, у каждого из названных подходов есть свои плюсы и минусы, ни один из них не является в современных условиях идеальным, обладающим бесспорными и принципиальными преимуществами³⁷.

Создание новых технологий является объективным и закономерным процессом. Во-первых, изменение объекта воздействия, условий, поставленной цели предопределяет необходимость постоянного поиска все новых и новых технологий. Усложнение общественных отношений предопределяет не только разнообразие технологий, но и диалектическое единство стереотипных и творческих действий³⁸. Во-вторых, накопление практического опыта применения технологии ставит вопрос о его теоретическом осмыслении, упорядочении, возможностях применения, что рано или поздно приводит к ее совершенствованию.

Технологический подход к юридическому познанию предполагает оптимальное построение и реализацию познавательного процесса с целью гарантированного достижения социальных целей, исходя из заданных исходных установок. Модификации технологий юридического познания зависят от определенных условий: состояния материальных, политических, финансо-

³¹ См.: Пристанков В.Д. Системное исследование события преступления // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сб. материалов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М.: Академия МВД России, 2012. Ч. 1. С. 248–250.

³² См.: Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Доказывание в суде присяжных: de dicto vs. de re // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 97, 101.

³³ См.: Агибалова В.О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 13–14.

³⁴ См.: Пржиленский В.И. Философия права в современной России: культурные, эпистемологические и дидактические контекстуализации // Философские науки. 2014. № 12. С. 40–41.

³⁵ См.: Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 20.

³⁶ См.: Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 99; Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Указ. соч. С. 104.

³⁷ См.: Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология... С. 38–40.

³⁸ См.: Смирнова И.Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 285.

вых и кадровых ресурсов общества; исторических условий, традиций и др.

По нашему мнению, не всякая организованная определенным образом деятельность есть технология, характеризующаяся, прежде всего, целостностью, стройностью и теоретической проработанностью.

Научно разработанные технологии — это систематизированные и определенным образом интегрированные формы и способы реального взаимодействия людей. Последовательность средств этого взаимодействия оформляется в более или менее четкие формулы — правила, имеющие целью упорядочить то или иное явление или социальный процесс. Привычные, наилучшие, удобные и полезные, проверенные на прочность правила отбираются с учетом перспектив и предстают в виде сознательно выстроенной программы (алгоритма), позволяющей за конечное число шагов получить желаемый результат³⁹.

Реальный процесс юридического познания определяется многими факторами. А это значит, что для решения конкретной правовой проблемы возможно и необходимо разрабатывать и внедрять набор технологий с использованием форм, методов и способов юридической познавательной деятельности. Следует подчеркнуть, технология юридического познания, как и любой метод, инвариантна как к задаче деятельности, так и процессуальной форме⁴⁰.

Разработка технологий юридического познания — это **наукоемкий процесс**, требующий огромного объема информации, специальной селекции, обращения к результатам научных достижений. Теоретическая обоснованность технологии юридического познания придает ей объективность и научную обоснованность, логичность, обеспечивает принципиальность и независимость суждений приверженцев этих знаний как среди теоретиков, так и среди практиков.

Для совершенствования технологий юридического познания возникает настоятельная необходимость выявления значимых с точки зрения гносеологии закономерностей их создания, преобразования и использования. Технология юридического познания — это, прежде всего, юридический познавательный процесс, максимально реализующий в себе познавательные законы и закономерности и благодаря этому обеспечивающий достижение конкретных конечных результатов. Чем полнее постигнуты и реализованы эти законы и закономерности, тем выше гарантия получения требуемого результата.

Технология юридического познания, с одной стороны, является объектом **правового мони-**

торинга, а с другой — включает последний в свою структуру в качестве одного из элементов, на основе данных которого развиваются средства, правила, приемы, способы, методы юридической познавательной технологии, совершенствуется законодательство и практика его применения⁴¹.

Разработка и теоретическое осмысление категории «технологии юридического познания», а также формирование технологических подходов к совершенствованию юридической познавательной практики требует объединения усилий не только юридических, но и других социальных наук, в том числе философии, психологии, социологии и др. Необходимо использовать также ресурсы и инструменты, которыми располагают исследователи, специализирующиеся в сфере социогуманитарного знания, социального инжиниринга, социального планирования и проектирования⁴².

Есть целый ряд **особенностей и ограничений**, которые необходимо учитывать при конструировании технологий юридического познания. К их числу можно отнести следующие.

Во-первых, особенность **объекта юридического познания** обусловлена двойственностью самой его природы, включающей как область реальных событий, так и сферу их юридической значимости⁴³. Иными словами, в юридическом познании имеются две стороны — *de facto* (фактическая) и *de jure* (юридическая).

Во-вторых, сущность юридического познания проявляется **в попытках ограниченного в пространстве и времени субъекта понять и выразить конечными средствами бесконечное разнообразие объектов правовой сферы**. Эта ограниченность неизбежно проявляется в абстрагировании от одних свойств и выделении других, существенных в определенном смысле (плане, цели) и образующих некоторую целостную выделенность вещи. Технологизация юридической познавательной деятельности означает стремление за конечное число шагов построить, сконструировать, воссоздать данную вещь как единое целое⁴⁴.

В-третьих, **юридическое познание есть конструирование правовой реальности**. Познающий субъект из имеющегося фактического материала отбирает то, что, по его мнению, имеет юридическое значение, и **выстраивает** в своем сознании юридический **образ** устанавливаемого события⁴⁵. В юридическом процессе

⁴¹ См.: Колесник И.В. Указ. соч. С. 11–13.

⁴² См.: Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология... С. 44.

⁴³ См.: Она же. Философские аспекты проблем познания... С. 26.

⁴⁴ См.: Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 24–25.

⁴⁵ См.: Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 59.

³⁹ См.: Технология социальной работы... С. 27–41; Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 21.

⁴⁰ См.: Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. 2014. № 3. С. 92.

не существует иной реальности, кроме той, которая дана в материалах юридического дела и создается субъектами в процессе юридического общения⁴⁶. Субъекты юридического познания и доказывания находятся в юридическом пространстве *только* как процессуальные фигуры, «жизненные события» выступают *только* как «юридическое дело»⁴⁷.

В-четвертых, в праве присутствует такая черта, как недоверие к самому себе. Неотождествление права со справедливостью ведет к неверию в профессионализм юридического познания и введение таких познавательных конструкций, как суды с участием присяжных заседателей⁴⁸.

В-пятых, выдвигаются жесткие нормативные требования к средствам познания и доказывания.

В-шестых, *качество технологий* юридического познания определяется в числе прочих **временным фактором** — скоростью принятия и реализации решений. Актуальными здесь являются такие технологические конструкции, как признание факта, особый порядок, сделки.

В-седьмых, в силу свойства системности, право не есть механическая совокупность отдельных норм или отдельных предписаний закона. **Практика показывает неудачность изолированного реформирования отдельных звеньев системы судопроизводства.** Как подчеркивает профессор Л.А. Воскобитова, внося те или иные изменения в процессуальный закон, законодатель вторгается в целостный и системный объект, который воспринимает изменение только при условии, что оно не противоречит системе. А если противоречит, то система игнорирует его и продолжает работать в режиме, существовавшем до внесения изменений, или отторгает новеллу и вырабатывает некие «квазиправила», искажающие существо новеллы, но адекватные системе. В результате практика реализации технологий юридического познания оказывается значительно шире, чем предписания закона, она начинает осуществляться «параллельно» с законом, а иногда и противоположно ему⁴⁹. Из этого следует, что и отдельно взятое процессуальное право в целом не может быть прогрессивнее, чем вся правовая система⁵⁰.

⁴⁶ См.: Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Указ. соч. С. 95.

⁴⁷ См.: Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. Вып. 1. Ч. 2. М.: Изд-во Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1996. С. 264.

⁴⁸ Подробнее, см.: Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: монография / под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. С. 100, 134.

⁴⁹ См.: Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право: проблемы понимания и применения // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (22 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ См.: Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V., Terehin V.V. Op. cit. P. 148.

В-восьмых, при конструировании технологической концептуальное значение имеет процессуальная форма судопроизводства.

Как отмечает И.В. Колесник, структура правоприменительной технологии отличается от общей структуры юридической технологии наличием дополнительного структурного элемента — процессуальной формы, элементами которой являются: 1) процессуальные производства (составной элемент процессуальной формы, характеризующий расчлененность юридического процесса по предметному основанию и отражающий объективную потребность общественного разделения труда, профессиональной специализации деятельности участников юридического процесса), 2) процессуальные режимы (атмосфера процессуальной деятельности, совокупность требований, обеспечивающих обстановку целесообразного благоприятствования для оптимального осуществления действий всех участников юридического процесса), 3) процессуальные стадии (закрепленный нормами процессуального права соответствующего вида порядок осуществления процессуальных действий)⁵¹.

Профессор А.А. Давлетов выделяет три взаимосвязанных аспекта данной проблемы, подлежащие рассмотрению в определенной иерархии. По мнению ученого, главенствующую роль играет проблема состязательности, поскольку посредством нее решается вопрос о типе, модели юридического процесса в целом. Далее располагается проблема стадийности процессуальной деятельности, вытекающая из типологии судопроизводства. И проблема дифференциации формы, основанная как на типологии, так и на стадийности организации процессуальной деятельности⁵².

В-девятых, существенное значение имеют особенности отдельных отраслей права в национальных правовых системах. Например, на форму уголовного судопроизводства современной России особое влияние оказывают три взаимосвязанных аспекта: презумпция недобросовестности следствия; особо заформализованная стадия возбуждения уголовного дела; и гиперзаформализованное понятие «процессуальное доказательство», содержание которого сконцентрировано в таком его свойстве, как «допустимость доказательства».

В-десятых, нормы, определяющие основные права и свободы человека, признанные на международном уровне и закрепленные в актах международного права, также становятся неотъемлемой частью национального права, независимо от того, каким образом они закрепляются в национальном законодательстве, и закрепляются ли вообще⁵³.

⁵¹ См.: Колесник И.В. Указ. соч. С. 23–24.

⁵² См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 101.

⁵³ См.: Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право... // СПС «КонсультантПлюс».

В-одиннадцатых, в юридическом познании, как правило, присутствует технологическая цепочка субъектов познания. Особенность юридического познания заключается в том, что позиция лица, начинающего производство по делу, в отсутствие корректировки задает траекторию юридического дела, которую тем сложнее исправить, чем дальше продвинулось дело по стадиям процесса⁵⁴. Даже при наличии в составе технологии оптимальных (с точки зрения решаемых юридических задач) методов и организационных форм познания, самых современных средств представления информации, невозможно сделать познавательный процесс управляемым и целенаправленным, если не налажена **система контроля** за его ходом, своевременная проверка и оценка результата, отсутствует обратная связь.

С позиций управления познавательной деятельностью контроль призван обеспечить внутреннюю (самоконтроль) и внешнюю (контроль иных субъектов) обратную связь и направлен на получение информации, анализируя которую, субъект вносит необходимые коррективы в ход познавательного процесса. Все основные свойства, ограничения и требования, предъявляемые к контролю, обусловлены именно взаимосвязью с другими функциональными элементами процесса управления, выступающими **основными точками контроля** и затрагивающими цели, содержание, прогнозы, решения, организацию и исполнение действий, коммуникацию и коррекцию.

При проектировании профессионально-ориентированной технологии юридического познания перед законодателем встает задача **выбрать методы и формы контроля**, критерии качества юридического познания, разработать процедуры его осуществления, обосновать способы коррекции познавательной деятельности. И здесь актуальными являются вопросы о критериях правильности познания единичного со-

бытия прошлого; о соотношении субъективного и объективного в познании вообще и в юридическом познании в особенности; о возможности адекватного перевода знания в слова (тексты) и о соотношении текста, знания и той реальности, в которой произошло единичное событие, ставшее объектом познания⁵⁵.

При конструировании или оценке той или иной технологии юридического познания актуальным является вопрос об их прогрессивности, критерием которой являются следующие признаки:

- увеличение степени дифференцированности (разнообразия) системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов;
- усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия;
- воспроизведение в расширяющихся масштабах основных функций системы;
- рост автономности системы по отношению к внешним условиям;
- усиление степени организации, степени целостности системы⁵⁶.

В заключение следует отметить, что исследование юридических технологий, всестороннее познание особенностей их развития и функционирования в настоящее время особо актуальны как в теоретическом, так и практическом плане. Для юридической науки сама постановка вопроса о необходимости изучения технологий юридического познания, их истории, характеристик и реальных практик применения является полезной и дает импульс технологизации юридического познания с применением проектно-аналитических методик, адекватных поставленным задачам, что придает столь желанную управляемость и создаст саму возможность конструирования юридических технологий, способных на твердом фундаменте теоретического знания перевести политические декларации в реальную и результативную юридическую практику⁵⁷.

Библиография:

1. Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Доказывание в суде присяжных: de dicto vs. de re // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 5 (16). — С. 90–104.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия; учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби: Проспект, 2005. — 608 с.
3. Барцицкая А.А. Сущность технологического аспекта криминалистической тактики // Российский юридический журнал. — 2011. — № 4. — С. 157–161.
4. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 392 с.
5. Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б. Следственный комитет Российской Федерации как организация проектного типа // Российский следователь. — 2014. — № 11. — С. 42–46.

⁵⁵ См.: Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания... С. 24.

⁵⁶ См., например: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: ТК Велби: Проспект, 2005. С. 492.

⁵⁷ См.: Пржиленский В.И. Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией // Философские науки. 2012. № 5. С. 12; Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология... С. 38.

⁵⁴ См.: Никонов М.А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 6.

6. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 4. — С. 56–64.
7. Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. — 2013. — № 12. — С. 22–31.
8. Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право: проблемы понимания и применения // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (22 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. — 2014. — № 10. — С. 37–46.
10. Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. — 2012. — № 6. — С. 97–102.
11. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: монография / под ред. В.П. Сальникова. — М.: Норма, 2014. — 208 с.
12. Информационные ресурсы для принятия решений: учеб. пособие. — М.; Екатеринбург: Академ. проект: Деловая книга, 2002. — 560 с.
13. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 16–24.
14. Карташов В.Н. Юридические технологии — перспективные направления исследований в современной науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. — 2008. — № 6. — С. 46–49.
15. Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. — 2014. — № 3. — С. 89–93.
16. Марков М. Технология и эффективность социального управления / пер. с болг. — М.: Прогресс, 1982. — 267 с.
17. Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. — Вып. 1. — Ч. 2. — М.: Изд-во Международ. ком. содействия правовой реформе, 1996. — С. 251–310.
18. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. — М.: ИМПЭ-Паблиш, 2004. — 400 с.
19. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академ. проект, 2000. — 880 с.
20. Пржиленский В.И. Возможна ли техническая наука об обществе? // Философские науки. — 2014. — № 10. — С. 9–20.
21. Пржиленский В.И. Концептуальные и социальные предпосылки философии подозрения // Философские науки. — 2013. — № 6. — С. 8–22.
22. Пржиленский В.И. Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией // Философские науки. — 2012. — № 5. — С. 8–18.
23. Пржиленский В.И. Философия права в современной России: культурные, эпистемологические и дидактические контекстуализации // Философские науки. — 2014. — № 12. — С. 32–42.
24. Пристансков В.Д. Системное исследование события преступления // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сб. материалов 53-х криминалист. чтений: в 3 ч. — М.: Академия МВД России, 2012. — Ч. 1. — С. 248–250.
25. Смирнова И.Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3 (14). — С. 285.
26. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. акад. управления и экономики, 2010. — 427 с.
27. Сычева О.А. Тактика судебного следствия. Ульяновск: Вектор-С, 2012. URL: <http://www.twirpx.com/file/1625394/>
28. Технология социальной работы: учебник для бакалавров / под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. — М.: Юрайт, 2012. — 503 с.
29. Тульчинский Г.Л. Социальные технологии и знание // Философские науки. — 2014. — № 10. — С. 20–30.
30. Цветков Ю.А. Следственная деятельность как операционная система // Российский следователь. — 2014. — № 23. — С. 17–22.
31. Якуп М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. — М.: Юрид. лит., 1981. — 145 с.
32. Alexandrov A.S., Lapatinikov M.V., Terehin V.V. Dal piano della concorrenza — per completare l'Inquisizione: l'evoluzione del diritto processuale penale russo // Italian Science Review. 2014. № 5(14). P. 146–151.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2015 г.

LEGAL COGNITION TECHNOLOGIES: CONTENTS AND ELEMENTS

Borulenkov, Yuri Petrovich — PhD in Law, Associate Professor, Vice-Rector of the Academy of Investigation Committee of Russia.
[borulenkov@bk.ru]
125080, Russia, Moskva, ul. Vrubelya, 12.

Review. *The attention of the author of this article is centered upon the technological approach as one of the aspects of legal cognition. It is noted that legal cognition, being means of construing legal reality, legal cognition enters the phase of its development, allowing it to understand itself as a self-developing whole and pose questions on the patents of its own development. The need to guarantee the results of*

legal cognition and the possibility to view it as a working process both require standardizing these types of activity and development of the special cognitive techniques, means and methods, as well as means for the interaction of its subjects. Bringing technology into cognitive process reflects the direction of applied studies towards the radical improvement of human activities, making them more efficient, more intense, more instrumentally and technically equipped, providing them with a dynamic, target-setting, constructive and creative character. In the opinion of the author, it is not that every organized activity is technology. Technological character of legal cognition refers to the transition to a new stage of efficiency, optimum, scientifically intensive cognitive process. The technology of legal cognition is a systemic combination and procedure for the functioning of personal, instrumental and methodological means used to achieve the goals, forming a comprehensive large-scale poly-structure, including vertical and horizontal levels, based upon the objective logics of variously directed functional ties among the elements within the structure, forming and implementing functioning of the legal cognitive system. It is stressed that technological structure of legal cognition is much wider than a procedural one in the sense of procedural form, and it is revealed through procedural, informative, cognitive, cognitive-analytical and tactical aspects of cognitive, organizational, planned, administrative activities, being an unified technological process. The article concerns topical issues, establishing certain specificities and limitations, which should be taken into consideration, when construing the technologies for legal cognition in legal activities. It is noted that specificities of professionally oriented technologies of legal cognition concerns first of all the fact that epistemological goals and purposes are not always system-forming.

Keywords: *epistemology, methodology, cognition, legal cognition, methodology of legal cognition, technology of legal cognition, professionally oriented technologies, structures of cognition technology, construing cognition technology, specificities of construing technology, technologies for legal practical activities.*

Bibliography:

1. Aleksandrov, A.S., Bosov, A.E., Terehin, V.V. Proof in trial by jury: de dictovs. de re // Biblioteka kriminalista. — 2014. — № 5 (16). — P. 90–104.
2. Alekseev, P.V., Panin, A.V. Philosophy: manual. — 3rd Ed., amended. — M.: TK Velbi: Prospekt, 2005. — 608 p.
3. Barcickaja, A.A. Nature of the technological aspect of the forensic tactics // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2011. — № 4. — P. 157–161.
4. Borulenkov, Y.P. Legal cognition (some methodological, theoretical, praxeological aspects): monograph/ scientific editor V.N. Kartashov. — M.: Jurlitinform, 2014. — 392 p.
5. Borulenkov, Y.P., Grankina, A.B. Investigation Committee of the Russian Federation as a project-type organization // Rossijskij sledovatel. — 2014. — № 11. — P. 42–46.
6. Voskobitova, L.A. Some specific features of cognition in criminal judicial proceedings, contradicting the myth of truth // Biblioteka kriminalista. — 2012. — № 4. — P. 56–64.
7. Voskobitova, L.A. Philosophical aspects of cognitive problems in criminal judicial proceedings. // Filosofskie nauki. — 2013. — № 12. — P. 22–31.
8. Voskobitova, L.A. Criminal procedural law: problems of understanding and application. // Interrelation between constitutional and criminal judicial proceedings. Collected articles based upon the materials of the all-Russian Scientific and Practical Conference (March, 22, 2013) // SPS «KonsultantPlus».
9. Voskobitova, L.A. Criminal judicial proceedings as a social technology // Filosofskie nauki. — 2014. — № 10. — P. 37–46.
10. Davletov, A.A. Problems of the procedural form of criminal judicial proceedings // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2012. — № 6. — P. 97–102.
11. Zaharcev, S.I. Some problems in theory and philosophy of law: a monograph / Ed. By V.P. Salnikov. — M.: Norma, 2014. — 208 p.
12. Information resources for decision-making: a manual. — M.; Ekaterinburg: Akadem. proekt: Delovaja kniga, 2002. — 560 p.
13. Kartashov, V.N. Legal technology or legal technique? Some methodological aspects of studies // Juridicheskaja tehnika. — 2007. — № 1. — P. 16–24.
14. Kartashov, V.N. Legal technologies — perspective directions of development in the modern science // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser.: Gumanitarnye nauki. — 2008. — № 6. — P. 46–49.
15. Koldin, V.Y. The problem of technological level of legal implementation // Gosudarstvo i pravo. — 2014. — № 3. P. 89–93.
16. Markov, M. Technology and efficiency of social administration / Translated from Bulgarian. — M.: Progress, 1982. — 267 p.
17. Nikitaev, V.V. Topical situations in criminal process and legal thinking // Competitive justice: works of scientific and practical laboratory. Issue 1, V. 2. — M.: Izd-vo Mezhdunar. kom.sodejstvija pravovoj reforme, 1996. — P. 251–310.
18. Obrazcov, V.A. Forensic studies: models of means and technology for revealing crimes: cycle of lectures. — M.: IMPZh -Publish, 2004. — 400 p.
19. Parsons, T. On structure of a social act. — M.: Akadem. proekt, 2000. — 880 p.
20. Przhilenskij, V.I. Is technical science on society possible? // Filosofskie nauki. — 2014. — № 10. — P. 9–20.

21. Przhilenskij, V.I. Conceptual and social prerequisites for the suspicion philosophy // *Filosofskie nauki*. — 2013. — № 6. — P. 8–22.
22. Przhilenskij, V.I. Managing archaization: between ethics, teleology and technology // *Filosofskie nauki*. — 2012. — № 5. — P. 8–18.
23. Przhilenskij, V.I. Philosophy of law in the modern Russia: cultural, epistemological, didactic contextualizations. // *Filosofskie nauki*. — 2014. — № 12. — P. 32–42.
24. Pristanskov, V.D. Systemic study of a crime as an event // *Modern forensic studies: problems, tendencies, names (on the 90th anniversary of Professor R.S. Belkin)*. Collected Materials of the 53 Forensic Readings (in 3 v.). — M.: Akademija MVD Rossii, 2012. — V. 1. — P. 248–250.
25. Smirnova, I.G. On the issue of some tendencies in the development of the criminal procedural policy: footnotes. // *Biblioteka kriminalista*. — 2014. — № 3 (14). — P. 285.
26. Social technologies for public administration: regional level / Ed. By Y.A. Margulyan. — SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburg.akad. upravlenija i jekonomiki, 2010. — 427 p.
27. Sycheva, O.A. Judicial investigation tactics. Ulyanovsk: Vektor-S, 2012. URL: <http://www.twirpx.com/file/1625394/>
28. Technology for social work: manual for Bachelor's Degree Students / Ed. by E.I. Holostova, L.I. Kononova. — M.: Jurayt, 2012. — 503 p.
29. Tulchinskij, G.L. Social technologies and knowledge // *Filosofskie nauki*. — 2014. — № 10. — P. 20–30.
30. Cvetkov, Y.A. Investigative activity as an operational system. // *Rossijskij sledovatel*. — 2014. — № 23. — P. 17–22.
31. Yakup, M.L. Procedural form in the Russian criminal judicial proceedings. — M.: Jurid. lit., 1981. — 145 p.
32. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V., Terehin V.V. Dal piano della concorrenza — per completare l'Inquisizione: l'evoluzione del diritto processuale penale russo // *Italian Science Review*. — 2014. — № 5 (14). — P. 146–151.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, НОРМАТИВНО- ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ**

Аннотация. В статье впервые в юридической науке предпринимается попытка комплексного общетеоретического анализа сущности и содержания публично-правового режима как самостоятельной по отношению к отраслевой разновидности правового режима. Рассматриваются основные составляющие публично-правового режима: предмет (включая пределы), метод, средства (способы) и механизм публично-правового режимного регулирования, его принципы, а также особенности его нормативно-правового закрепления. На основе анализа научной литературы и нормативно-правовой базы выявляются и формулируются основные признаки публично-правового режима. В исследовании применяются системный подход (системно-компонентный, системно-структурный и системно-функциональный анализ), сравнительно-правовой и интерпретационный методы. По итогам исследования сделан вывод о том, что публично-правовой режим является самостоятельной юридической категорией, не сводимой к отраслевым правовым режимам, обладающей специфическими сущностью и содержанием, что имеет важное значение как для юридической науки (создание целостной непротиворечивой теории правовых режимов), так и практики (правотворческой и правоприменительной деятельности).

Ключевые слова: публично-правовой режим, предмет публично-правового режима, метод публично-правового режима, принципы публично-правового режима, механизм публично-правового регулирования, нормативно-правовое закрепление, публичное право, публичный интерес, пределы публично-правового регулирования, признаки публично-правового режима.

П риступая к исследованию публично-правового режима, следует заметить, что он практически не изучен в теории права. Между тем публично-правовой режим является самостоятельной разновидностью правового режима, не сводимой к режиму отраслевому (конституционно-правовому, административно-правовому, уголовно-правовому и т.п.).

Первое, на что необходимо обратить внимание, это то, что понимается под структурой публичного права, и, с нашей точки зрения, это не просто механическая совокупность отраслей права, регулирующих определенный тип общественных отношений. Дело в том, что в основе разделения норм права на отрасли лежит один основной критерий — взаимодействие права и общественных

отношений, а в разделении норм права на частное и публичное — совсем другой: взаимодействие общества и публичной власти. По этому поводу С.С. Алексеев, обосновывая несовпадение публичного права и отрасли права, писал следующее: «При всей близости понятия “публичное право” и “административное право” между ними нельзя поставить знак равенства. Если публичное право выражает начала права, связанные с разумом, его смыслом, то административное право — это уже отрасль национальной юридической системы»¹.

Еще один аргумент в пользу несовпадения отраслевого и так называемого дуалистического

¹ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 239.

© Беляева Г.С., 2015

* Беляева Галина Серафимовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юго-Западного государственного университета.

[belvp46@mail.ru]

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ по теме «Юридическая деятельность и ее процессуальное оформление» (заявка 2014/ 78).

подходов состоит в том, что при использовании отраслевых критериев деления в публичном и частном праве происходит пересечение предметов и методов публичного и частного права, а точнее, отраслей, отнесенных к публичному и частному праву. Например, управленческие отношения традиционно составляют предмет административного права, а значит — публичного права. Однако управленческие отношения также могут являться и предметом гражданского (а значит, и частного) права. Речь идет о так называемых корпоративных отношениях (отношениях по управлению частным имуществом компаний), природа которых основывается на отношениях власти и подчинения.

Что касается пересечения методов правового регулирования, используемых публичными и частными отраслями права, то существует целый ряд отраслей права, где применяются как публично-правовые, так и частноправовые методы. Это, к примеру, трудовое право, основанное на диспозитивных нормах, свободе договора и юридическом равенстве и автономии сторон (метод частного права), с одной стороны, и императивных нормах в сфере режима труда, охраны труда, ответственности (метод публичного права), с другой стороны. То же самое можно сказать о семейном праве, где с помощью публично-правовых методов регулируются такие институты, как лишение и ограничение родительских прав.

Таким образом, публично-правовой режим не тождественен административно-правовому (как и частноправовой режим — гражданско-правовому), в связи с чем возникает насущная потребность в изучении публично- и частноправовых режимов как самостоятельных категорий в юриспруденции.

Таким образом, изучение публично-правового режима должно вестись не применительно к отдельным отраслям публичного права, а как явлений, представляющих единые подсистемы права с обособленным предметом, методом, механизмом и принципами правового регулирования. Публичные режимы действуют не только в отраслях публичного права, но и в тех отраслях, где преимущественно реализуется частный интерес, что обусловлено необходимостью особого регулирования определенной сферы общественных отношений с точки зрения усиленной защиты со стороны государства их участников. Так, в семейном праве действие публично-правовых режимов (опеки и попечительства, алиментных обязательств и др.) обусловлено конституционными принципами обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 7 Конституции РФ), в предоставлении семье, материнству и детству государственной защиты (ст. 38 Конституции РФ).

Приступим непосредственно к рассмотрению и изучению публично-правовых режимов.

Вначале о предмете публичного права в целом и публично-правового режима в частности.

Большинство исследователей связывает пределы публично-правового регулирования (в нашем случае — установления и функционирования публично-правового режима) с категорией публичный интерес².

Одновременно следует заметить, что понятие «публичный интерес» — это не просто теоретическая абстрактная конструкция. Данное понятие активно используется в законодательстве и правоприменительной практике (ст. 152.1 ГК РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ)³. Своеобразным эквивалентом понятию публичного интереса в нормативной сфере можно назвать «национальные интересы РФ», понятие которых сформулировано в Указе Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» как совокупности внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства⁴.

Анализ имеющихся в науке точек зрения на понятие «публичный интерес» позволяет сформулировать такие его составляющие, как тесная связь с общественными (общезначимыми социальными) потребностями (обусловленность ими)⁵; по характеру это своеобразные усредненные личные, групповые интересы⁶; носителями являются общество и государство в целом (субъекты федерации, муниципальные образования)⁷; признаются государством посредством нормативно-правового закрепления.

На основе общетеоретического подхода к пониманию правового режима можно заключить, что публично-правовой режим является средством обеспечения публичных интересов,

² См., например: Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99; Михайлов В.С. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 86–92; Гонзус И. Соотношение частных и публичных интересов // СПС «КонсультантПлюс»; Кубко А. Публичный интерес как объект охраны в частном праве (некоторые теоретические аспекты) // Юрист. 2006. № 5 (59). С. 81–87 и др.

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева”» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁵ См., например: Вагина Н.М. Принципы публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 150; Лавренюк А.В. Субъекты публичного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12–13.

⁶ См., например: Кубко А. Указ. соч. С. 15; Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: БЕК, 1995. С. 54–55.

⁷ См., например: Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр Юр ИнфоР, 2001. С. 76.

регулируемых публичным правом в тех сферах общественных отношений, где необходимо подобное комплексное регулятивное или охранительное воздействие.

В сферу публичных интересов мы, разделяя точку зрения Ю.А. Тихомирова, предлагаем включать интересы государства, интересы органов исполнительной власти РФ и ее субъектов, охрану прав и законных интересов граждан, охрану общественного порядка, защиту порядка управления, реализацию публичных интересов в различных сферах экономической, социальной, экологической и иной деятельности, охрану государственных границ, соблюдение таможенного режима, интересы государственной безопасности⁸.

Наряду с этим, попытки определить сферу публично-правового регулирования содержатся и на законодательном уровне. Так, нормативно-правовой базой общих направлений публично-правового регулирования (а следовательно, и сфер установления публично-правовых режимов) можно признать нормы бюджетного законодательства в части, устанавливающей основные направления государственных расходов (ст. 21 БК РФ). Полагаем, что данные разделы и подразделы бюджетной классификации выступают основами для определения сфер установления и функционирования публично-правовых режимов. В то же время отдельные блоки публично-правового регулирования (некоторые направления экономической сферы, культура, кинематография, средства массовой информации) находятся на стыке публично- и частноправового регулирования, что требует дополнительных уточнений границ реализации публичных полномочий.

Названная выше Стратегия национальной безопасности также определяет направления обеспечения национальной безопасности, в число которых входят: национальная оборона; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование и др.⁹ При этом заметим, что по каждому направлению цели обеспечения национальной безопасности уточняются, еще более конкретизируя пределы публично-правового регулирования.

Можно также констатировать, что на законодательном уровне имеются и другие нормы, определяющие границы публично-правового регулирования (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»¹⁰), проанали-

зировав которые, можно сделать вывод о том, что и Конституция РФ, и Конституционный Суд РФ выбор публично-правовых средств регулирования отдадут на усмотрение законодателя, ограничивая его волю конституционными нормами.

Таким образом, предмет публично-правового режима точно определить достаточно сложно, поскольку эта категория динамична и зависит от конкретной исторической обстановки и политического режима в государстве в целом.

Исследование метода публичного права (или публично-правового метода), с нашей точки зрения, также не может строиться только на анализе методов правового регулирования отраслей права, входящих в систему публичного права.

В этом плане неплодотворными следует признать попытки раскрыть метод публичного права через характеристику методов отдельных отраслей, которые концентрированно выражают особенности публичного права. Особенно часто для характеристики публично-правового метода используются административно-правовые исследования¹¹, что также недопустимо. Метод публичного права — это не отраслевой метод и не совокупность отраслевых методов, это явление иного порядка. Соответственно, исследование метода публично-правового регулирования должно вестись с четким осознанием того, что публичное право ни в коей мере не может рассматриваться в отраслевых характеристиках, в общем представлении об отраслевом строении российского права.

В продолжение следует сказать, что в теории права предприняты попытки отдельных ученых охарактеризовать именно публично-правовой метод¹².

Наиболее распространены характеристики публично-правового метода как императивного способа воздействия на общественные отношения¹³; метода власти и подчинения, где одна сторона выступает в роли управляющего (субъекта, наделенного властными полномочиями), а другая — в роли управляемого (субъекта, обязанного подчиняться)¹⁴; метода централизованного регулирования, основанного на позитивных обзываниях¹⁵.

¹¹ См., например: Козлов Ю.М. Методы управления народным хозяйством СССР // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 69–70; Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право РФ. М.: Зерцало, 1996. С. 31–37 и др.

¹² См., например: Тихомиров Ю.А. Публичное право; Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публично-го и частного права: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001; Болгова В.В. Основы публичного права. Самара: Самар. отд. Литфонда, 2009; Землянов О.Е. Публично-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011 и др.

¹³ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 129; Тихомиров Ю.А. Публичное право. С. 46; Маштаков К.В. Указ соч. С. 168.

¹⁴ См.: Иоффе О.С. О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3. С. 53.

¹⁵ См.: Алексеев С.С. Указ. соч.

⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70–79.

⁹ Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹⁰ Там же. 2006. № 3. Ст. 335.

Суммируя вышесказанное, метод публично-го права можно назвать императивным, методом власти и подчинения, субординационным, методом централизованного регулирования.

Наряду с вышеизложенным, в юридической литературе встречаются отдельные попытки своеобразного комплексного определения публично-правового метода.

Н.М. Вагина, например, считает, что метод публичного права — это обусловленная предметом правового регулирования и волей законодателя система правовых средств, установленных централизованно в процессе официального правотворчества¹⁶. Однако при использовании такого подхода имеется определенная опасность отождествления метода публичного права и механизма публично-правового регулирования, поскольку метод к правовым средствам не сводится, а должен на них основываться. В то же время нельзя не отметить внимание автора к способам установления соответствующих правовых предписаний, что ценно как для характеристики метода, так и механизма публично-правового регулирования, через который проявляется публично-правовой режим.

К.М. Маштаков определяет публично-правовой метод как «основанный на позитивных обязываниях и запретах <...> способ регулирования общественных отношений, который характеризуется императивностью, наделением одного из субъектов специальными полномочиями — компетенцией и обеспечивает построение отношений по схеме “власть — подчинение”»¹⁷. С данным определением следует согласиться, поскольку в нем учитываются особенности методов правового регулирования подавляющего числа отраслей публичного права.

Таким образом, для метода правового регулирования публичных отраслей права характерны:

- императивность (неукоснительное соблюдение субъектами предписаний правовых норм), которая основана на позитивных обязываниях и запретах;
- наделение одного из субъектов полномочиями в рамках своей компетенции;
- и, как следствие, неравенство субъектов, построение отношений по схеме «власть — подчинение» (или «команда — исполнение»).

Механизм публично-правового регулирования (юридический инструментарий) основывается на позитивных обязываниях: вначале возникает обязывающая правовая норма, затем относительное правоотношение и реализация юридических обязанностей, сводимая, по существу, к праву требования исполнения обязанностей. По верному замечанию С.С. Алексеева, в этом комплексе правовых средств энергетическую силу механизму юридиче-

ского регулирования задает не столько собственная сила права, сколько государственная власть¹⁸.

Механизм правового регулирования в публичном праве снабжает правовые режимы специфическим набором правовых средств, часто невостребованным частным правом. В связи с этим можно допустить действие специальных механизмов реализации прав и обязанностей в публичных отраслях права, тем более что специфичность публично-правовых средств регулирования учеными не оспаривается.

Надо заметить, что набор средств публично-правового регулирования, составляющих соответствующий механизм, достаточно широк. Общим является то, что все это средства прямого правового воздействия. Это и публично-правовые нормы, отношения, акты реализации прав и обязанностей, свойственные публичному праву, правоприменительные акты и т.д.

Так, в рамках публично-правового регулирования чаще всего используются следующие виды правовых норм:

- нормы-дефиниции (определения), содержащие нормативное значение тех или иных понятий. Например, ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» содержит понятие государственной гражданской службы. Нормы дефиниции могут содержаться и в статьях нормативных актов с наименованием «Основные термины»;
- нормы-принципы, закрепляющие основные закономерности правового регулирования в той или иной публично-правовой сфере, общие начала организации и деятельности субъектов публичного права. Так, ст. 4 вышеназванного закона о гражданской службе закрепляет принципы гражданской службы, такие как приоритет прав и свобод человека и гражданина, профессионализм и компетентность гражданских служащих, стабильность гражданской службы и др.;
- нормы-цели, закрепляющие последние как обязательную нормативную ориентацию определенных видов деятельности. Примером подобного рода может послужить норма, закрепленная в ч. 2 ст. 40 Конституции РФ: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище»;
- обязывающие нормы, содержащие предписания субъектам права совершить определенные действия (воздержаться от таковых). Например, норма ст. 57 Конституции РФ: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы»;

¹⁶ См.: Вагина Н.М. Указ соч.

¹⁷ Маштаков К.М. Указ соч. С. 191.

¹⁸ См.: Алексеев С.С. Указ соч. С. 332.

- нормы-запреты, признающие с правовой точки зрения недопустимыми и общественно вредными определенные действия (ст. 3, 19, 29, 30, 34 Конституции РФ), и нормы-санкции, предусматривающие меры ответственности за совершение противоправных деяний (нормы Особенной части УК РФ);
- нормы, закрепляющие компетенцию (полномочия и предметы ведения) субъектов права (гл. 3 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹⁹ — обязанности и права полиции).

Принципы публичного права как основополагающие начала, определяющие направления правового регулирования, также находятся в прямой зависимости от метода правового регулирования.

По этому поводу заметим, что детальных исследований принципов публичного права как самостоятельной общетеоретической проблемы практически нет. Вместе с тем к изучению их системы отдельные ученые обращались²⁰.

Принципиальной для нас идеей является то, что система принципов публичного права не сводится к системе принципов, действующих в отраслях права, традиционно относящихся к публичному. Сходную позицию можно встретить и на официальном уровне. В качестве примера вновь приведем следующую правовую позицию Конституционного Суда РФ: «Определение полномочий государственных органов в сфере публичного права не допускает их собственного усмотрения и должно регулироваться на основе принципа “дозволено только то, что разрешено законом”, являющегося необходимой гарантией против произвола и злоупотребления властью»²¹. Суд в данном Постановлении также не исходит из отраслевой принадлежности воспроизведенного им принципа, указывая лишь на его принадлежность публичному праву.

Достаточно распространено представление о системе принципов права (в нашем случае — публичного) как о системе общих, межотраслевых и отраслевых принципов права²². Подобное деление принципов как минимум на три группы, по мнению представителей данного подхода, имеет целью показать объем регулирующего воздействия принципов права на общественные отношения и специфику их проявления в

условиях различных, относительно автономных отраслевых систем права²³, и с этим можно согласиться.

Существует и более детальная классификация, основанная на выделении внутри системы права и иных структурных образований²⁴. Данная классификация, безусловно, подтверждает комплексный характер публичного права, однако, с нашей точки зрения, с учетом специфики построения публичного права наиболее логичным является разделение публично-правовых принципов на три группы: общие, межотраслевые и отраслевые.

В результате анализа основных составляющих публично-правовых режимов можно назвать следующие их особенности:

- являются средством обеспечения публичных интересов, регулируемых публичным правом, в тех сферах общественных отношений, где необходимо подобное комплексное регулятивное или охранительное воздействие;
- детально закрепляются в нормативно-правовых актах;
- носят императивный характер;
- основаны на позитивных обязываниях и запретах;
- отношения между субъектами правовых режимов построены по схеме «власть — подчинение»;
- используют в своем арсенале специфический набор правовых средств в рамках централизованного правового регулирования;
- основаны на действии специальной системы публично-правовых принципов.

В продолжение исследования есть необходимость привлечь внимание к следующему обстоятельству: вопрос об особенностях техники закрепления публично-правовых режимов в нормативных актах имеет важное практическое значение.

Отдельные авторы по этому поводу справедливо считают, что четкая детальная регламентация всех элементов правового режима в нормативно-правовом акте помогает придать ему устойчивость, восприимчивость со стороны адресата, высокую эффективность, обеспечить бесперебойную работу механизма правового регулирования. Отсутствие основных структурных элементов правового режима превращает его в недостроенную, нерабочую конструкцию²⁵.

Со своей стороны отметим, что в отраслях публичного права буквальное указание на правовой

¹⁹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

²⁰ См.: Вагина Н.М. Указ. соч. С. 275.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй ст. 89 Налогового кодекса РФ в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

²² См., например: Байтин М.И. О принципах и функциях права // Правоведение. 2000. № 3. С. 5–6; Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003 и др.

²³ См.: Захаров А.Л. Указ. соч. С. 117.

²⁴ См.: Карташов В.Н. Правозащитные системы: понятия, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Ин-т «Открытое общ-во», 2003. С. 16–17.

²⁵ См., например: Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 22.

режим встречается довольно часто. Например, ч. 2 НК РФ содержит разд. VIII.1 «Специальные налоговые режимы», гл. 18 КоАП РФ именуется «Административные правонарушения в области защиты Государственной границы РФ и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ».

И таких примеров можно приводить много, однако они, как и собственно отсутствие в тексте нормативного акта словосочетания «правовой режим» или слова «режим», отнюдь не свидетельствуют о том, что данная юридическая конструкция не применима к другим отраслям права.

В этом ключе точно замечено С.С. Алексеевым, что из правовых режимов складываются все отрасли законодательства, это «основное комплексное составляющее звено правовой материи: из всех явлений правовой действительности он один снабжен всеми необходимыми элементами самостоятельного существования и эффективного функционирования»²⁶.

По нашему мнению, с учетом сказанного выше следует, что в публичных отраслях российского законодательства правовой режим выделяется просто «рельефнее», о нем как бы «общается» адресату. Это происходит потому, что в рамках правового регулирования в публично-правовой сфере «имеются в виду нормальные фиксированные режимы функционирования государственных и иных институтов, позволяющие успешно решать стратегические и тактические задачи»²⁷ (например, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности и др.).

В частном же праве правовой режим ориентирован на частные ситуации, связанные со сравнительно узкой сферой регулирования (например, обеспечение трудовых прав конкретного гражданина или отдельного трудового коллектива в трудовом праве).

Отсюда вытекает повышенное внимание государства (в лице законодателя) к публичным отраслям права. В публичных отраслях права (в большей мере по отношению к частным) субъект права «оповещается» о том, что он попадает в сферу действия правового режима и должен действовать в определенных рамках, как правило, точно следуя установленным предписаниям.

Проиллюстрируем особенности нормативно-правового закрепления публично-правовых режимов на конкретном примере.

Наиболее ярким (хрестоматийным) примером публично-правового режима можно считать режим военного положения, устанавливаемый Федеральным конституционным законом от

30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»²⁸ (далее — Закон о военном положении).

Сфера данного правового режима, как следует из текста ст. 1 Закона о военном положении, четко лежит в сфере публично-правового регулирования: «создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации», то есть оборона страны.

Законодателем детально регламентируются основные элементы этого правового режима:

- правовая основа закрепления (ст. 2);
- временные и пространственные характеристики (ст. 1);
- основания и порядок введения (ст. 3 и 4);
- цели правового режима — создание условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ (ч. 2 ст. 1);
- правовые статусы субъектов правового режима: Президента РФ (ст. 11), палат Федерального собрания РФ (ст. 12), Правительства РФ (ст. 13), федеральных органов исполнительной власти (ст. 14), органов исполнительной власти субъектов РФ (ст. 15), судов, органов прокуратуры и Следственного комитета РФ (ст. 16), граждан (ст. 18) и организаций (ст. 19);
- объекты правового режима, которые прямо в законе не указаны, но исчерпывающее представление о них можно получить из текста ст. 7: «Меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение». Это — общественный порядок; общественная безопасность; военные, важные государственные и специальные объекты; объекты, обеспечивающие жизнедеятельность населения; транспорт, коммуникации и связь; объекты энергетики; объекты, представляющие повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды; права и свободы граждан;
- меры, применяемые для обеспечения правового режима военного положения (ст. 6–10), включая ответственность за нарушение законодательства РФ о военном положении (ст. 20). Необходимо обратить внимание на бланкетный характер нормы об ответственности за нарушение законодательства РФ о военном положении. Подобную технико-юридическую конструкцию следует признать достаточно распространенной. Как правило, защитные механизмы правового режима включаются в специальные нормативно-правовые акты охранительной направленности (КоАП РФ, УК РФ и т.д.), в то время как основная часть правового режима находится в актах регулятивного свойства.
- порядок отмены (прекращения действия) военного положения (ст. 21).

²⁶ Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С. 182.

²⁷ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. С. 251.

²⁸ Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

Таким образом, нормативно-правовое закрепление публично-правового режима имеет следующие особенности:

- публично-правовой режим детально разработан на законодательном уровне, тщательно регламентированы основные элементы, составляющие его содержание;
- меры, предусмотренные правовым режимом, как и полномочия властных субъектов по их применению, выделены в исчерпывающий перечень;
- акты вышестоящих органов государственной власти, обеспечивающие правовой режим, изданные в пределах компетенции, обяза-

тельны для исполнения нижестоящими органами, организациями и их должностными лицами, а также гражданами;

- в режимном регулировании преобладают обязывающие и запрещающие нормы, а также нормы, устанавливающие полномочия властных субъектов.

Подводя некий итог исследованию публично-правовых режимов, можно констатировать, что данное явление существует, обладает существенными признаками и конкретным содержанием, не сводимым к отраслевым правовым режимам ни по объему регулируемых отношений, ни по их содержанию.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М.: Норма, 2001. — 752 с.
2. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. — 2000. — № 3 — С. 4–16.
3. Болгова В.В. Основы публичного права: монография. — Самара: Самар. отд. Литфонда, 2009. — 351 с.
4. Гонзус И. Соотношение частных и публичных интересов // ЭЖ-Юрист. — 2004. — № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Иоффе О.С. О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. — 1959. — № 3. — С. 48–62.
6. Карташов В.Н. Правозащитные системы: понятия, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород: Ин-т «Открытое общество», 2003. — С. 11–22.
7. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. — 1999. — № 10. — С. 91–99.
8. Кубко А. Публичный интерес как объект охраны в частном праве (некоторые теоретические аспекты) // Юрист. — 2006. — № 5 (59). — С. 81–87.
9. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. — М.: Центр Юр ИнфоР, 2001. — 212 с.
10. Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. — 1999. — № 7. — С. 86–92.
11. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. — 2000. — № 4. — С. 70–79.
12. Тихомиров Ю.А. Публичное право. — М.: БЕК, 1995. — 496 с.
13. Явич Л.С. Общая теория права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 298 с.

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2014 г.

PUBLIC LEGAL REGIME: NATURE, CONTENTS, NORMATIVE LEGAL PROVISIONS

Belyaeva, Galina Serafimovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory, State and Law of the South-Western Law University.

[belvp46@mail.ru]

305040, Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, 94.

Review. *In this article for the first time in the legal science, the author attempts to provide a comprehensive general theoretical analysis of nature and contents of the public legal regime, as an independent type of legal regime. The author studies the key elements of public legal regime: its object (including its limits), methods, means (methods) and mechanism of public law regime regulation, its principles, specificities of its normative legal regulation. Based upon the analysis of scientific literature and normative legal basis, the author uncovers and formulates the key characteristic features of the public law regime. The study involves systemic approach (systemic component, systemic structural, systemic functional analysis), comparative legal and interpretation methods. Based upon the results of the study the author draws a conclusion that the public legal regime is an independent legal category, which cannot be limited to legal regimes in certain branches of law, having specific nature and contents, which is important for the legal science in order to form a comprehensive and non-contradictory theory of legal regimes, as well as practice (law-making and legal practice).*

Keywords: *public legal regime, object of public legal regime, method of public legal regime, principles of public legal regime, mechanism of public legal regulation, normative legal provisions, public law, public interest, limits to public law regulation, characteristic features of public legal regime.*

Bibliography:

1. Alekseev, S.S. Rising to law. Searches and solutions. — M.: Norma, 2001. — 752 p.
2. Bajtin, M.I. On principles and functions of law: novel moments // Pravovedenie. — 2000. — № 3 — P. 4–16.
3. Bolgova, V.V. Fundamentals of public law: the monograph. — Samara: Samar. otd. Litfonda, 2009. — 351 p.
4. Gonzus, I. Correlation of private and public interests // JeZh-Jurist. — 2004. — № 6 // SPS «KonsultantPlus».
5. Ioffe, O.S. On civil law and administrative law methods of regulation of economic activity // Pravovedenie. — 1959. — № 3. — P. 48–62.
6. Kartashov, V.N. Law-protecting systems: definitions, types and principles // Russian and European law-protecting systems: correlation and harmonization issues. Collected articles / Ed. by V.M. Baranov. — N. Novgorod: In-t «Otkrytoe obshchestvo», 2003. — P. 11–22.
7. Krjashkov, A.V. Public interest: definition, types and protection // Gosudarstvo i pravo. — 1999. — № 10. — S. 91–99.
8. Kubko, A. Public interest as an object for protection in private law (some theoretical aspects) // Jurist. — 2006. — № 5 (59). — P. 81–87.
9. Kurbatov, A.Y. Combination of private and public interests in legal regulation of entrepreneurial activity. — M.: Centr Jur InfoR, 2001. — 212 p.
10. Mihajlov, S.V. Interest as a general scientific category and its reflection in the science of civil law // Gosudarstvo i pravo. — 1999. - № 7. — P. 86–92.
11. Tihomirov Y.A. Administrative discretion and law // Zhurnal rossijskogo prava. — 2000. — № 4. — P. 70–79.
12. Tihomirov, Y.A. Public law. — M.: BEK, 1995. — 496 p.
13. Javich, L.S. General theory of law. — L.: Izd-vo LGU, 1976. — 298 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Н.Н. Викторова*

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЖИМА НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения режима наибольшего благоприятствования при разрешении трансграничных инвестиционных споров. Режим наибольшего благоприятствования закреплен практически во всех международных соглашениях о защите и поощрении капиталовложений. На основе анализа нескольких решений из практики Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты, а также Международного центра по урегулированию инвестиционных споров автор показывает, что арбитры иногда используют режим наибольшего благоприятствования для определения своей компетенции, то есть распространяют оговорку о режиме наибольшего благоприятствования не только на материально-правовые вопросы международных инвестиционных соглашений, но и на процессуальные вопросы, связанные с разрешением инвестиционных споров. В статье подчеркивается, что ни в доктрине, ни в арбитражной практике нет единообразного решения указанной проблемы. Это создает неопределенность по поводу механизма урегулирования инвестиционных споров. Автор делает вывод о недопустимости использования оговорки о режиме наибольшего благоприятствования для решения процессуальных вопросов. Арбитраж не вправе расширительно толковать положения международных инвестиционных соглашений о режиме наибольшего благоприятствования, даже если они сформулированы широко. Обратное допустимо только тогда, когда можно однозначно установить намерение государств — участников международных инвестиционных соглашений о таком использовании оговорки.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, режим наибольшего благоприятствования, трансграничные инвестиционные споры, *treaty shopping*, двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, незаконная экспроприация, национализация, защита инвесторов, проект статей о клаузулах о наиболее благоприятствуемой нации, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты.

Режим наибольшего благоприятствования (далее — РНБ) является одним из старейших стандартов, применяемых в сфере международных экономических отношений, инструментом экономической либерализации в сфере инвестиций¹.

Согласно РНБ, иностранным капиталовложениям (а иногда и действиям иностранного инвестора) предусматривается предоставление в определенной области режима не менее благоприятного, чем режим, который уже предостав-

¹ См.: Houde M.-F. Most-Favoured-Nation Treatment in International Investment Law // International Investment Law: A Changing Landscape. OECD 2005. URL: <http://www.oecd.org/>

[investment/internationalinvestmentagreements/40077165.pdf](http://investment.internationalinvestmentagreements/40077165.pdf) (дата посещения: 01.07.2014).

© Викторова Н.Н., 2015

* Викторова Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[NNVIKTOROVA@msal.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); НИР «Право международной торговли: инновации и тенденции развития», проект № 2.3.1.2.).

лен или будет предоставлен капиталовложениям или инвестору любого третьего государства².

Режим наибольшего благоприятствования имеет давнюю историю. В доктрине утверждается, что уже в XII в. был известен механизм действия оговорки о наиболее благоприятствуемой нации. В то время стали появляться соглашения между монархами, «которые предусматривали предоставление торговцам, — как правило, на взаимной основе — особого режима, чаще всего более благоприятного, чем обычно в том, что касается поселения (*établissement*) и таможенных пошлин». Эти соглашения являлись предшественниками современных двусторонних торговых договоров³. Например, в Договоре о мире и торговле между Венецианской Республикой и Тунисом от 05.10.1231 Тунис обязался предоставлять в отношении венецианских товаров, и в том числе их таможенного обложения, «режим, который бы отличался или был бы обременительней, чем режим, распространенный на других христиан»⁴.

Широкое распространение РНБ получил в XV–XVI вв. с расцветом торговли. Он был закреплен в договоре о союзе и торговле между США и Францией от 06.02.1776. В XIX и начале XX вв. оговорку о РНБ часто включали в различные соглашения, в основном в соглашения о дружбе, торговле и мореплавании⁵.

Таким образом, в течение нескольких веков «клаузула о наиболее благоприятствуемой нации» являлась основным принципом «организации торговли»⁶.

РНБ подвергся многолетнему изучению в рамках ООН. В 1976 г. Комиссия международного права ООН подготовила проект статей о клаузулах о наиболее благоприятствуемой нации. В проекте понятие «клаузулы» означают договорные положения о РНБ. Проект был представлен Генеральной Ассамблее ООН с предложением рекомендовать его государствам-членам в целях заключения многосторонней конвенции. Однако проект был оставлен без движения. В нем сформулированы положения, касающиеся сферы применения, правовой основы, источника и объема РНБ и др. Проект представляет собой сборник норм и принципов договорного и обычного правового происхождения, образующих международно-правовой институт наибольшего благоприятствования⁷.

² См.: Зенкин И.В. Международное экономическое право. М.: Центр. изд. дом, 2006. С. 306.

³ См.: Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ См.: Houde M.-F. Op. cit. P. 130.

⁶ Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 190.

⁷ См.: Шумилов В.М. Международное экономическое право. М.: Юрайт, 2011. С. 267–268.

Часто положение о РНБ именуется как клаузула о наиболее благоприятствуемой нации, под которой понимается договорное положение, в соответствии с которым государства-участники взаимно предоставляют друг другу возможность пользоваться дополнительными торговыми преимуществами, предоставляемыми в дальнейшем любой третьей стране либо без всяких условий, либо на условии взаимности⁸.

Поскольку РНБ связан с принципом равенства государств, в доктрине преобладает точка зрения, согласно которой обязанность предоставить этот режим возникает только в том случае, если это закреплено в международном договоре⁹. В настоящее время РНБ предусмотрен во многих международных договорах, включая двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее — двусторонние инвестиционные соглашения; ДИС).

Так, например, в ст. 4 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о поощрении и взаимной защите капиталовложений¹⁰ положение о РНБ сформулировано следующим образом:

«1. Каждая договаривающаяся сторона обеспечивает на территории своего государства справедливый и равноправный режим для капиталовложений, осуществленных инвесторами государства другой договаривающейся стороны, в отношении владения, пользования и распоряжения такими капиталовложениями.

2. Режим, указанный в п. 1 настоящей статьи, должен быть не менее благоприятным, чем режим, который предоставляется договаривающейся стороной капиталовложениям инвесторов своего государства или капиталовложениям инвесторов любого третьего государства».

Другие двусторонние соглашения о защите капиталовложений предусматривают предоставление режима наибольшего благоприятствования отдельно для инвестиций и для инвесторов. Например, в п. 2 ст. 3 Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений между Россией и Китайской Народной Республикой от 09.11.2006 указано: «В соответствии со своими законами и иными нормативными правовыми актами каждая договаривающаяся сторона предоставляет капиталовложениям и деятельности инвесторов другой договаривающейся стороны в связи с такими капиталовложениями режим не менее благоприятный, чем режим, который предоставляется капиталовложениям, а также

⁸ См.: Карро Д., Жюйар П. Указ. соч. С. 190.

⁹ См.: Houde M.-F. Op. cit. P. 129.

¹⁰ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 07.11.2008 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 5. Ст. 461.

деятельности в связи с такими капиталовложениями ее собственных инвесторов»¹¹.

Нет сомнений в том, что инвесторы могут использовать режим наибольшего благоприятствования для достижения более благоприятной материально-правовой защиты, закрепленной в других инвестиционных соглашениях, договаривающейся стороной которых является государство-реципиент¹². Однако возникает вопрос: распространяется ли режим наибольшего благоприятствования только на материально-правовые вопросы или затрагивает и процессуальные вопросы, связанные с разрешением споров?

Как показывают примеры из практики международных коммерческих арбитражей, такая проблема существует. Арбитры в ряде случаев соглашались признать свою компетенцию на основе режима наибольшего благоприятствования. Правда, следует отметить, что единого подхода к этому вопросу так и не сложилось. Он является дискуссионным и неоднозначно решается в международной арбитражной практике.

Кстати, в литературе уже появился термин «*treaty shopping*», под которым понимается выбор инвестором международного инвестиционного соглашения в качестве правового основания для предъявления иска¹³. И делается это при помощи РНБ.

Рассмотрим несколько примеров из арбитражной практики, которые, возможно, помогут ответить на поставленный выше вопрос.

В сентябре 2010 г. Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты вынес решение по делу британской инвестиционной компании RosInvestCo UK Ltd. (акционера ОАО «НК «ЮКОС»») против Российской Федерации, в котором признал, что Россия незаконно экспроприировала активы компании ЮКОС, и присудил взыскать с России в пользу британской компании 3,5 млн долл. США без учета процентов¹⁴.

За несколько лет до этого в 2007 г. арбитраж вынес решение о своей компетенции по рассматриваемому делу¹⁵. За основу было положено

Соглашение между Правительством СССР и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений 1989 г.¹⁶ (далее — ДИС между СССР и Великобританией).

Истец утверждал, что по отношению к нему имела место незаконная экспроприация, то есть лишение инвестора права собственности, которое принимается не в общественных интересах, является дискриминационным, не сопровождается выплатой компенсации. Арбитраж должен был установить, имела ли место экспроприация. ДИС между СССР и Великобританией предусматривает возможность передачи в арбитраж споров «по вопросам капиталовложения инвестора, относящимся или к размеру и порядку выплаты компенсации <...> или к любым другим вопросам, являющимся результатом акта экспроприации <...> или касающимся последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, связанных с переводом платежей в связи с капиталовложениями» (п. 1 ст. 8). Следовательно, вопрос о том, имела ли место экспроприация или нет, не подпадает под сферу действия этого Соглашения, и должен решаться не международным арбитражем, а национальным судом соответствующего государства.

Однако истец попытался обосновать компетенцию арбитража на основании п. 1 ст. 3 ДИС между СССР и Великобританией, в соответствии с которым в отношении инвестиций применяется режим наибольшего благоприятствования: «Каждая из договаривающихся сторон на своей территории предоставляет капиталовложениям и доходам инвесторов другой договаривающейся стороны режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется капиталовложениям и доходам инвесторов любого третьего государства». Истец хотел распространить режим наибольшего благоприятствования на вопросы разрешения инвестиционных споров, так как для него являлась благоприятной передача спора в международный коммерческий арбитраж.

Затем истец привел Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Дания о поощрении и взаимной защите капиталовложений 1993 г.¹⁷ (далее — ДИС между Россией и Данией), согласно которому в арбитраж может быть передан любой спор, возникающий между инвестором одной из договаривающихся сторон и другой договаривающейся стороной «в связи с

¹¹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 09.11.2006 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 46. Ст. 5421.

¹² См.: Белоглазков А.И. Международно-правовая защита инвестиций в области энергетики. Киев: Таксон, 2011. С. 80.

¹³ См.: Гармоза А.П. Арбитраж на основании международных инвестиционных соглашений: вопросы компетенции. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. VII.

¹⁴ Rosinvestco UK Ltd v. Russian Federation. Under BIT. Award on Jurisdiction. SCC Case No. V079/2005. Stockholm. October 2007. URL: <http://www.arbitrations.ru/userfiles/file/Case%20Law/Investment%20arbitration/Russia/Rosinvestco-final-arbitral-award.pdf> (дата посещения: 01.07.2014).

¹⁵ Rosinvestco UK Ltd v. Russian Federation. Under BIT. Final Award. SCC Case No. V (079/2005). Stockholm. 12 September 2010. URL: <http://www.arbitrations.ru/userfiles/file/Case%20Law/Investment%20arbitration/Russia/RosInvest-Jurisdiction.pdf> (дата посещения: 01.07.2014).

¹⁶ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 06.04.1989 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 43. Ст. 1179.

¹⁷ Соглашение между Правительством РФ и правительством Королевства Дания о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 04.11.1993 // Собрание Законодательства РФ. 1997. № 14. Ст. 1604.

капиталовложением на ее территории» (ст. 8). Истец полагал, что это Соглашение действует в отношении любых инвестиционных споров, включая вопросы об установлении факта национализации. Арбитраж согласился с ним и распространил с помощью оговорки о РНБ, закрепленной в п. 1. и 2 ст. 3 ДИС между СССР и Великобританией, широкую формулировку ст. 8 ДИС между Россией и Данией в отношении экспроприации на ДИС между СССР и Великобританией. Согласно такой сложной схеме получается, что любой инвестиционный спор между инвестором из Великобритании и РФ может быть передан в международный коммерческий арбитраж, включая Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты, даже если международный договор — ДИС между СССР и Великобританией — этого не предусматривает. Таким образом, арбитраж признал себя компетентным рассматривать этот спор.

Однако не всегда попытка инвестора воспользоваться оговоркой о РНБ приводит к положительному результату. В качестве примера рассмотрим решение по делу «Berschader против Российской Федерации»¹⁸. Истцы — подданные Бельгии, акционеры бельгийской компании Berschader International S.A. обратились в Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты с иском к Российской Федерации в связи с незаконной экспроприацией.

Прежде всего, арбитраж исследовал вопрос о своей компетенции по этому делу, используя Соглашение между Правительством СССР и Правительствами Королевства Бельгии и Великого Герцогства Люксембург о взаимном поощрении и взаимной защите капиталовложений 1989 г.¹⁹ (далее — ДИС между СССР и Бельгией 1989 г.). Согласно п. 1 ст. 10 Соглашения, арбитраж компетентен рассматривать споры, касающиеся размера или порядка выплаты компенсации в случае экспроприации, национализации или применения других аналогичных мер. По мнению арбитров, такая формулировка четко ограничивает виды споров, которые могут быть переданы в арбитраж. Что касается споров, связанных с тем, произошел ли в действительности акт экспроприации или нет, то они должны разрешаться судами государства-реципиента. Следовательно, согласно указанному ДИС в арбитраж могут быть переданы только споры, касающиеся размера или порядка компенсации, которая

должна быть выплачена после экспроприации, при этом факт экспроприации должен быть установлен самим государством-реципиентом или судом этого государства.

Истец предпринял попытку воспользоваться оговоркой о РНБ, содержащейся в ДИС между СССР и Бельгией, и распространить ее на ДИС между Россией и Норвегией, а при необходимости и на ДИС между Россией и Данией.

В ст. 8 ДИС между Россией и Норвегией (Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Норвегия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 04.10.1995)²⁰ предусмотрена передача в арбитраж любых споров, возникающих в связи с капиталовложением на территории государства-реципиента и касающихся последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по Соглашению.

В ст. 2 ДИС между Россией и Данией закреплен режим наибольшего благоприятствования: «Каждая Договаривающаяся Сторона гарантирует применение к инвесторам другой Договаривающейся Стороны режима наиболее благоприятствуемой нации во всех вопросах, о которых идет речь в настоящем Соглашении, и в частности в ст. 4, 5 и 6». Указанные статьи посвящены регулированию выплаты компенсации при экспроприации, возмещению ущерба инвесторам, переводу платежей в связи с капиталовложениями.

По мнению арбитров, фраза «во всех вопросах, о которых идет речь в настоящем Соглашении», не означает, что РНБ распространяется на все вопросы, находящиеся в сфере действия ДИС.

Арбитраж тщательно проанализировал ст. 2 указанного ДИС и пришел к следующему выводу: тот факт, что государства-участники не указали, распространяется ли указанная статья на разрешение споров посредством арбитража, свидетельствует о том, что государства при заключении ДИС не намеревались распространить это положение на разрешение споров. Таким образом, арбитраж применил принцип, в соответствии с которым оговорку о РНБ в отношении рассмотрения споров можно применить только в том случае, если в международном договоре есть четкое указание о намерении государств-участников распространить на нее РНБ. Арбитраж принял решение отказать истцу в иске в связи с отсутствием у арбитража компетенции по ДИС.

Такая же проблема встречается в решениях арбитража при Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

В ноябре 2004 г. арбитраж МЦУИС вынес решение о своей компетенции по иску, поданному

¹⁸ Berschader & Berschader v. Russian Federation. Arbitration Award. SCC Case No. 080/2004 Stockholm. 16 December 2007. URL: <http://www.arbitrations.ru/userfiles/file/Case%20Law/Investment%20arbitration/Russia/Berschader%20Russia.pdf> (дата посещения: 02.07.2014).

¹⁹ Соглашение между Правительством СССР и Правительствами Королевства Бельгии и Великого Герцогства Люксембург о взаимном поощрении и взаимной защите капиталовложений от 09.02.1989 // Сборник международных договоров СССР. М.: Междунар. отношения, 1994. Вып. XLVII. С. 357.

²⁰ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Норвегия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 04.10.1995 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 28. Ст. 2806.

итальянскими компаниями «Salini Costruttori S.P.A.» и «Italstrade S.P.A.»²¹ в соответствии с ДИС между Иорданией и Италией по поводу неисполнения Иорданией своих обязательств в отношении проекта по строительству плотины.

ДИС между Иорданией и Италией не предусматривает передачу инвестиционных споров в МЦУИС, поэтому истец сослался на ДИС между Иорданией и Великобританией и на ДИС между Иорданией и США, которые допускают обращение инвестора в МЦУИС. Пользуясь оговоркой о РНБ, закрепленного в ДИС между Иорданией и Италией, истец попытался распространить эту оговорку на ДИС между Великобританией и США.

Иордания возражала против юрисдикции арбитража МЦУИС на том основании, что истец не мог в силу оговорки о РНБ, закрепленного в ДИС между Иорданией и Италией, воспользоваться более выгодными условиями по разрешению споров, содержащихся в других соглашениях.

По мнению арбитров, ДИС между Иорданией и Италией не содержат никаких положений, допускающих расширение сферы применения оговорки о РНБ к разрешению споров. Кроме того, истец не представил никаких доказательств, свидетельствующих о намерении государств — участников договора использовать оговорку о РНБ для разрешения споров. Арбитраж пришел к выводу о невозможности применить оговорку о режиме к данному спору.

В другом деле Маффезини против Испании (2000 г.)²², спор возник по поводу инвестиций, осуществленных аргентинским инвестором «AgustinMaffezini» в предприятие, которое в Испании занималось производством и распространением химических продуктов. В ДИС между Испанией и Аргентиной указано, что инвестор перед обращением в международный арбитражный орган должен обратиться в национальный суд государства-реципиента, то есть в данном случае в испанский суд. Истец не обращался в суды Испании, а сразу подал иск в арбитраж МЦУИС. При этом он сослался на положение о РНБ, предусмотренное в ДИС между Аргентиной и Испанией и распространяющееся на все вопросы, «которые являются предметом настоящего соглашения». По мнению истца, благоприятной для инвестора является возможность обратиться в МЦУИС, минуя национальные суды, что, например, предусмотрено в ДИС между Чили и Испанией. Истец заявил, что Соглашение между Чили и Испанией предоставляет ему более благоприятный режим.

²¹ Salini Costruttori S.P.A. and Italstrade S.P.A. v. The Hashemite Kingdom of Jordan. ICSID Case № ARB/02/13. URL: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0735.pdf> (дата посещения: 03.07.2014).

²² Maffezini v. Kingdom of Spain, Case № ARB/97/7, award. URL: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0481.pdf> (дата посещения: 02.07.2014).

Арбитраж согласился с истцом и посчитал, что, несмотря на то, что дело не рассматривалось национальным судом, юрисдикция МЦУИС распространяется на этот спор в соответствии с оговоркой о РНБ. МЦУИС признал себя компетентным на основании оговорки о РНБ.

В своем решении арбитраж указал, что в настоящее время вопросы по разрешению споров относятся к защите иностранных инвесторов. Если договор содержит положения по разрешению споров, которые более благоприятны для защиты прав и интересов инвестора, чем положения, содержащиеся в основном ДИС, эти положения могут быть распространены на бенефициара оговорки о РНБ, так как они полностью соответствуют принципу *eiusdem generis*²³ или «согласованной сфере отношений». По мнению арбитража, широкая оговорка о РНБ, содержащаяся в ДИС между Аргентиной и Испанией, которая применяется ко «всем вопросам, являющимся предметом Соглашения», охватывает не только материальные, но и процессуальные аспекты.

Несомненно, гарантия доступа к международному коммерческому арбитражу является важным элементом защиты инвестора. Однако, по мнению ученого З. Дугласа, есть существенное различие между материальными гарантиями, составляющими элементы защиты инвестора по международному инвестиционному соглашению, и положениями того же соглашения, определяющими компетенцию состава арбитража. Это делает распространение РНБ на последние недопустимым²⁴.

Схожая ситуация была исследована при рассмотрении арбитражем МЦУИС дела компании «Siemens A.G.» против Аргентины²⁵ в 2004 г.

В августе 2004 г. арбитраж МЦУИС признал свою компетенцию в отношении иска, поданного компанией «Siemens A.G.» против Аргентины на основе ДИС между Аргентиной и Германией. Предметом иска была экспроприация и предполагаемое нарушение Аргентиной указанного СПЗК. Аргентина расторгла контракт с дочерней компанией фирмы «Siemens» в Аргентине. Аргентина возражала против компетенции арбитража МЦУИС на том основании, что в соот-

²³ «Того же рода (*лат.*). Принцип, применяемый при толковании юридических текстов в странах общего права для обозначения того, что общий термин, приведенный после ряда специальных терминов, не может толковаться расширительно, выходя за пределы категорий того же класса» (Малинская Р.В. Может ли арбитражная оговорка являться «неблагоприятной»? Современные подходы к распространению режима наиболее благоприятствуемой нации на арбитражные оговорки // Новые горизонты международного арбитража. 2014. Вып. 2. С. 201).

²⁴ Цит по.: Гармоза А.П. Указ. соч. С. 260

²⁵ Siemens A.G. v. The Argentine Republic. ICSID. Case № ARB/02/8. URL: <http://www.italaw.com/cases/documents/1027> (дата посещения: 03.07.2014).

ветствии с ДИС между Аргентиной и Германией истец до обращения в арбитраж должен был сначала обратиться в местные суды в течение 18 месяцев от начала спора.

В обоснование компетенции арбитража МЦУИС истец сослался на оговорку о РНБ, содержащуюся в ДИС между Аргентиной и Германией и охватывающую «деятельность, связанную с инвестициями», и распространил ее на ДИС между Чили и Аргентиной, который не предусматривает обязательного обращения в местные суды. Арбитраж согласился с истцом. Арбитраж посчитал, что термин «режим» и фраза «деятельность, связанная с инвестициями», которые содержатся в оговорке о РНБ, достаточно широки, поэтому вполне могут включать в себя вопросы, связанные с разрешением споров. Арбитры также указали, что положения договора о необходимости применить национальные средства защиты в течение 18 месяцев не требуют исчерпания местных средств.

Как показали два последних решения, можно говорить о расширительном толковании арбитрами положений международных договоров. Вряд ли можно однозначно заявлять, что фразы «деятельность, связанная с инвестициями», или «по всем вопросам, являющимся предметом Соглашения», допускают возможность применения РНБ к вопросам разрешения споров.

Взвешенной и обоснованной представляется позиция арбитров МЦУИС при решении вопроса о своей компетенции по делу кипрской компании «Плама Консорциум Лимитед» против Республики Болгария (2005 г.)²⁶. Соглашение о поощрении и защите инвестиций между Кипром и Болгарией предусматривает: «Каждая договаривающаяся сторона должна предоставлять инвестициям на своей территории, сделанным инвесторами другой договаривающейся стороны, режим не менее благоприятный, чем режим предоставляемый инвестициям инвесторов третьих стран» (ст. 3).

Истец сослался на оговорку о РНБ, полагая, что получит возможность воспользоваться более благоприятными механизмами для разрешения споров, чем закрепленные в Соглашении между Болгарией и Кипром. Однако арбитраж не согласился распространить оговорку о РНБ на другие ДИС, сославшись на принцип *eiusdem generis*. По мнению суда, оговорка о РНБ может применяться только в той сфере, которая установлена самой оговоркой.

Арбитраж отметил, что из оговорки о РНБ, содержащейся в договоре Болгарии с Кипром, прямо не следует, что она распространяется на разрешение споров. Одного лишь предполо-

жения, что вопросы разрешения споров подпадают под сферу действия оговорки о РНБ этого соглашения, недостаточно. В этом случае, и это справедливое мнение арбитров, оговорка о предоставлении РНБ будет применяться с целью обхода основополагающих принципов, прямо зафиксированных сторонами в Соглашении и касающихся разрешения споров. Следовательно, оговорка о РНБ не распространяется на разрешение споров, если ее формулировка оставляет сомнения в намерении сторон это сделать²⁷.

При рассмотрении дела было также высказано еще несколько аргументов в пользу нераспространения оговорки о РНБ на разрешение споров:

«1) сложно определить, какой из механизмов разрешения споров является более благоприятным. Например, если одно соглашение определяет Арбитраж *ad hoc* в соответствии с Регламентом ЮНСИТРАЛ как орган для разрешения инвестиционного спора, а другое — Международный МЦУИС по урегулированию инвестиционных споров, то не понятно, какой режим следует считать более благоприятным.

2) если стороны договорились в конкретном двустороннем соглашении о том или ином механизме разрешения споров, то не понятно, на каком основании их согласие на включение в данное соглашение оговорки о предоставлении РНБ заменяет достигнутую ими договоренность о разрешении споров на абсолютно иной, новый механизм их разрешения. Одно дело — добавление к режиму, предоставленному одним соглашением, более благоприятного режима, предоставленного другим соглашением, и совсем другое дело — замена процедуры, специально согласованной сторонами, совершенно иным механизмом»²⁸.

Интересным представляется мнение Комиссии международного права ООН, которая разработала Проект статей о клаузулах о наиболее благоприятствуемой нации и подготовила комментарий к этому Проекту. В своем комментарии Комиссия исследовала несколько примеров из практики арбитражей, связанных с применением клаузулы.

В рамках «дела Амбатьелоса», которое рассматривалось Арбитражной комиссией в 1956 г., была исследована клаузула о наиболее благоприятствуемой нации, содержащаяся в Договоре о торговле и мореплавании между Великобританией и Грецией 1886 г. В этом договоре область применения клаузулы определена как область, включающая все вопросы, относящиеся к торговле и мореплаванию. Договор также содержит положения, гарантирующие подданным

²⁶ Plama Consortium Limited v. Republic of Bulgaria. ICSID. Case № ARB/03/24. URL: <http://www.italaw.com/cases/documents/858> (дата посещения: 04.07.2014).

²⁷ См.: Зенкин И.В. Указ. соч. С. 309.

²⁸ См.: Там же.

двух государств-участников «свободный доступ в суды для возбуждения исков и защиты своих прав».

По мнению Арбитражной комиссии, «отправление правосудия» является предметом, отличным от «торговли и мореплавания», однако дело может обстоять по-иному, когда «отправление правосудия» рассматривается в связи с защитой прав торговцев. Защита прав торговцев относится к вопросам, охватываемым договорами о торговле и мореплавании.

Арбитражная комиссия отмечает, что отправление правосудия в том, что касается защиты прав торговцев, не должно быть обязательно исключено из сферы применения клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации в тех случаях, когда последняя включает «все вопросы, относящиеся к торговле и мореплаванию». Этот вопрос может быть определен лишь в соответствии с намерениями государств-участников, вытекающими из разумного толкования договора.

Далее Арбитражная комиссия сделала следующий вывод: действие клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации в Договоре 1886 г., «может быть распространено на систему отправления правосудия в том, что касается судебной защиты прав лиц, занимающихся торговлей и мореплаванием»²⁹.

Таким образом, Комиссия полагает, что действие РНБ может распространяться не только на материально-правовые, но и на процессуально-правовые вопросы. Однако, как было указано выше, это должно быть определено в соответствии с намерениями государств-участников.

Как показывает арбитражная практика, до сих пор остается нерешенным вопрос: можно ли использовать РНБ для «импорта более благоприятного (режима) механизма урегулирования споров из другого инвестиционного соглашения»³⁰?

В доктрине есть различные точки зрения на рассматриваемую проблему. Аргументированной представляется позиция иностранных ученых К. Маклахлана, Л. Шора и М. Вайнингера, которые высказываются против распространения действия РНБ на положения международных инвестиционных соглашений о разрешении споров. Они справедливо отмечают, что эти положения являются результатом детальных переговоров между государствами и что инвестор не может по своей воле заменить эти положения другими положениями, согласованными с другими государствами при других обстоятельствах. Ученые считают невозможным установить, ка-

кие виды арбитража, предусмотренные в международных инвестиционных соглашениях, являются более благоприятными для инвестора. Следует согласиться с этими авторами в том, что положения о РНБ не должны распространять свое действие на положения международных инвестиционных соглашений о разрешении споров, если только государства-участники прямо этого не предусмотрели. Если такой оговорки нет, то РНБ распространяет свое действие только на материальные права, предоставленные инвесторам³¹.

Также прав российский юрист А.П. Гармоза, который отмечает, что «инкорпорация в МИС (международные инвестиционные соглашения. — Н.В.) положения о разрешении споров из другого МИС посредством применения РНБ способна заменить соответствующее положение применимого МИС и, таким образом, несет в себе потенциальный эффект изменения предмета арбитражного соглашения. Поэтому распространение действия РНБ на положение МИС о разрешении споров с целью установления компетенции состава арбитража возможно только при наличии ясно и недвусмысленно выраженной воли государств — участников данного МИС на это (либо в тексте МИС, либо путем последующего разъяснения)»³².

Далее автор предлагает исключать положения о разрешении споров из-под действия РНБ, что создаст большую определенность по поводу механизма разрешения инвестиционных споров и обеспечит предсказуемость решения состава арбитража для обеих сторон спора³³.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. По общему правилу, использование РНБ для выбора юрисдикции не должно допускаться. Намерение включить в сферу действия оговорки о РНБ положения о разрешении споров должно быть очевидно и однозначно выражено. Расширение оговорки о РНБ возможно только в том случае, когда можно очевидно и однозначно установить намерение государств — участников ДИС об использовании такого расширения. При этом для толкования воли сторон ДИС следует применять ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Арбитраж не вправе расширительно толковать положения международных инвестиционных соглашений о РНБ, даже если они сформулированы широко. Чтобы применять РНБ в процессуальном аспекте, в международных инвестиционных соглашениях должно быть об этом четко сказано.

²⁹ Доклад Комиссии международного права генеральной Ассамблее (1978). Цит. по: Ушаков Н.А. Режим наибольшего благоприятствования в международных отношениях. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 57–58.

³⁰ Белоглазев А.И. Указ. соч. С. 80.

³¹ Цит. по: Гармоза А.П. Указ. соч. С. 255.

³² Там же. С. 259.

³³ Там же.

Библиография:

1. Белоглазев А.И. Международно-правовая защита инвестиций в области энергетики. — Киев: Таксон, 2011. — 396 с.
2. Гармоза А.П. Арбитраж на основании международных инвестиционных соглашений: вопросы компетенции. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 352 с.
3. Зенкин И.В. Международное экономическое право. — М.: Центр. изд. дом, 2006. — 424 с.
4. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 608 с.
5. Малинская Р.В. Может ли арбитражная оговорка являться «неблагоприятной»? Современные подходы к распространению режима наиболее благоприятствуемой нации на арбитражные оговорки // Новые горизонты международного арбитража. — 2014. — Вып. 2. — С. 195–231.
6. Ушаков Н.А. Режим наибольшего благоприятствования в международных отношениях. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. — 125 с.
7. Шумилов В.М. Международное экономическое право. — М.: Юрайт, 2011. — 612 с.
8. Houde M.-F. Most-Favoured-Nation Treatment in International Investment Law// International Investment Law: A Changing Landscape. OECD 2005. URL: <http://www.oecd.org/investment/internationalinvestmentagreements/40077165.pdf>.

Материал поступил в редакцию 29 октября 2014 г.

**USE OF REGIME OF THE MOST FAVORED NATION TREATMENT
IN THE RESOLUTION OF TRANS-BORDER INVESTMENT DISPUTES**

Viktorova, Natalia Nikolaevna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University.

[NNVIKTOROVA@msal.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review. *The article is devoted to the problems of application of the most favored nation regime in resolution of trans-border investment disputes. The most favored nation regime is provided for in most of the international treaties concerning protection and support of investments. Based upon the analysis of some decisions in the practice of the Arbitration Institution of the Stockholm Chamber of Commerce, as well as in the practice of the International Centre for Settlement of Investment Disputes, the author shows that arbitrators sometimes use the most favored nation regime in order to establish their competence over the dispute, thus applying the most favored regime clause both on material issues concerning international investment agreements and the procedural issues of investment disputes settlement. It is pointed out in the article that neither doctrine nor arbitration practice provide for an uniform solution of the above-mentioned problems, creating ambiguity regarding the mechanism of investment disputes settlement. The author draws a conclusion that it is not acceptable to use the most favored nation regime clause for procedural issues. Arbitration is not entitled to provide overly wide interpretation of the provisions of international investment treaties on most favored nation regime, even if these clauses are broadly worded. The opposite situation is possible only when it is possible to clearly establish the intent of the Member States to the international investment disputes on such use of the clause.*

Keywords: *foreign investments, most favored nation regime, trans-border investment disputes, treaty shopping, bilateral treaties on support and mutual protection of investments, unlawful expropriation, nationalization, investor protection, draft articles on clause on most favored nation, the International Centre for Settlement of Investment Disputes, the Arbitration Institution of the Stockholm Chamber of Commerce.*

Bibliography:

1. Beloglavek, A.I. International legal investment protection in the sphere of the energy market. — Kiev: Takson, 2011. — 396 p.
2. Garmozha, A.P. Arbitration based upon international investment agreements: competence issues. — М.: Infotropik Media, 2012. — 352 p.
3. Zenkin, I.V. International economy law. — М.: Centr.izd. dom, 2006. — 424 p.
4. Carreau D., Jullard P., International economy law. — М.: Mezhdunar. otnoshenija, 2002. — 608 p.
5. Malinskaja, R.V. May an arbitration clause be unfavorable? Modern approaches towards applying the most favored nation regime to arbitration clauses. // Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha. — 2014. — Issue 2. — P. 195–231.
6. Ushakov, N.A. Most favored nation regime in international relations. — М.: Izd-vo IGiP RAN, 1995. — 125 p.
7. Shumilov, V.M. International economy law. — М.: Jurajt, 2011. — 612 p.
8. Houde M.-F. Most-Favoured-Nation Treatment in International Investment Law// International Investment Law: A Changing Landscape. OECD 2005. URL: <http://www.oecd.org/investment/internationalinvestmentagreements/40077165.pdf>.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

А.Н. Калюжный*, В.Н. Чаплыгина**

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются проблемы правоприменительной деятельности и законодательная конструкция норм, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, которые подверглись трансформации Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ»; подчеркивается законодательное расширение перечня процессуальных действий, проведение которых стало возможным на стадии возбуждения уголовного дела; обращается внимание на смену приоритетов уголовно-процессуальной политики — расширение количества следственных действий, допустимых при рассмотрении сообщений о преступлениях и переход от принципа исключительности их производства на данной стадии к системе следственных действий, проводимых по общему правилу; проводится исследование затруднений, возникающих у лиц, разрешающих сообщения о преступлениях при производстве следственных и процессуальных действий, возможных на рассматриваемой стадии; отмечается поспешность проведенных нововведений, повлекшая ослабление процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, неопределенность их процессуального статуса на данной стадии, что создает предпосылки процессуальных нарушений; указывается на неопределенность процессуальной формы некоторых как процессуальных, так и следственных действий, проводимых при рассмотрении сообщений о преступлениях, возможное несоответствие их результатов требованиям, предъявляемым к доказательствам, и предлагаются видимые пути разрешения данных проблем.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, реформирование, возбуждение уголовного дела, процессуальные гарантии, стадия, предварительная проверка, сообщение о преступлении, процессуальный статус, правоприменение.

Являясь неотъемлемым атрибутом любого государства, уголовно-процессуальное законодательство не может не отражать происходящие в нем перемены, направленные на оптимизацию и совершенствование новых моделей взаимоотношений личности и власти, изменение уровня эффективности защиты интересов участников уголовного судопроизводства

и преобразование качества реализации процессуальных функций.

Современная уголовно-процессуальная доктрина позволяет по-новому взглянуть на многие научные положения, переосмыслить их с учетом изменений приоритетов уголовно-процессуальной политики, выработать оптимальные пути повышения качества и результативности процессуальной деятельности.

© Калюжный А.Н., 2015

* Калюжный Александр Николаевич — кандидат юридических наук, сотрудник Академии ФСО России.
[kaluzniy-a-n@yandex.ru]

302006, Россия, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

© Чаплыгина В.Н., 2015

** Чаплыгина Виктория Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.

[victory-75@yandex.ru]

302006, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Более года назад Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ»¹ были существенным образом реформированы некоторые уголовно-процессуальные институты, расширены права участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Трансформации был подвергнут и институт предварительной проверки сообщений о преступлениях, что, в свою очередь, требует анализа произведенных новелл с учетом реалий сегодняшнего дня и возможностей судебной практики.

Исследование положений ряда измененных норм указывает на поспешность законодателя в формулировании их содержания и некорректность изложения некоторых из них, что не способствует единообразному пониманию их сущности, вызывает противоречивость толкования данных положений и приводит к затруднениям в их реализации правоприменителями.

Проведенными преобразованиями был расширен перечень следственных и процессуальных действий, производство которых допустимо на этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях, и добавлена к ранее имевшимся действиям возможность получения объяснений, образцов для сравнительного исследования и изъятия предметов и документов в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Упомянутое ранее лишь в перечне прав участников судопроизводства получение объяснений выступило «новым» процессуальным действием для лиц, производящих предварительную проверку сообщений о преступлениях, и «новизна» его заключается в закреплении прямой возможности его реализации в нормах уголовно-процессуального законодательства. До внесенных изменений такая возможность была предусмотрена в ходе производства следственных действий (ч. 2 ст. 18, п. 2 ч. 2 ст. 46, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ и др.), оперативно-розыскных мероприятий (п. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²), действий, проводимых в рамках административного законодательства (ч. 2 ст. 24.2, ч. 1 ст. 25.1, ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ и др.).

В то же время положения уголовно-процессуальной доктрины, предоставив возможность получения объяснений лицам, осуществляю-

щим предварительную проверку сообщений о преступлениях, так и не закрепили процессуальный порядок производства данного действия, хотя обязали лиц, их осуществляющих, разъяснять права и обязанности участникам уголовного судопроизводства (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ). Правоммерно возникает вопрос о статусе этих лиц, ведь до момента возбуждения уголовного дела статус участников предварительной проверки сообщений о преступлениях не определен. Нетрудно предположить, что процессуальные положения будущего подозреваемого, будущего потерпевшего или свидетеля будут различны. В настоящее время возможность наименования этих участников и содержание их процессуальных статусов законодатель оставил незакрепленным, предоставив лицам, осуществляющим предварительную проверку, руководствоваться общими принципами уголовного судопроизводства и своим внутренним убеждением.

Более того, нерегламентированность нормы уголовно-процессуального законодательства формы выражения полученных объяснений, несмотря на содержание ч. 1² ст. 144 УПК РФ, закрепляющей возможность их использования в качестве доказательств, при условии соблюдения требований ст. 75 и 89 УПК РФ создает неопределенность у правоприменителей. А.С. Александров и М.В. Лапатников данные изменения уголовно-процессуального законодательства называют революционными и указывают на стирание граней между процессуальной и непроцессуальной деятельностью³.

Полагаем необходимым при получении и составлении объяснений руководствоваться положениями, регламентирующими порядок производства допроса, за исключением правила о предупреждении опрашиваемого об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ. О схожести природы данного процессуального действия с допросом свидетельствует и закрепление законодателем права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников, круг которых определен законом, а также права пользоваться услугами адвоката (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ).

Еще одним из разрешенных процессуальных действий, производство которого допустимо на стадии возбуждения уголовного дела, стало получение образцов для сравнительного исследования, предусмотренное ст. 202 УПК РФ. Сбор образцов для сравнительного исследования может рассматриваться и как оперативно-розыскное

¹ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 21.12.2013 № 369-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2013. № 51. Ст. 6689.

³ См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.

мероприятие, порядок производства которого закреплен в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ» и применяемое в практической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов.

Позиция Конституционного Суда РФ, который в своих определениях указал, что сбор образцов для сравнительного исследования как оперативно-розыскное мероприятие не означает лишения лица, в отношении которого оно проводится, государственной защиты его прав и свобод и права на квалифицированную юридическую помощь⁴, допускает возможность проведения оперативно-розыскного мероприятия до возбуждения уголовного дела в рамках предварительных проверок.

Внесенными изменениями была расширена сфера использования изымаемых образцов, которые могут быть получены не только для производства судебной экспертизы, но и для иных исследований, проводимых как на стадии предварительного расследования, так и на стадии возбуждения уголовного дела. Считаем вполне оправданным решение законодателя о разрешении получения образцов для сравнительного исследования как процессуального действия на стадии возбуждения уголовного дела. Проанализированная нами следственная практика производства получения образцов для сравнительного исследования в ходе разрешения сообщений о преступлениях указывает на наличие четкой процессуальной основы, предусмотренной в ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 202 УПК РФ.

Кроме процессуальных, трансформации подверглись и следственные действия, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, и к трем ранее допустимым в качестве исключения: осмотру места происшествия, осмотру трупа и освидетельствованию, добавлены еще три: осмотр предметов, осмотр документов и судебная экспертиза, анализ положений которых позволяет утверждать о перерождении исключительности в общность, образованную системой следственных действий, допустимых в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях. Данные нововведения позволяют утверждать о смене приоритетов уголовно-процессуальной политики и переходе от принципа исключительности следственных действий, проводимых до возбуждения уголов-

ного дела, к формированию системы следственных действий, проводимых на данной стадии по общему правилу.

Однако поспешность законодателя в осуществлении новаций стадии возбуждения уголовного дела привела к некорректному изложению ряда положений, исключающему их единообразное толкование. Так, например, положение ч. 1 ст. 144 УПК РФ, закрепляющее возможность лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, изымать образцы, предметы и документы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, в процессе ее широкого толкования позволяет в круг следственных действий, в рамках которых возможно изъятие образцов, веществ и предметов, допустимых до возбуждения уголовного дела, включить кроме освидетельствования и осмотра места происшествия, предметов и документов такие следственные действия, как выемка и обыск.

В то же время анализ специальных норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок и особенности производства конкретных следственных действий (ст. 182, 183, 184 УПК РФ), позволяет утверждать, что производство обыска, выемки и личного обыска возможно только после возбуждения уголовного дела. Об этом же свидетельствует проанализированная нами судебно-следственная практика, в ходе которой правоприменители руководствуются положениями специальных норм по отношению к содержанию общей нормы, изложенной в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Вместе с тем осмотры предметов и документов являются одними из основных источников получения доказательственной информации и, по общему правилу, проводятся в рамках тех следственных действий, в ходе которых они изымаются⁵. Необходимость проведения осмотров предметов и документов как отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела спорная, но учитывая обязанность лиц, изымающих предметы и документы, описывать их индивидуальные особенности в протоколах, которыми они изымаются, вполне объяснимая. Анализ осмотров предметов и документов лицами, осуществляющими проверку сообщений о преступлениях, показал их достаточно активное использование как следственных действий, а допустимость в ходе их применения изъятия следов, веществ, предметов не вызывает сомнений.

Практика их применения не вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 176 УПК РФ, являющейся специальной по отношению к ч. 1

⁴ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями п. 1 и 3 части первой ст. 6 и подп. 1 п. 2 части первой ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 342-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав п. 3 части первой ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.03.2006 № 14-О06-6 // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 144 УПК РФ и прямо указывающей как на возможность производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела, так и на возможность изъятия при их производстве следов, веществ и предметов. В то же время отсутствие указания на исключительность их производства на рассматриваемой стадии еще раз подчеркивает формирование системы следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела.

Еще одним из следственных действий, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела, является судебная экспертиза, вопрос о целесообразности производства которой на данной стадии долгое время оставался дискуссионным. Более того, современная история развития уголовно-процессуальной доктрины подчеркивает, что, будучи 5 лет закрепленной в УПК РФ, возможность назначения судебной экспертизы (с 2002 г. по 2007 г.) в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях⁶, так и не была практически реализована. Ни судебная, ни следственная практика на стадии возбуждения уголовного дела не проводили экспертиз, несмотря на то, что в ч. 4 ст. 146 УПК РФ действующего в тот период законодательства имелись нормативные основания для их производства.

Наиболее остро потребность в производстве судебных экспертиз в рамках предварительной проверки возникает при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по делам о дорожно-транспортных происшествиях, причинении вреда здоровью, экономическим преступлениям и др. Но максимальную актуальность производство судебных экспертиз на данной стадии имеет по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, оружия, боеприпасов и др., когда в ходе их исследования применяются разрушающие методы, влекущие видоизменение объектов, уменьшение количества исследуемого вещества, а зачастую и невозможность последующего производства экспертиз (отстрел патрона, подрыв боеприпаса и т.д.).

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что законодатель, стараясь исправить прошлые ошибки и создать действующий институт, закрепил не только возможность назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, но и продублировал данное положение в специальной норме — ч. 4 ст. 195 УПК РФ. Данные положения позволили

лицам, осуществляющим предварительную проверку сообщений о преступлениях, выносить постановления о назначении соответствующей судебной экспертизы и назначать ее проведение.

Несмотря на позитивные тенденции в этом направлении, институт назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела далек от совершенства: из-за неопределенности и в процессуальном статусе лиц, чьи интересы затрагивает производство судебной экспертизы на данной стадии, и в вопросах заявления ходатайств о выборе экспертного учреждения, и в возможности отвода эксперта, и в вопросах присутствия при ее проведении и в других правах, предусмотренных ст. 198 УПК РФ. Не ясна и возможность помещения лица, в отношении которого проводится экспертиза, в медицинскую или психиатрическую организацию, реализация которой допустима лишь по решению суда и только по возбужденному уголовному делу. Невзирая на положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ, допускающие возможность производства стационарных судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз до возбуждения уголовного дела, считаем их проведение невозможным и недопустимым, исходя из специфики целей предварительной проверки сообщений о преступлениях, отсутствия необходимых данных о личности, неопределенности процессуального статуса подэкспертного, временных рамок данной стадии и др. Нелогично и положение законодателя об обязательности производства повторной или дополнительной экспертизы при получении соответствующего ходатайства после возбуждения уголовного дела (ч. 1² ст. 144 УПК РФ), что ставит под сомнение доказательственное значение проведенной экспертизы и противоречит нормам этой же части статьи, указывающим на возможность использования полученных сведений в качестве доказательств.

Как мы уже указывали ранее, имеется существенная неопределенность в процессуальном статусе лиц, интересы которых затрагивает производство судебной экспертизы, в возможности реализации их прав, обязанностей и процессуальных гарантий.

Кроме того, естественное снижение показателей судебно-экспертных подразделений, основанное на вынужденном отказе от вынесения справок об исследовании предметов, веществ и документов, служивших первоначальной основной назначения экспертиз, негативно сказалось на показателях их деятельности. Данное обстоятельство вынуждает использовать возможности вновь введенного института не в полной мере, основываясь на практике взаимодействия экспертных и иных подразделений, участвующих

⁶ См., например: Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027; Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

в ходе разрешения поступившего сообщения о преступлении.

Также необходимо отметить, что исследования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела в отличие от экспертиз имеют преимущества в оперативности их проведения и преследования лишь одной цели: получения данных, указывающих на признаки преступления. Недостатками исследований предметов и документов являются: обязанность последующего назначения экспертиз, отсутствие информативности исследования, так как специалистами не описывается его методика, и невозможность проверки полученных результатов в силу разрушения объекта исследования. А закрепляемая законодателем возможность получать заключение судебной экспертизы в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), по справедливому утверждению А.Р. Белкина, выглядит ничем не подкрепленной декларацией⁷, объективно не учитывающей технологические особенности производства экспертиз.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что проведение судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела явилось позитивным и долгожданным решением законодателя, которое необходимо при применении разрушающих и других методов исследований, влекущих видоизменение объектов, уменьшение их количества и не позволяющих в дальнейшем проведение последующих экспертиз. В силу ограниченности предварительной проверки материалов временными рамками, а также при наличии возможности уничтожения доказательств преступниками, оказании им консультативной помощи, искажающей объективность расследования, возможности осуществления ими противодействия расследованию, целесообразно прибегать к использованию исследований предметов и до-

кументов, возбуждать уголовное дело и использовать весь арсенал оперативных, следственных и процессуальных действий.

Таким образом, рассмотрев новеллы реформирования института предварительной проверки сообщений о преступлениях, мы пришли к следующим выводам:

а) расширение перечня процессуальных и следственных действий, производство которых стало возможным до возбуждения уголовного дела, было направлено на оптимизацию средств проверки сообщений о преступлениях и предполагало повышение эффективности судебно-следственной практики;

б) увеличив количество следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель «слопал» имевшийся стереотип исключительной возможности их производства, сформировав систему следственных действий, проводимых на данной стадии по общему правилу;

в) проведя преобразования средств проверки сообщений о преступлениях, законодатель не определил процессуальный порядок производства некоторых из них (получение объяснений, помещение в медицинскую или психиатрическую организацию для производства экспертизы), не закрепил их процессуальную форму, нечетко и двусмысленно сформулировал содержание нормативных положений о некоторых из них, что негативно сказывается на правоприменительной практике;

г) поспешность проведенных нововведений свидетельствует об ослаблении процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, неопределенности их процессуального статуса на стадии возбуждения уголовного дела и создании законодателем предпосылок для возможных нарушений прав личности.

Библиография:

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 23–28.
2. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаг вперед или возврат на прошлые позиции? // Уголовное судопроизводство. — 2013. — № 3. — С. 4–13.
3. Васильев О.В. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. — 2013. — № 8. — С. 4–13.
4. Гончар В.В., Мешков М.В. Новые нормы института возбуждения уголовного дела // Законность. — 2012. — № 3. — С. 45–48.
5. Шишков С. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. — 2013. — № 10. — С. 37–42.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2014 г.

⁷ См.: Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаг вперед или возврат на прошлые позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.

EXAMINATION OF INFORMATION ON COMMITTED CRIMES: WAYS FOR IMPROVEMENT

Kalyuzhnyi, Aleksandr Nikolaevich — PhD in Law, officer of the Academy of the Federal Protective Service of Russia. [kaluzniy-a-n@yandex.ru]
302006, Russia, Orel, ul. Priborostroitel'naya, 35.

Chaplygina, Viktoria Nikolaevna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Studies and Preliminary Investigation in the MIA of the Orel Law Institute of the MIAo of Russia named after V.V. Lukyanov. [victory-75@yandex.ru]
302006, Russia, Orel, ul. Ignatova, 2.

Review. *The article provides analysis of the problems of law-enforcement activities and legislative construction of norms regulating specificities of evaluation and resolutions on information on committed crimes, which were transformed by the Federal Law of March 4, 2013, № 23-FZ "On amendments into Art. 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and Criminal Procedural Code of the Russian Federation". The authors point out legislative widening of the scope of the procedural acts, which are possible at the stage of initiation of the criminal case. Attention is paid to the change in the priorities of the criminal procedural policy: greater quantity of investigative activities acceptable at the stage of examination of information on crimes committed, as well as the transition from having these actions taken exclusively at this stage to the system of investigative activities undertaken according to the general rules. The authors study the difficulties arising for the officers examining the information on crimes committed in their investigative and procedural activities, which are possible at this stage. The author also notes the hasty character of the novelties, which have led to weakening of the procedural guarantees for the parties to the criminal judicial proceedings, lack of clarity on their procedural status at this stage, forming prerequisites for the procedural violations. The author also points out lack of clarity in the procedural form of some procedural and investigative activities, which are held at the stage of examining the information on crimes committed, possible inconsistencies between these activities, their results and the requirements to evidence. The authors also offer possible solutions for these situations.*

Keywords: *investigative activities, procedural activities, reform, initiating a criminal case, procedural guarantees, stage, preliminary examination, information of a crime, procedural status, application of law.*

Bibliography:

1. Aleksandrov, A.S., Lapatnikov, M.V. Old problems of the evidence law in the new criminal procedural packaging of the "limited inquiry" // Juridicheskaja nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2013. — № 22. — P. 23–28.
2. Belkin, A.R. Novelties in the criminal procedural legislation — a step ahead or return back? // Uголовное sudoproizvodstvo. — 2013. — № 3. — P. 4–13.
3. Vasiliev, O.V. New stage of the reform of the pre-trial stage of criminal process. Critical analysis of the novelties of 2013 // Zakon. — 2013. — № 8. — P. 4–13.
4. Gonchar, V.V., Meshkov, M.V. New norms in the institution of initiation of a criminal case // Zakonnost'. — 2012. — № 3. — P. 45–48.
5. Shishkov, S. Is it possible to have judicial psychiatric expertise at the stage of initiation of a criminal case? // Zakonnost'. — 2013. — № 10. — P. 37–42.

ГОРНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Аннотация. С целью совершенствования правового регулирования отношений, возникающих в связи с рациональным, комплексным, безопасным использованием и охраной недр, необходимо сформировать соответствующую концепцию. Указанная концепция, в случае ее принятия, впоследствии будет положена в основу развития и дальнейшего совершенствования горного права. Уточнение формулировки понятия «горное право» осуществлялось с учетом мнения ведущих ученых, а также особенностей правового регулирования отношений, связанных с процессом рационального, комплексного, эффективного и безопасного использования и охраны недр, а также отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств. Определение «горного права» дополнено комплексом понятий, наличие или отсутствие которых в законодательстве РФ о недрах влияет на результативность правового регулирования горных отношений. Проанализированы научные работы авторитетных ученых в области права с учетом их мнения по поводу существующих концепций горного права. Горное право рассмотрено с позиции его места в системе различных отраслей права, нормы которых затрагивают горные отношения. Обосновывается приемлемость концепции самостоятельности горного права. Приводятся доводы в пользу того, что развитие горного права должно идти не по пути имплементации норм иных отраслей права, а по пути развития своих норм права, регулирующих горные отношения и учитывающих их особенности.

Ключевые слова: горное право, правоотношения, законодательство, Российская Федерация, концепция, горное законодательство, участки недр, недропользование, цивилистическая концепция, лицензия.

Возрастающее потребление минерального сырья в качестве источника энергии, основы развития промышленности, а также развития подземных коммуникаций, в том числе подземного транспорта, предполагают возрастание роли горной промышленности как одной из основных бюджетобразующих отраслей. С возрастанием роли горных отраслей промышленности будет усиливаться значение правового регулирования отношений, возникающих в связи с ее деятельностью. Следовательно, потребуются прилагание немалых усилий, направленных на развитие и дальнейшее совершенствование горного права, в первую очередь тех его норм, которые призваны обеспечить публичный интерес.

В связи с этим, как отмечает В.С. Елисеев, исследуя природоресурсные правоотношения, «для формирования» горного (заменено мной. — М.Д.) «права первооснову создают научные соответству-

ющие теории (концепции), поскольку теория, принимаемая за основу, формирует соответствующее законодательство»¹. Важность аналитических исследований в процессе разработки соответствующих концепций отмечают многие ученые. В частности, С.А. Боголюбов, О.Л. Дубовик, М.М. Бринчук, О.И. Крассов констатируют, что концепции и доктрины кладутся в основу формулирования правовых норм и конкретных предписаний; это аксиомы профессиональной юриспруденции².

¹ Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права // Аграрное и земельное право. 2013. № 3. С. 10.

² См.: Боголюбов С.А. Современные проблемы Экологического кодекса // Экологическое право. 2005. № 6. С. 6–10; Он же. Правовая защита российских природных ресурсов // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 96–102, Дубовик О.Л. Введение в экологическое право. М.: Проспект, 2003; Крассов О.И. Экологическое право. М.: Норма, 2004; Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для вузов. М.: Юрист, 2004; Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. М.: Юрайт, 2005.

Необходимо согласиться с мнением Б.Д. Ключкина, указывающего на «отсутствие четкой концепции развития системы законодательства, его ориентации на те или иные методы регулирования <...> Думается, сейчас еще не сложилась концепция, которая позволила бы осуществлять целенаправленное развитие горного законодательства с единых методологических позиций»³.

Научных работ, посвященных концепциям горного права, не так много. Однако в исследовании были проанализированы труды многих ученых в области горного права, которые опосредованно дают возможность предположить склонность к той или иной концепции.

Анализ научной литературы по вопросу формирования отраслей права⁴ позволяет выделить следующие концепции горного права:

1. Цивилистическая концепция горного права. Этой концепции придерживаются следующие ученые, мнения которых с соответствующими ссылками будут приведены ниже: С.В. Колдаев⁵, М.И. Махлина⁶, В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров⁷, П.Н. Бобин⁸, И.А. Дроздов⁹, А.И. Перчик¹⁰, Е.Ю. Веденеев¹¹, Д.В. Хаустов¹², А.А. Попов¹³, Д.Г. Храмов¹⁴ и др.

Такую концепцию следует рассмотреть в двух аспектах: современное видение и перспективы развития горного права.

В отношении современного понимания цивилистической концепции горного права следует изучить мнения известных ученых в этой области. Например, А.И. Перчик утверждает, что «закон РФ “О недрах” не только признает наличие гражданско-правовых отношений в области недропользования, но и прямо регулирует их»¹⁵.

Такую же идею поддерживает Е.Ю. Веденеев, утверждая, что лицензионные соглашения «представляют собой волеизъявление нескольких субъектов, направленное на установление их прав и обязанностей, связанных с предоставлением права пользования недрами, и относится к сфере гражданско-правового регулирования <...> Правотношения между участниками данного соглашения основаны не на властном подчинении одной стороны другой, а на юридическом равенстве сторон, и к ним применяются нормы гражданского законодательства <...> Таким образом, лицензионные соглашения <...> содержат признаки сделки (договора), предусмотренные действующим гражданским законодательством»¹⁶.

Точки зрения Д.В. Хаустова и А.Ф. Сухова также совпадают с позицией вышеперечисленных авторов, то есть они также предполагают, что лицензия оформляет договорные отношения¹⁷.

Д.Г. Храмов полагает, что «отношения, возникающие в процессе реализации права пользования недрами в обычном, “лицензионном” режиме, носят обязательственный характер и регулируются нормами гражданского законодательства»¹⁸.

По мнению В.Н. Литовкина, Е.А. Суханова, В.В. Чубарова, «в настоящее время использование гражданско-правовых институтов при предоставлении недр в пользование проявляется в форме заключения лицензионных соглашений»¹⁹.

Ю.Е. Туктаров, М.И. Махлина и С.Б. Дьяченко в своих научных работах также характеризуют лицензионное соглашение как гражданско-правовой договор²⁰.

В диссертационной работе Ж.С. Елюбаева утверждается, что «в основе системы предоставления права недропользования лежит контракт

³ Ключкин Б.Д. Формирование нового горного права России // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 54–63.

⁴ В частности, см.: Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права. С. 10–14

⁵ Колдаев С.В. Договорный порядок пользования недрами как альтернатива разрешительному порядку // Современное право. 2005. № 1. С. 2–8

⁶ См.: Махлина М.И. Соотношение норм Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О недрах» и их применение к режиму лицензирования в России // Экономические и правовые вопросы недропользования в России. 1995. Т. IV. № 10. С. 2–3; Она же. О развитии гражданско-правовых отношений недропользования в России. Минеральные ресурсы России // Экономика и управление. 1999. № 5. С. 44–49.

⁷ См.: Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008.

⁸ См.: Бобин П.Н. Гражданско-правовой режим природных объектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009; Он же. Проблемы гражданско-правового регулирования недропользования // Закон. 2007. № 2. С. 61–64.

⁹ См.: Дроздов И.А. О развитии правового регулирования недропользования // Вестник ВАС РФ. 2007. № 8. С. 30–44.

¹⁰ См.: Перчик А.И. Основы горного права. М.: Недра, 1996.

¹¹ См.: Веденеев Е.Ю. Некоторые актуальные вопросы совершенствования федерального законодательства о недрах // Правовое регулирование горных отношений в РФ: история, современность и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: б.и., 2004. С. 218.

¹² См.: Хаустов Д.В. Природоресурсное лицензирование: теория правового регулирования // Там же. С. 331.

¹³ См.: Попов А.А. Имущественные права на участки недр по российскому законодательству (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. С. 7, 20.

¹⁴ См.: Храмов Д.Г. Юридическая природа права пользования недрами // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 4. М.: Норма, 2002. С. 110.

¹⁵ Перчик А.И. Указ. соч. С. 144.

¹⁶ Веденеев Е.Ю. Указ. соч. С. 218.

¹⁷ См.: Сузов А.Ф. Лицензионно-договорные основы природопользования и охраны окружающей среды: дис. ... канд. юрид. наук М., 1999; Хаустов Д.В. Указ. соч. С. 331.

¹⁸ Храмов Д.Г. Указ. соч. С. 110.

¹⁹ Право собственности: актуальные проблемы // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Туктаров Ю.Е. Частная сущность права недропользования // ЭЖ-Юрист. 2005. № 14 // СПС «КонсультантПлюс»; Он же. Почему право недропользования является частным правом? // Закон. 2007. № 3. С. 107–110; Дьяченко С.Б. Нефтяные концессионные соглашения // Нефть, газ и право. 1996. № 5. С. 20–21; Махлина М.И. Соотношение норм Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О недрах»... С. 2–3; Она же. О развитии гражданско-правовых отношений... С. 46–48.

гражданско-правового характера, а не разновидность административного акта частного-публичного характера»²¹.

Целесообразно возразить против таких аргументов по следующим причинам:

- лицензионное соглашение не может рассматриваться как гражданско-правовая конструкция из-за того, что правоотношения в связи с недропользованием возникают не на основании договора, а на основании решения уполномоченных органов, а попытки перевести лицензирование на договорные рельсы заканчивается лишь использованием формы договора, а не основания выделения участка недр — последние остаются, по сути, административными;
- правоустанавливающим удостоверяющим документом является не лицензионное соглашение, а лицензия на пользование недрами;
- регулирование правоотношений, возникающих при предоставлении недр в пользование, осуществляется не нормами ГК РФ, а нормами Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее — Закон РФ «О недрах»);
- анализируя научные работы В.С. Елисеева и А.П. Вершинина, посвященные вопросу формирования отраслей права, следует отметить, что цивилистическая концепция: «во-первых, отвергает необходимость изучения механизма согласования частных и публичных основ в правовом регулировании <...> отношений, называя это “риском искусственного объединения законодательства с противоположными основами”²², во-вторых, в случае, если эту теорию взять за основу, то она может нанести вред “здоровым” рыночным механизмам, то есть выступить противоположной крайностью правового обеспечения»²³ публичных интересов.

Что касается перспективы развития горного права, с точки зрения цивилистической концепции, следует привести некоторые цитаты из опубликованных работ. Например, С.В. Колдаев утверждает: «Необходимо менять Закон о недрах полностью. Прежде всего, должен быть предусмотрен договорной порядок недропользования. По нашему же глубокому убеждению, договорной порядок должен стать в российском недропользовании основной формой недропользования <...> в Закон о недрах был введен институт лицензионного соглашения, который должен был наполнить

отношения недропользования договорным, цивилистическим содержанием»²⁴.

Такого же мнения придерживается П.Н. Бобин. В своей работе он доказывает «необходимость формирования единого гражданско-правового режима природных объектов, под которым следует понимать установленную в соответствии с нормами гражданского законодательства совокупность требований, определяющих порядок и условия возникновения, осуществления, перехода и прекращения имущественных прав на природные объекты, основания и пределы их ограничения». При этом автором доказывается, что «включенные в гражданский оборот природные объекты относятся к категории “недвижимостей по природе”», и обосновывается необходимость распространения на них общего правового режима недвижимого имущества с учетом особенностей, установленных гражданским законодательством, исходя из значения природных объектов как основы жизни и деятельности населения, среды обитания человека. Кроме того, автором обосновывается вывод о «необходимости полного упразднения существующей в сфере природопользования “лицензионной системы”, при которой основаниями возникновения прав на природные объекты являются специальные разрешения (“лицензии”), выдаваемые правообладателям уполномоченными государственными органами, и доказывается необходимость перехода на договорные отношения, при которых права и обязанности их участников возникают непосредственно на основании гражданско-правовых договоров». Далее «оборот природных объектов должен осуществляться посредством сделок, совершаемых в соответствии с положениями гражданского законодательства. Исходя из гражданско-правового характера сделок с природными объектами, в работе обосновывается вывод о необходимости распространения на данные отношения общих положений гражданского законодательства об оборотоспособности объектов гражданских прав, а также доказывается целесообразность закрепления основополагающих принципов оборота природных объектов в разделах Гражданского кодекса РФ о сделках и договорах, в том числе, регулирующих отдельные виды договорных обязательств»²⁵.

Той же концепции придерживается и И.А. Дроздов: «отношения между государством и частными лицами, опосредующие извлечение потребительских свойств недр, поскольку они являются имущественными, должны строиться на частноправовых началах»²⁶.

²¹ Елюбаев Ж.С. Теоретические и методологические проблемы правового регулирования недропользования, отечественный опыт и зарубежная практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 36.

²² Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права. С. 10–14; Вершинин А.П. Энергетическое право: учеб.-практ. курс. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2007. С. 19.

²³ Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права. С. 10–14

²⁴ Колдаев С.В. Договорный порядок пользования недрами как альтернатива разрешительному порядку // Современное право. 2005. № 1. С. 2.

²⁵ Бобин П.Н. Гражданско-правовой режим природных объектов. С. 9–10; Он же. Проблемы гражданско-правового регулирования недропользования. С. 63.

²⁶ Дроздов И.А. Указ. соч. С. 31.

Точку зрения вышеназванных авторов поддерживает Д.В. Хаустов: «такой договор при должном правовом обеспечении мог бы полностью заменить лицензирование в этой сфере»²⁷. В этой же работе он утверждает: «договор является самостоятельным инструментом для того, чтобы выполнять стоящие перед ним задачи без применения разрешительного документа (лицензии)»²⁸.

А.А. Попов в своем исследовании также обосновывает «целесообразность гражданско-правового регулирования отношений, связанных с реализацией имущественных права на участки недр», с соответствующими дополнениями в ГК РФ²⁹. При этом он предлагает: «к имущественным правам на участки недр должен с течением времени сформироваться подход, аналогичный правам на земельные участки»³⁰. Он также «делает вывод о том, что правоотношения, связанные с реализацией имущественных прав на участки недр, должны регулироваться гражданским законодательством»³¹.

Такой же точки зрения придерживаются А.И. Яковлев и Н.И. Толстых³².

В приведенных примерах указывается на перспективные направления развития законодательства в части полного перехода на гражданско-правовое регулирование горных отношений. Целесообразно возразить против такой позиции из-за того, что нормы ГК РФ не могут учесть особенностей регулирования подобных отношений. Кроме того, по справедливому мнению И.О. Красновой, учитывая опыт США, в России не следует вводить свободу имущественной оборотоспособности природных объектов в процессе рыночных реформ, так как это приведет к расхищению природных ресурсов и деградации природной среды³³. Следует также поддержать мнение Б.Д. Клюкина по поводу того, что «переход к системе отношений частной собственности на недра может привести к непредсказуемым последствиям»³⁴.

Дискуссионным является утверждение О.М. Теплова по поводу выявления «возможностей применения гражданско-правового регулирования и институтов гражданского права к правоотношениям в области недропользования, в том числе к отношениям и связи с предостав-

лением недр в пользование», а также определения «правовых форм, опосредующих гражданско-правовые отношения с недропользователем в части нормативных и договорных условий недропользования». Кроме того, «в нормах законодательства о недрах следует закрепить правовое значение лицензионного соглашения в качестве гражданско-правового договора»³⁵. Однако при этом «право пользования недрами должно по-прежнему основываться на <...> разрешительной системе предоставления прав недропользования, в связи с чем институт лицензирования должен быть сохранен»³⁶. В другой работе О.М. Теплов предлагает распространить действия ст. 420-422 и 447-449 ГК РФ на лицензионное соглашение³⁷. Не совсем понятно, с одной стороны, автор предлагает регулировать горные отношения нормами гражданского права, при котором основанием возникновения отношений является гражданско-правовой договор. С другой — сохранение разрешительной лицензионной системы предоставления прав недропользования. Действительно, на основании норм п. 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Более того, распространение норм ст. 420 ГК РФ на отношения, возникающие при предоставлении права пользования недрами, полностью исключает применение разрешительной системы предоставления прав недропользования. Это обусловлено тем, что в случае применения ст. 420 основанием возникновения права пользования участками недр станет гражданско-правовой договор.

В одной из своих работ О.М. Теплов определяет, что отношения недропользования включают отношения по предоставлению участков недр в пользование (они регулируются в рамках административно-правового регулирования), а также отношения по эксплуатации недр, которые являются обязательственными и имущественными отношениями недропользования и, несомненно, должны регулироваться нормами гражданского права³⁸.

В более поздних работах О.М. Теплов предлагает развитие законодательства о недрах осу-

²⁷ Хаустов Д.В. Указ. соч. С. 331.

²⁸ Там же. С. 353.

²⁹ Попов А.А. Указ. соч. С. 7, 20.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ Там же. С. 16.

³² См.: Яковлев А.И., Толстых Н.И. О концепции формирования горного законодательства (на примере законодательства о недрах) // Нефть газ и право. 1997. № 2 (14). С. 7.

³³ См.: Краснова И.О. Экологическое право США: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

³⁴ Клюкин Б.Д. Формирование российского горного законодательства на основе законодательства о недрах // Законодательство и экономика. 1995. № 17–18. С. 6.

³⁵ Теплов О.М. Институт лицензирования пользования недрами в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 9, 12.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ См.: Теплов О.М. Совершенствование лицензирования пользования недрами // Законодательство и экономика. 1995. № 17–18. С. 67.

³⁸ См.: Он же. Лицензирование пользования недрами // Новый Гражданский кодекс России и отраслевое законодательство. Труды ВНИИСЗ. 1995. № 59. С. 121.

ществлять «преимущественно на основе норм публичного права с поэтапным внедрением ограниченного применения гражданско-правовых договоров <...> в условиях отдельных видов пользования недрами»³⁹.

Поддерживая мнение В.Е. Елисеева, следует отметить, что «основной смысл критики гражданско-правового подхода сводится к двум моментам: во-первых, в российских законах до сих пор отсутствует правовое закрепление такой важнейшей экономической категории, как “государственный сектор экономики”, а соответственно, не создан “вменяемый” механизм правового регулирования соответствующих отношений, который никак не может быть вписан в цивилистику, поскольку экономико-психологические основы, формирующие экономические отношения <...> в государственном и частном секторе экономики несовместимы, равно как и несовместимы соответствующие (административный (дозволи-тельный) и рыночный (общеразрешительный) правовые режимы, имеющие при одновременном использовании взаимоподавляющий характер их основ (“общий запрет”, формирующий административный правовой режим, и “общее разрешение”, формирующее рыночный правовой режим — подавляют друг друга и могут быть согласованы по особым межотраслевым закономерностям); во-вторых, полностью игнорируется такая важная часть экономических отношений, как директивный рынок»⁴⁰.

2. Публично-правовая концепция горного права «является антиподом цивилистической доктрины»⁴¹. Эта концепция заложена в основе современного законодательства РФ о недрах. Исследователей в области юриспруденции, ратующих за развитие такой концепции в законодательстве РФ о недрах, не отмечено. Однако все перечисленные выше авторы приведенных научных работ, а также многие ученые из иных областей науки, не только в области права, справедливо и обоснованно критикуют такую концепцию.

Целесообразно процитировать некоторых из них. Например, Г.Е. Быстров в одной из научных работ отмечает: «практика применения системы государственного лицензирования пользования недрами не обеспечивала баланса государствен-

ных и корпоративных интересов <...> на практике эффективно работает лишь 15 % лицензий»⁴².

Следует указать на справедливость мнения М.М. Бринчук и О.Л. Дубовик, что в случае если административные методы будут пре-валировать, то это будет «сковывать инициативу, мешать заинтересованности, снижать ответственность»⁴³.

В подтверждение предыдущих высказываний, по данным С.А. Сосны, лицензионная система не смогла решить задачу по привлечению инвесторов с их капиталами и высокими технологиями. Выданные 15 тыс. лицензий на разведанные запасы полезных ископаемых не принесли должной отдачи: у недропользователей нет средств на освоение этих месторождений⁴⁴.

Следует поддержать конструктивную критику современной лицензионной системы, которая не способствует защите публичного интереса.

3. Концепция самостоятельности горного права. Эту концепцию разделяют Б.Д. Клюкин⁴⁵, Р.Н. Салиева (Миргазизова)⁴⁶, Е.В. Новикова⁴⁷, Г.Е. Быстров⁴⁸, С.В. Колдаев⁴⁹, Д.В. Хаустов⁵⁰ и другие специалисты в области горного права.

Целесообразно обратить внимание на справедливое мнение С.А. Боголюбова по поводу того, что «самостоятельность любой отрасли права определяется наличием двух признаков:

- отдельного от иных отраслей права предмета — качественно однородного вида общественных отношений, регулируемых данной отраслью;
- метода правового регулирования — набора юридического инструментария, посред-

⁴² Быстров Г.Е. Указ. соч. С. 11–12.

⁴³ Экологическое право и рынок: сб. ст. / ред. М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 48.

⁴⁴ См.: Сосна С.А. Концессионное соглашение: теория и практика. М.: Нестор Академик Паблишерз, 2002. С. 18.

⁴⁵ См.: Клюкин Б.Д. Формирование нового горного права России. С. 54–63; Он же. Законодательная база горного права РФ и пути ее совершенствования // Энергетическое право. 2005. № 1. С. 9.

⁴⁶ См.: Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Новосибирск: Наука, 2001. С. 185; Она же. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2003.

⁴⁷ См.: Новикова Е.В. О проблемах реформирования законодательства о недрах // Нефть, Газ и Право. 2005. № 4. С. 11–17; Она же. О проблемах реформирования законодательства о недрах // Государство и право. 2007. № 4. С. 19.

⁴⁸ См.: Быстров Г.Е. О разрешительном (административно-правовом) и договорном (гражданско-правовом) регулировании недропользования в России // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА: Труды. Т. 1. М.: Изд-во МГЮА, 2006. С. 473–481; Он же. Правовое регулирование горных отношений в России... С. 17.

⁴⁹ См.: Колдаев С.В. Договорные формы недропользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁵⁰ См.: Хаустов Д.В. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

³⁹ Теплов О.М. Введение // Теплов О.М., Клюкин Б.Д., Толстых Н.И., Веремеева М.В. Регулирование отношений недропользования на территории РФ: науч.-практ. пособие. М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, 2002. С. 21.

⁴⁰ Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права. С. 10–14. В той же работе ссылки на статьи: Елисеев В.С. Формирование рынков в РФ: теоретический аспект // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 25–28; Он же. Принцип «технологического единства электроэнергетики» и влияние на него процессов реформирования // Право и государство: теория и практика. 2012. № 10. С. 113–117.

⁴¹ Он же. К вопросу о месте энергетического права в системе отраслей права и его предметной аналогии с аграрным правом // Аграрное и земельное право. 2012. № 11. С. 4–8.

ством которого государство оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений»⁵¹.

Б.Д. Клюкин правильно отметил, что «горное законодательство формируется как комплексная отрасль права, включающая природоохранные, гражданско-правовые, кредитно-финансовые и другие, тесно связанные с недропользованием, отношения. Основным предметом регулирования отрасли является недропользование»⁵². В другой работе Б.Д. Клюкин указал, что «наряду с развитием форм административно-правового регулирования горных отношений важное место должно занять и расширяющееся гражданско-правовое регулирование, предусматривающее развитие договорных условий в этой сфере»⁵³. При этом он предлагает «помимо концессий в сфере добычи углеводородов важное место должны занять подрядные соглашения о разделе продукции»⁵⁴.

Р.Н. Салиева, рассуждая по поводу договоров, связанных с недропользованием, предполагает развить договорную систему в рамках нефтегазового законодательства: «такие публичные договоры могли бы получить развитие в специальном нефтегазовом законодательстве, предопределяющем во многих случаях публично-правовые основы хозяйственных договоров, в силу специфики регулируемых отношений, связанной с государственной собственностью на недра»⁵⁵. Той же позиции она придерживается и в своем диссертационном исследовании⁵⁶.

Е.В. Новикова в одной из своих работ указывает, что «в силу специфики горных отношений договор на недропользование должен предусматривать оптимальное соотношение специальных и гражданско-правовых элементов в их регулировании». При этом «в отличие от гражданско-правового договора такой договор недропользования было бы правильным называть горной концессией», которая, совершенно справедливо, должна регулироваться нормами «горного законодательства»⁵⁷. Аналогичного мнения в диссертационном исследовании придерживается С.В. Колдаев⁵⁸.

Следует также отметить справедливость мнения Г.Е. Быстрова: «проблема соотношения договорных и разрешительных форм отношений государства и пользователя недр должна быть решена

не в рамках частного права, а в рамках горного и энергетического права»⁵⁹. В другой своей работе Г.Е. Быстров также отметил, что «договор пользования участком недр не может быть обычным гражданско-правовым договором с характерным для него равенством сторон»⁶⁰. В этой же работе он предлагает установить случаи перехода «на партнерские гражданско-правовые отношения»⁶¹.

Аналогична позиция Д.В. Хаустова, указывающего в своей диссертационной работе на «приоритет норм природоресурсного законодательства перед гражданско-правовыми нормами»⁶².

Заканчивая перечисление идей о самостоятельности горного права известных ученых в данной области, следует обратить внимание на наличие соответствующих предложений в доперестроечный период развития горного законодательства: «недостаточно определить горноотводный акт только как разрешение на разработку определенного месторождения полезных ископаемых. Горноотводный акт в какой-то мере является еще и соглашением двух сторон: органа Госгортехнадзора и горного предприятия. Эти обе стороны значения горноотводного акта необходимо отразить в новом горном законодательстве»⁶³.

Следует поддержать концепцию самостоятельности горного права. Однако развитие горного права должно идти не по пути имплементации норм иных отраслей права, а по пути развития собственных норм права, регулирующих горные отношения и учитывающих их особенности. В частности, целесообразно использовать договорные формы не из гражданского права, а разрабатывать самостоятельные договорные конструкции. В связи с этим необходимо формировать новую концепцию горного права. Целесообразно привести одну из цитат по аналогии с развитием основных идей ГК РФ: «суть этой концепции заключается в том, что государство в процесс эволюции осознает необходимость отказаться от жесткого нормирования отношений частных лиц путем обязательных предписаний и предоставить им возможность в определенных рамках самим свободно регулировать свои взаимоотношения»⁶⁴.

⁵¹ Экологическое право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М.: Юрайт, 2011. С. 17.

⁵² Клюкин Б.Д. Формирование нового горного права России. С. 54–63.

⁵³ Он же. Законодательная база горного права РФ... С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 10.

⁵⁵ Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства... С. 185.

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ Новикова Е.В. О проблемах реформирования законодательства о недрах. 2005. С. 11–17; Она же. О проблемах реформирования законодательства о недрах. 2007. С. 19.

⁵⁸ См.: Колдаев С.В. Договорные формы недропользования...

⁵⁹ Быстров Г.Е. Правовое регулирование горных отношений в России... С. 17.

⁶⁰ Он же. О разрешительном (административно-правовом) и договорном (гражданско-правовом) регулировании недропользования в России.

⁶¹ Там же. С. 22.

⁶² Хаустов Д.В. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования. С. 9.

⁶³ Научные основы кодификации горного законодательства: материалы конф // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 135–137.

⁶⁴ Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: сб. ст., посвященный 70-летию С.А. Хохлова / под ред. С.С. Алексеева. М.: Статут, 2011. С. 111.

В настоящее время, следуя утверждению Б.Д. Клюкина о том, что «горное законодательство формируется как комплексная отрасль права, включающая природоохранные, гражданско-правовые, кредитно-финансовые и другие, тесно связанные с недропользованием, отношения»⁶⁵, необходимо добавить, что основным звеном в горном праве, естественно, является конституционное право, основным источником которого является Конституция РФ.

Целесообразно обратить внимание на обоснованность утверждения таких ученых, как Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь, Г.А. Гаджиев, Г.А. Жилин, В.Д. Зорькин, С.М. Казанцев, М.И. Клеандров, Л.О. Красавчикова, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, С.П. Маврин, Н.В. Мельников, Т.Г. Морщакова, В.Г. Стрекозов, Т.Я. Хабриева, О.С. Хохрякова, В.Е. Чиркин, С.М. Шахрай, Б.С. Эбзеев и др., по поводу того, что «Конституция является выражением принципов верховенства (господства) права (the rule of law) и правового государства (Rechtstaat)»⁶⁶.

В ряде норм Конституции РФ 1993 г. закреплены основы правового регулирования отношений недропользования. В одной из работ С.А. Боголюбова справедливо отмечено, что «использование полезных ископаемых должно отвечать требованиям ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, согласно которой они, как и другие природные ресурсы, используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ по поводу конституции Республики Алтай под этими народами подразумеваются все народы, проживающие в пределах государственной границы РФ»⁶⁷. В той же статье Конституции РФ указано, что «природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

В ст. 36 Конституции содержится норма о свободном осуществлении владения, пользования и распоряжения природными ресурсами их собственниками, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

С вопросами пользования недрами тесно связана ст. 42 Конституции о праве каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, а также ст. 58 Конституции РФ об обязанностях каждого

сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.

Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами отнесены в соответствии с п. «в» ст. 72 Конституции к предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Однако в ст. 71 Конституции указано, что к предметам исключительного ведения РФ относятся вопросы определения статуса и защита территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа РФ. Таким образом, в случае если участок недр находится на континентальном шельфе РФ, то вопросы предоставления права пользования этим участком недр, порядок пользования им относятся к исключительному ведению РФ.

Статьей 110 Конституции РФ определено, что исполнительная власть РФ осуществляется Правительством РФ, а также соответствующими органами исполнительной власти. Данное обстоятельство указывает на тесное взаимодействие горного права с административным правом, регулирующим отношения, связанные с организацией и исполнительно-распорядительной деятельностью органов власти в процессе государственного управления. Действительно, в горном праве применяются нормы административного права в процессе:

- установления структуры, задач, функций и полномочий органов исполнительной власти при реализации процедур управления в процессе регулирования отношений недропользования;
- установления ответственности за нарушение законодательства РФ о недрах;
- разработки, утверждения и реализации государственных программ геологического изучения недр, воспроизводства минерально-сырьевой базы и рационального использования, также охраны недр;
- определения участков недр федерального значения;
- формирования федерального фонда резервных участков недр;
- утверждения перечней участков недр местного значения;
- реализации общей федеральной политики недропользования в РФ;
- обеспечения государственной системы лицензирования при предоставлении участков недр в пользование;
- осуществления контрольно-надзорных мероприятий за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр, а также за ведением работ, связанных с использованием недрами;
- соблюдения антимонопольных требований.

Административное право соответствует современной публично-правовой концепции горного права, базирующейся на властном императиве регулирования горных отношений.

⁶⁵ Клюкин Б.Д. Формирование нового горного права России. С. 54.

⁶⁶ Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма: Инфра-М, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷ Боголюбов С.А. Экономико-правовые проблемы охраны окружающей среды // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 79–81.

КоАП РФ устанавливает виды и механизм ответственности за совершение административных правонарушений. Субъектами ответственности по этому кодексу являются физические и юридические лица.

В ряде статей КоАП РФ определяются виды правонарушений в сфере недропользования и устанавливается административная ответственность за их совершение.

Так, в КоАП РФ содержатся нормы, определяющие ответственность за пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (лицензией) (ст. 7.3), за самовольную застройку площадей залегания полезных ископаемых (ст. 7.4), за самовольную добычу янтаря (ст. 7.5), за самовольную переуступку права пользования недрами (ст. 7.10), за нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов (ст. 8.9), за нарушение требований по рациональному использованию недр (ст. 8.10), нарушение правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр (ст. 8.11).

Статьей 23.22 КоАП РФ определяются государственные органы, в чью компетенцию входит рассмотрение дел об административных нарушениях в сфере недропользования, и устанавливается закрытый перечень должностных лиц, в компетенции которых находится рассмотрение таких дел.

Далее, развивая тему ответственности, следует отметить нормы уголовного права, которые содержатся в УК РФ. В ряде статей Особенной части УК РФ определяются виды преступлений в сфере недропользования и устанавливается уголовная ответственность за их совершение.

Так, ст. 92 устанавливаются санкции за уклонение от обязательной сдачи на аффинаж или обязательной продажи государству добытых из недр, полученных из вторичного сырья, а также поднятых и найденных драгоценных металлов или драгоценных камней, если это деяние совершено в крупном размере.

В ст. 255 определяется наказание за нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, а также за самовольную застройку площадей залегания полезных ископаемых, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба. Целесообразно обратить внимание на отсутствие критерия значительности. В связи с этим возникают проблемы с квалификацией такого правонарушения и применением норм указанной статьи УК РФ и ст. 7.4 и 8.9 КоАП РФ.

Выше было упомянуто цивилистическая концепция горного права, большинство упомянутых

выше сторонников которой обосновывают свои выводы тем, что нормами п. 1 ст. 130 ГК РФ участки недр относятся к недвижимым вещам. При этом гражданское законодательство не устанавливает, что участки недр имеют особый режим оборота, регулируемый законодательством о недрах, то есть не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Тем не менее п. 3 ст. 129 определено, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

Продолжая анализировать цивилистическую теорию в связи с нормами ГК РФ, целесообразно обратить внимание на то, что в п. 2 ст. 3 этого кодекса закреплено положение, в соответствии с которым нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, вне зависимости от отрасли права или законодательства, должны соответствовать положениям ГК РФ. Тем самым исключается возможность трансформации применительно к специфике предмета и метода других отраслей права имущественных отношений, основанных на равенстве сторон.

По сути, эта норма представляет собой попытку законодателя поставить легальный заслон на пути специализации не в гражданско-правовую сторону целого ряда комплексных, пограничных отраслей, прежде всего регламентирующих отношения в сфере природопользования. В этой связи следует отметить справедливость мнения С.А. Боголюбова, согласно которому «головным актом, регулирующим имущественные и связанные с ними некоторые неимущественные отношения, является ГК РФ»⁶⁸.

На основании п. 1 ст. 49 ГК РФ отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законом, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии).

В соответствии с п. 9 ст. 10¹ Закона РФ «О недрах», одним из оснований возникновения права пользования участками недр является государственный контракт на выполнение работ по геологическому изучению недр (в том числе региональному), заключенный федеральным органом управления государственным фондом недр в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

В ст. 17¹ Закона РФ «О недрах» установлен перечень случаев перехода права пользования недрами, которые включают в себя реоргани-

⁶⁸ Боголюбов С.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 24.

зацию, банкротство, а также случаи смены названия юридических лиц, корреспондирующих с нормами ГК РФ.

В п. 3 ст. 261 ГК РФ указывается, что собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах и не нарушает прав других лиц. Следовательно, при регулировании этого спектра отношений устанавливается приоритет законодательства о недрах.

Упомянутые в п. 3 ст. 261 земельные отношения регулируются нормами земельного права. Нормативным правовым актом, регулирующим такие отношения, является ЗК РФ. В ст. 3 ЗК РФ определяется, что к отношениям по использованию и охране недр применяется законодательство о недрах.

Учитывая, что вопросы землепользования и недропользования весьма тесным образом взаимосвязаны, в ЗК РФ содержится ряд норм, затрагивающих отношения недропользования. При этом, по справедливому мнению С.А. Боголюбова, Д.С. Бондаренко, Е.А. Галиновской, Ю.Г. Жарикова, А.В. Мазурова, Е.Л. Мининой, Е.А. Носкова, В.Э. Чуркина и других авторов, «отраслевое законодательство корреспондирует и содержит нормы земельного права, регулирует общественные отношения с учетом специфики, свойственной каждой правовой отрасли»⁶⁹.

Так, в ЗК РФ закреплена традиционна сложившийся и проверенный практикой двухэтапный порядок предоставления отвода соответствующего земельного участка для целей недропользования органом управления земельными ресурсами либо собственником земли.

В частности, в ст. 88 ЗК РФ устанавливается перечень документов, представление которых необходимо при получении предприятиями горнодобывающей и нефтегазовой промышленности земельных участков для разработки полезных ископаемых. К таким документам относятся: предварительный горный отвод, проект рекультивации и восстановления ранее обработанных земель, утвержденный в установленном порядке.

Двухэтапный порядок предоставления отвода соответствующего земельного участка для целей недропользования обусловлен тем, что, во-первых, необходимость, закрепленного также в законодательстве РФ о недрах предварительного согласия органа управления земельными ресурсами либо собственника земли на отвод соответствующего земельного участка для недропользования связана со значительными затратами на подготовку и реализацию проекта горнодобывающих и иных работ, необходимых при пользовании недрами.

Очевидно, что при получении права пользования участком недр субъект предпринимательской деятельности должен иметь определенные гарантии, доказательством которых является указанное в норме ст. 112 ЗК РФ предварительное согласие землепользователей, землевладельцев, арендаторов, залогодержателей земельных участков, а также уполномоченных органов на отвод соответствующего участка для целей недропользования.

Во-вторых, месторождение полезных ископаемых является собой совокупность геологической информации, которая носит вероятностный характер. Эта информация пополняется в процессе изучения и разработки участка недр. С целью минимизации ущерба окружающей среде необходимо проведение проектно-изыскательских работ для окончательного принятия решения об уточнении мест размещения горных выработок или горных предприятий. Следовательно, необходимо предварительное согласие на отвод земельного участка для уточнения мест заложения объектов обустройства месторождения.

В-третьих, данные о предварительном согласии уполномоченных органов либо собственников, землепользователей, землевладельцев, арендаторов, залогодержателей земельных участков на отвод соответствующего земельного участка имеет особое значение, которое обусловлено тем, что эти данные позволят определить пользователей и собственников участков земли на граничащих территориях. Особенно это актуально при выделении зон охраны от вредного влияния выработок, территорий, относящихся к особо охраняемым объектам и т.д.

Целесообразно отметить, что норма ч. 6 ст. 11 Закона РФ «О недрах», регулирующей отношения, возникающие при предоставлении земельного участка для проведения работ, связанных с геологическим изучением и иным использованием недр, является отсылочной. Кроме того, данные о предварительном согласии указанных субъектов отношений на отвод соответствующего земельного участка носят не только информационный характер, но и имеют правовое значение. Отмеченное выше корреспондирует п. 4 ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О недрах», согласно которому лицензия и ее неотъемлемые составные части должны содержать указание границ земельного отвода или акватории, выделенных для ведения работ, связанных с пользованием недрами.

Используя земельный участок для целей недропользования, субъекты предпринимательской деятельности, реализуя свои правомочия, воздействуют на участки недр, вносят необратимые изменения в окружающую среду. Отраслью, регулирующей отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельно-

⁶⁹ Комментарий к Земельному кодексу РФ / под ред. С.А. Боголюбова. СПб.: Питер Пресс, 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

сти, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, является экологическое право. Одним из законодательных актов, регулирующих указанные отношения, является Федеральный закон от 10.02.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Этот Федеральный закон устанавливает «правовые основы государственной политики»⁷⁰, «обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач»⁷¹ в сфере охраны окружающей среды. Как справедливо отметили С.А. Боголюбов и Н.И. Хлуденева: «Названный закон стал головным, базовым в системе российского экологического законодательства, потребовал приведения в соответствие с ним иных законов и прочих нормативных правовых актов РФ и субъектов РФ»⁷².

В соответствии со ст. 4 Закона недр являются объектом охраны от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности.

Статьей 46 Закона установлены специальные требования к размещению, проектированию, строительству, реконструкции, вводу в эксплуатацию и эксплуатации объектов нефтегазодобывающих производств, в том числе расположенных в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа РФ.

В этой же статье указывается, что строительство и эксплуатация данных объектов разрешается только при наличии проектов восстановления загрязненных земель в зонах временного и (или) постоянного отвода земель, положительных заключений государственной экспертизы таких проектов.

В целях охраны недр от загрязнения и истощения ст. 51 Закона вводит запрет на сброс отходов производства и потребления, в том числе радиоактивных отходов, в недра.

Кроме того, ст. 14 Закона устанавливается платность за загрязнение недр как механизм экономического стимулирования и минимизации негативного воздействия на них.

В соответствии со ст. 58 Федерального закона «Об охране окружающей среды», одной из мер по охране окружающей среды является установление особого правового режима, в том числе посредством создания особо охраняемых природных территорий, для природных объектов, имеющих особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, что

⁷⁰ Экологическое право: учебник. С. 61.

⁷¹ Комментарий к Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / отв. ред. О.Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Боголюбов С.А., Хлуденева Н.И. Комментарий к Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». М.: Юстицинформ, 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

корреспондирует со ст. 6 Закона РФ «О недрах», в которой предусматривается предоставление недр в пользование для образования особо охраняемых геологических объектов, имеющих научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение.

Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» призван детализировать регулирование отношений в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения.

В соответствии с преамбулой Закона, к особо охраняемым природным территориям относятся, в том числе, участки недр, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые решениями органов государственной власти полностью или частично изъяты из использования и для которых установлен режим особой охраны. Или, иными словами: «в преамбуле помимо этого указаны статус особо охраняемых природных территорий как объектов наиболее высокого уровня ценности и, соответственно, правовой (и физической) защиты»⁷³.

Статьей 2 Закона определяются категории и виды особо охраняемых природных территорий. Нормы, заложенные в этой статье, получают дальнейшее развитие в Законе. Так, ст. 6 определяется, что на территории государственных природных заповедников полностью изымаются из хозяйственного использования особо охраняемые природные комплексы и объекты, в том числе участки недр.

В ст. 12 Закона устанавливается, что участки недр, находящиеся на территории национальных парков, предоставляются в пользование на правах, предусмотренных федеральными законами.

Нередко наиболее богатые регионы в части залежей полезных ископаемых расположены в зонах традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также коренных малочисленных народов РФ. Возникающие при освоении таких территорий для целей недропользования отношения регулируются федеральными законами от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» и от 30.04.1999

⁷³ Дубовик О.Л., Бринчук М.М. Комментарий к Федеральному закону от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» / под ред. О.Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс».

№ 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ».

Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» устанавливает правовые основы образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ для ведения ими на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни.

В Законе определяются основные понятия и термины, цели Закона, виды территорий традиционного природопользования, порядок их образования, правовой режим территорий традиционного природопользования, порядок охраны окружающей среды и объектов историко-культурного наследия в пределах границ территорий традиционного природопользования.

Применительно к вопросам недропользования, в ст. 14 Федерального закона определяется, что лица, относящиеся к малочисленным народам, и общины малочисленных народов вправе безвозмездно пользоваться общераспространенными полезными ископаемыми, находящимися на территориях традиционного природопользования, для личных нужд.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов.

В Законе определяются основные понятия, сфера действия, компетенция РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов, права малочисленных народов и др.

Применительно к вопросам недропользования, в ст. 8–9 Закона устанавливается, что коренные малочисленные народы имеют право безвозмездно владеть и пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования, и общераспространенными полезными ископаемыми в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ.

Кроме того, нормами указанных выше статей регламентируется, что коренные малочисленные народы имеют право на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами.

Обустройство участков недр для эксплуатации месторождения полезных ископаемых, а также для целей, не связанных с их добычей, предполагает создание соответствующей единой инфраструктуры, требующей проведения мероприятий в процессе строительства. Особенно это актуально в связи с развитием градообразующих комплексов. Возникающие при этом правоотношения регулируются нормами ГрК РФ. Этот кодекс регулирует отношения в области создания системы расселения, градостроительного планирования, застройки, благоустройства городских и сельских поселений, развития их инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, рационального природопользования, сохранения объектов историко-культурного наследия и охраны окружающей среды в целях обеспечения благоприятных условий проживания населения. «Комплексный характер законодательства о градостроительстве обуславливается включением в него норм» иных отраслей законодательства «причудливо переплетающихся и взаимодействующих между собой при регулировании градостроительных отношений»⁷⁴.

Кодекс в ряде статей устанавливает специфику правового регулирования отношений недропользования в процессе градостроительства.

В ст. 38 ГрК РФ указывается, что подземное пространство в пределах установленных границ (черты) городских и сельских поселений находится в ведении органов местного самоуправления, за исключением части подземного пространства, предоставленной в установленном порядке в пользование иным лицам для геологического изучения недр, добычи полезных ископаемых и иных целей в соответствии с законодательством РФ о недрах.

В ГрК РФ устанавливается механизм обеспечения безопасности территорий поселений и их защиты от воздействия чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при градостроительной деятельности. Указывается, что эта деятельность должна осуществляться, в том числе, при соблюдении требований нормативно-правовых и иных актов федеральных органов по охране недр (п. 2 ст. 9).

В ГрК РФ определяются обязательные требования по включению в градостроительную документацию разделов об охране недр (п. 2 ст. 10). Кроме того, устанавливается механизм утверждения градостроительной документации, где указывается, что заключение органа государственной экспертизы градостроительной и проектной документации должно быть основано на заключениях, в том числе, органа управления государственным фондом недр, государственного горного надзора, органов охраны недр (п. 4 ст. 29).

В процессе обустройства и дальнейшей экс-

⁷⁴ Комментарий к Градостроительному кодексу РФ / под ред. С.А. Боголюбова // СПС «КонсультантПлюс».

плуатации объекта недропользования возникают правоотношения в связи с безопасностью подобных объектов. Такие правоотношения регулируются нормами Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Этот Закон определяет правовые, экономические и социальные основы обеспечения безопасной эксплуатации опасных производственных объектов и направлен на предупреждение аварий на опасных производственных объектах и обеспечение готовности организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, к локализации и ликвидации последствий указанных аварий.

В рассматриваемом Законе устанавливается перечень опасных производственных объектов. К ним относятся объекты, на которых получают, используются, хранятся, транспортируются, уничтожаются такие опасные вещества, как газы, которые при нормальном давлении и в смеси с воздухом становятся воспламеняющимися, горючие вещества — жидкости, газы, пыли, способные самовозгораться, а также возгораться от источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления и др.

В ст. 6 Закона устанавливается, что отдельные виды деятельности в области промышленной безопасности подлежат лицензированию в соответствии с законодательством РФ. Обязательным условием для принятия решения о выдаче лицензии является представление соискателем лицензии в лицензирующий орган акта приемки опасного производственного объекта в эксплуатацию или положительного заключения экспертизы промышленной безопасности.

Кроме того, в ст. 8 регламентируется, что одним из обязательных условий принятия решения о начале строительства, расширения, реконструкции, технического перевооружения, консервации и ликвидации опасного производственного объекта является наличие положительного заключения экспертизы промышленной безопасности проектной документации, утвержденного федеральным органом исполнительной власти, специально уполномоченным в области промышленной безопасности, или его территориальным органом. Отклонения от проектной документации в процессе строительства, расширения, реконструкции, технического перевооружения, консервации и ликвидации опасного производственного объекта не допускаются.

В свою очередь, экологическая экспертиза осуществляется в соответствии с нормами Федерального закона от 21.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Этот Федеральный закон регулирует отношения в области экологической экспертизы, направлен на реализацию конституционного права граждан РФ на благоприятную окружающую среду посредством предупреждения негативного воздействия хо-

зяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Следует отметить справедливость определения, предлагаемого М.М. Бринчуком и О.Л. Дубовик: «экологическая экспертиза — традиционная мера охраны окружающей среды и обеспечения рационального использования природных ресурсов в нашей стране»⁷⁵.

В части регулирования вопросов пользования недрами в Федеральном законе имеются ст. 11 и 12 об обязательности проведения государственной экологической экспертизы федерального уровня и уровня субъектов РФ. В этих статьях регламентируется порядок предоставления документов на экологическую экспертизу, устанавливаются объекты экологической экспертизы федерального и регионального уровней.

Горные отношения затрагивают также нормы иных нормативных правовых актов.

Выводы

1. В связи с изложенным, а также на основании анализа концепции самостоятельности горного права следует признать ее приемлемой по следующим причинам:

- во-первых, применяемые нормы имеются в иных отраслях права;
- во-вторых, необходимо их соответствующее координированное согласование;
- в-третьих, содержит собственные нормы права, которые не могут применяться в процессе регулирования иных, кроме горных, отношений;
- в-четвертых, взаимодействует с иными отраслями права;
- в-пятых, имеет свою область правового регулирования горных отношений;
- в-шестых, обладает специфическими особенностями правового регулирования.

2. В процессе регулирования применяются сочетающиеся между собой частноправовые и публично-правовые методы различных отраслей права. При этом в эту комплексную подотрасль интегрированы нормы различной отраслевой принадлежности. К горным отношениям применяются нормы земельного, лесного, водного, экологического, гражданского права и иного права РФ. Однако развитие горного права должно идти не по пути имплементации норм иных отраслей права, а по пути развития своих норм права, регулирующих горные отношения и учитывающие их особенности. Например, для недропользования целесообразно использовать не договорные формы из гражданского права, а разрабатывать самостоятельные договорные конструкции. В связи с этим необходимо формировать новую концепцию горного права.

⁷⁵ Комментарий к Федеральному закону от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» / под ред. М.М. Бринчука // СПС «КонсультантПлюс».

3. В рамках горного права первоочередное значение имеет определение понятия горного права. В связи с этим предлагается следующее уточненное определение: горное право — комплексная, интегрированная, самостоятельная подотрасль природоресурсного права, нормы которой регулируют отношения, возникающие в процессе рационального, комплексного, эффективного и безопасного использования и охраны недр, а также

отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств.

4. Горное право, во-первых, заимствует нормы различных отраслей, регулирующих отношения в области рационального, комплексного использования и охраны недр; во-вторых, согласовывает указанные нормы между собой; в-третьих, взаимодействует с иными отраслями права; в-четвертых, содержит собственные нормы права.

Библиография:

1. Бобин П.Н. Проблемы гражданско-правового регулирования недропользования // Закон. — 2007. — № 2. — С. 61–64.
2. Боголюбов С.А. Правовая защита российских природных ресурсов // Журнал российского права. — 2005. — № 12. — С. 96–102.
3. Боголюбов С.А. Современные проблемы Экологического кодекса // Экологическое право. — 2005. — № 6. — С. 6–10.
4. Боголюбов С.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 24–32.
5. Боголюбов С.А., Хлуденева Н.И. Комментарий к Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». — М.: Юстицинформ, 2009. — 528 с.
6. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для вузов. — М.: Юристъ, 2004. — 430 с.
7. Боголюбов С.А. Экономико-правовые проблемы охраны окружающей среды // Законодательство и экономика. — 2009. — № 7. — С. 79–81.
8. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. — М.: Юрайт, 2005. — 430 с.
9. Быстров Г.Е. Правовое регулирование горных отношений в России: история, современность и перспективы // Правовое регулирование горных отношений в Российской Федерации: история, современность и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — М.: б.и., 2004. — С. 10–11.
10. Вершинин А.П. Энергетическое право: учеб.-практ. курс. — СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2007. — 248 с.
11. Дроздов И.А. О развитии правового регулирования недропользования // Вестник ВАС РФ. — 2007. — № 8. — С. 30–44.
12. Дубовик О.Л. Введение в экологическое право. — М.: Проспект, 2003. — 584 с.
13. Дьяченко С. Нефтяные концессионные соглашения // Нефть, газ и право. — 1996. — № 5. — С. 44–52.
14. Елисеев В.С. К вопросу о месте энергетического права в системе отраслей права и его предметной аналогии с аграрным правом // Аграрное и земельное право. — 2012. — № 11. — С. 4–8.
15. Елисеев В.С. Принцип «технологического единства электроэнергетики» и влияние на него процессов реформирования // Право и государство: теория и практика. — 2012. — № 10. — С. 113–117.
16. Елисеев В.С. Природоресурсное право в системе отраслей права // Аграрное и земельное право. — 2013. — № 3. — С. 10–14.
17. Елисеев В.С. Формирование рынков в Российской Федерации: теоретический аспект // Предпринимательское право. — 2012. — № 2. — С. 25–28.
18. Ключкин Б.Д. Законодательная база горного права РФ и пути ее совершенствования // Энергетическое право. — 2005. — № 1. — С. 4–10.
19. Ключкин Б.Д. Формирование нового горного права России // Журнал российского права. — 2001. — № 3. — С. 54–63.
20. Колдаев С.В. Договорный порядок пользования недрами как альтернатива разрешительному порядку // Современное право. — 2005. — № 1. — С. 2–8.
21. Комментарий к Земельному кодексу РФ / под ред. С.А. Боголюбова. — СПб.: Питер Пресс, 2009. — 464 с.
22. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. — М.: Норма: Инфра-М, 2011. — 1008 с.

Материал поступил в редакцию 15 июля 2013 г.

MINING LAW WITHIN THE SYSTEM OF BRANCHES OF LAW

Dudikov, Mihail Vladimirovich — Doctoral Student of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University.
[dudikoffmv@gmail.com]
123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review. *In order to improve the legal regulation of the relations appearing due to the rational, complex and secure use and protection of the subsoil resources, it is necessary to form the relevant concept. If adopted, this concept shall further serve as the basis for the development and further improvement of the mining law. Clarification of the definition of the “mining law” was performed with due consideration of the renowned scientists, as well as the specific features of legal regulation of the relations concerning the*

process of rational legal regulation of the relations concerning the process of rational, complex, efficient and safe use and protection of subsoil resources, as well as the waste of mining and related processing enterprises. Definition of mining law is amended with a complex of terms, since their presence or absence in the legislation of the Russian Federation on subsoil resources influences the efficiency of legal regulation of mining relations. The author has analyzed the scientific works of authoritative scholars in the relevant branch of law, taking into consideration their opinions on the current concepts of mining law. The author substantiates the independence for mining law as a branch of law, providing arguments in favor of development of mining law via development of its own legal norms regulating mining law and taking into consideration their specificities, rather than just implementing norms of other branches of law.

Keywords: *mining law, legal relations, legislation, the Russian Federation, concept, mining legislation, subsoil territories, use of subsoil resources, civil concept, license.*

Bibliography:

1. Bobin, P.N. Problems of civil law regulation of use of subsoil resources // *Zakon*. — 2007. — № 2. — P. 61–64.
2. Bogoljubov, S.A. Legal protection of Russian natural resources // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2005. — № 12. — P. 96–102.
3. Bogoljubov, S.A. Modern problems in the Environmental Code // *Jekologicheskoe pravo*. — 2005. — № 6. — P. 6–10.
4. Bogoljubov, S.A. Correlation between public law and private law means in guarantee of environmental rights of people // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2005. — № 7. — P. 24–32.
5. Bogoljubov, S.A., Hludeneva, N.I. Commentary to the Federal Law of January 1, 2002 № 7-FZ “On Environmental Protection”. — M.: Justicinform, 2009. — 528 p.
6. Bogoljubov, S.A. Environmental law: manual for higher education institutions. — M.: Jurist, 2004. — 430 p.
7. Bogoljubov, S.A. Economic and legal problems in the sphere of environmental protection // *Zakonodatelstvo i jekonomika*. — 2009. — N. 7. — P. 79–81.
8. Brinchuk, M.M. Environmental law: the manual. — M.: Jurajt, 2005. — 430 p.
9. Bystrov, G.E. Legal regulation of mining relations in Russia: history, modernity and perspectives // *Legal regulation of mining relations in the Russian Federation: history, modernity and development perspectives: Materials of the all-Russian scientific and practical conference*. — M.: b.i., 2004. — P. 10–11.
10. Vershinin, A.P. Energy law: scientific and practical course. — SPb.: Izd. Dom SPbGU, 2007. — 248 p.
11. Drozdov, I.A. On development of legal regulation of use of subsoil resources // *Vestnik VAS RF*. — 2007. — № 8. — P. 30–44.
12. Dubovik, O.L. Introduction into the environmental law. — M.: Prospekt, 2003. — 584 p.
13. Dyachenko, S. Oil concession agreements // *Neft, gaz i pravo*. — 1996. — № 5. — P. 44–52.
14. Eliseev, V.S. On the issue of place of energy law within the system of branches of law, and its object-based analogy with the agricultural law // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. — 2012. — № 11. — P. 4–8.
15. Eliseev, V.S. The principle of “technological unity of electric energy industry” and influence that reforms have on it // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. — 2012. — № 10. — P. 113–117.
16. Eliseev, V.S. Natural resources law within the system of branches of law // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. — 2013. — № 3. — P. 10–14.
17. Eliseev, V.S. Market formation in the Russian Federation: theoretical aspect // *Entrepreneurial law*. — 2012. — № 2. — P. 25–28.
18. Kljukin, B.D. Legislative basis for the mining law in the Russian Federation and the ways for its improvement // *Jenergeticheskoe pravo*. — 2005. — № 1. — S. 4–10.
19. Kljukin, B.D. Formirovanie novogo gornogo prava Rossii // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2001. — № 3. — P. 54–63.
20. Koldaev, S.V. Contractual procedure for the use of subsoil resources as an alternative to the permission procedure // *Sovremennoe pravo*. — 2005. — № 1. — P. 2–8.
21. Commentary to the Land Code of the Russian Federation / Ed. by S.A. Bogoljubov. — SPb.: Piter Press, 2009. — 464 p.
22. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / Ed. by V.D. Zorkin. — M.: Norma: Infra-M, 2011. — 1008 p.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В теории отечественного уголовного права нет общей однозначной оценки необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц. В этом отношении можно даже говорить о некотором «расколе» доктринального об этом представления. Одни авторы выступают за введение такой ответственности, другие — против. Обычно возражение против такого уголовно-правового института сводится к тому, что, во-первых, он связан с системой «общего» права, а во-вторых, противоречит фундаментальному принципу уголовного права — уголовной ответственности лишь физических лиц. Однако анализ современного зарубежного уголовного законодательства свидетельствует о том, что такая ответственность предусматривается не только в уголовном законодательстве систем «общего» права, но и романо-германского, то есть европейского континентального (например, Франция, Голландия), социалистического (например, Китай), мусульманского (например, Албания, Сирия), стран СНГ (например, Казахстан). Что касается европейского континентального права, то фактически неохваченным в этой части в Европе осталось законодательство лишь России и Германии (хотя и там в теории уголовного права этот вопрос «всерьез» обсуждается). Вместе с тем в статье подчеркивается, что данная проблема еще с момента принятия УК РФ 1996 г. являлась вполне практической для процесса правотворчества в уголовно-правовой сфере: в обоих законопроектах УК, поступивших в Государственную Думу, были сформулированы нормы об уголовной ответственности юридических лиц. В Государственную Думу периодически поступают официальные законопроекты, в которых предусматривается такая ответственность. В статье подробно анализируется содержание таких законопроектов, с указанием на их плюсы и минусы. Особенное внимание уделяется при этом самой трудной, по мнению автора, проблеме «имплементации» такой доктринальной идеи в отечественное уголовное законодательство, как определению содержания вины в преступлениях, совершаемых юридическими лицами. Дело в том, что едва ли не во всех законопроектах в основу решения этого вопроса кладется так называемая психологическая теория вины. Однако очевидно, что она была создана для обоснования вины физических лиц. В связи с этим в статье обращается внимание на то, что в уголовном законодательстве тех стран, в которых предусматривается уголовная ответственность юридических лиц, содержание такой вины вообще «не прописывается» (например, Франция, США).

Ключевые слова: субъект преступления, физическое лицо, юридическое лицо, уголовная ответственность юридических лиц, Федеральный закон, законопроект, реформа уголовного законодательства.

В теории уголовного права предложения о возможности признания юридического лица субъектом преступления стали все-таки обсуждаться с 1991 г.¹ Положительно этот

возражений как противникам, так и сторонникам концепции уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право и современность: сб. науч. ст. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есаков. М., Проспект, 2014. С. 26–31; Он же. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 5-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 364–368; Он же. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. Ч. II. М., Юрлитинформ, 2014. С. 63–63б; Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право:

¹ См.: Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Он же. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3; Он же. Несколько

вопрос был решен и в обоих предварительных проектах уголовного кодекса, положенных в основу нового УК РФ. Однако при обсуждении и голосовании согласованного проекта в первом чтении в Государственной Думе данное предложение не прошло, и новый УК РФ в этом отношении остался на прежних позициях.

Обсуждение данной проблемы в юридической (в особенности уголовно-правовой) науке свидетельствует, что научное сообщество по вопросу о необходимости или, напротив, ненужности реализации такой концепции разделилось примерно на две равные части. Одни — за ее воплощение в закон, другие — категорически против этого. Напомним лишь, что проблема эта уже давно «стучится» в двери российского уголовного законодательства сугубо практически — в рамках правотворческого процесса. Во-первых, как уже отмечалось, такая ответственность была «прописана» в обоих официальных проектах нынешнего УК РФ, поступивших в середине 90-х гг. в Государственную Думу РФ, из «соединения» которых и получился действующий УК РФ². И нормы об уголовной ответственности юридических лиц «потерялись» лишь на последнем этапе принятия Кодекса. Во-вторых, уже в последнее время (в 2011 г.) в Государственной Думе официально обсуждался проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ в связи с совершенствованием противодействия преступлениям, совершаемым от имени и в интересах юридических лиц» (представленный депутатами Думы А.В. Скочем и О.В. Лебедевым). Примерно в то же время Следственный комитет РФ подготовил проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», в котором предлагалось дополнить разд. VI УК РФ гл. 15² «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», включающей 12 новых статей, регулирующих рассматриваемый институт. Наконец, уже в марте 2015 г. в Думу депутатом А.А. Ремезковым был внесен законопроект (№ 750443-6) Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц». В данной работе будет дана оценка этим законопроектам, однако, главное, на что хотелось бы обратить внимание, это то,

что обсуждаемый вопрос перестал быть сугубо теоретическим, а достаточно твердо «встал» на почву практического нормотворчества.

Противники концепции апеллируют к тому, что идея уголовной ответственности юридических лиц — это «детское» системы общего права (англо-саксонского) и является, якобы, чужеродным для европейского континентального права (романо-германского), в «семью» которого в постсоветское время вернулась и Россия. Действительно, исторически такая ответственность была установлена в американском уголовном праве. Вначале (в конце 80-х гг. XIX в.) это было сделано в сфере хозяйственного уголовного права в рамках антитрестовского законодательства (например, известные законы Шермана) в качестве мощного инструмента в борьбе с монополизмом как главным врагом рыночной экономики. Антитрестовские законы под страхом уголовной ответственности запрещали любое ограничение конкуренции в торговой или промышленной сфере. Они в связи с установлением громадных по размеру денежных штрафов делали экономически невыгодным для корпорации нарушение соответствующих запретов, и этот опыт был воспринят в других странах, относящихся к системе общего права.

Но это было лишь *начало*. В конце 70-х гг. уже XX в. этот институт стал принадлежностью и многих (если не большинства) стран, уголовное законодательство которых относится к романо-германскому или европейскому континентальному праву. Как уже отмечалось, в 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Также эти рекомендации содержатся и в решениях периодически проводимых Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В настоящее время эти рекомендации восприняли следующие страны европейского континентального права: Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Голландия, Грузия, Дания, Исландия, Казахстан (член как Содружества Независимых Государств, так и Евразийского экономического союза), Литва, Люксембург, Македония, Молдова, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Украина, Финляндия, Франция³, Хорватия,

новые идеи / под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 50–60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. М.: ИГиП РАН, 1994. С. 43–49.

² См., например: Наумов А.В. Преступление и наказание. С. 297–301; Уголовный кодекс РФ (Общая часть). Проект. М.: Изд-во МЮ РФ, 1994. С. 56–57.

³ Позиция именно французского законодателя нанесла наиболее сильный удар по противникам привнесения рассматриваемого института в европейское континентальное право. Когда, еще в советские времена, на страницах журнала «Советское государство и право» (1991. №2) в своей статье «Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике» автор поставил вопрос о возможности внесения норм об уголовной ответственности юридических лиц в советское уголовное законодательство (в связи с объявленным тогда переходом к рынку, пусть и социали-

Черногория, Швейцария (фактически не «охраненными» остались Россия и Германия, однако, судя по специальной литературе, и в последней этот вопрос «живо» обсуждается). Следует отметить, что данный институт воспринят также КНР (как социалистической страной с рыночной экономикой), рядом мусульманских стран (например, Албанией, Иорданией, Ливаном, Сирией), а также Израилем (с его «смешанной» системой уголовного права).

Таким образом, этот институт можно назвать универсальным и не зависящим от особенностей государственно-политического устройства той либо другой страны. Назрел этот вопрос и для РФ. Правонарушения, совершаемые корпорациями, не всегда укладываются в рамки административных или гражданско-правовых деликтов, и в ряде случаев существующая административная и гражданско-правовая ответственность оказывается в борьбе с ними неэффективной (судьба Байкала — наглядный тому пример). Положительное решение этой проблемы, безусловно, окажет благотворное воздействие на развитие экономики страны. Вместе с тем эта проблема не ограничивается вопросами противодействия экономической преступности. Ее решение будет способствовать предупреждению вреда многим объектам уголовно-правовой охраны (жизни и здоровью граждан, экологической и общественной безопасности, здоровью населения).

Противники рассматриваемой концепции считают, что проблема является надуманной и что все возможные санкции в отношении юридического лица (денежные штрафы, приостановление деятельности юридического лица или даже запрет на нее) вписываются в административное право, которое такую ответственность уже предусматривает. С этим, однако, трудно согласиться. Никуда не деться от отраслевого «уровня» денежных штрафов. Есть уголовно-правовой и есть административно-правовой. Известно, что штраф, присуждаемый американскими судами к уплате корпорациями, может исчисляться миллионами и даже миллиардами долларов. Например, в США в рамках уголовной ответственности юридических лиц известная корпорация Siemens была присуждена к штрафу в размере около 2 млрд долл. США (!). Разумеется, штрафы такого размера «не вписываются» в администра-

стическому), главным аргументом критиков такого предложения было следующий довод. «Вы посягаете на самое святое» — на принцип индивидуальной ответственности, провозглашенный еще французским Уголовным кодексом 1810 г. Но вот наступил 1992 г., и Франция приняла новый Уголовный кодекс, в котором был четко выражен отказ от одного из принципов европейского континентального права — уголовной ответственности только физических лиц. Впервые была предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, в связи с чем сконструировано и применено к ним соответствующих санкций.

тивное право. Можно ли представить себе такие штрафы, например, в КоАП РФ? Но дело даже не в этом. Главное — в другом — в уровне законности судебных и иных юридических процедур в административном и уголовном процессе. И это касается не только экономических и экологических преступлений. В советские времена институт уголовной ответственности юридических лиц однозначно оценивался как антидемократический в связи с такими известными процессами в США, как, например, связанными с деятельностью профсоюзов, с запретом компартии. Однако рассмотрение этих вопросов в рамках состязательного уголовного процесса с участием в нем защиты представляется, по крайней мере, не менее демократичным, чем решение тех же вопросов в рамках процесса административного (гарантии прав подсудимых уж очень сильно разнятся).

Вместе с тем следует отметить, что надуманные доводы можно отыскать и среди сторонников концепции уголовной ответственности юридических лиц. Так, по нашему мнению, не выдерживает критики *обоснование* проблемы, выраженное в Пояснительной записки названного выше депутатского проекта Федерального закона РФ (представленного депутатами А.В. Скочем и О.В. Лебедевым). Так, является некорректной ссылка на то, что РФ, ратифицировавшая Конвенцию ООН против коррупции от 31.10.2003, будто бы не выполняет свои насчет этого обязательства. Дело в том, что данная Конвенция в части возможной ответственности юридических лиц носит *рекомендательный*, а именно: *альтернативный* на счет *форм* правовой ответственности, характер. Так, ч. 2 ст. 26 Конвенции предписывает: «При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной». Следует отметить, что в Федеральном законе РФ от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» отсутствует обязательство РФ предусмотреть в своем национальном законодательстве (уголовном) именно *уголовную* ответственность юридических лиц.

В принципе, то же самое вытекает и из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы (Страсбург) от 27.01.1999 (ст. 18 Конвенции).

В Пояснительной же записке к тому же законопроект об обосновании проблемы связывается со ст. 14 Федерального закона от 27.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» («Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения»). Однако и в нем *ничего* не говорится об уголовной ответственности юридических лиц (такая задача даже не ставилась), и

проблема решается в соответствии с указанными международными Конвенциями.

Вызывает сомнение финансово-экономическое обоснование рассматриваемого законопроекта, в соответствии с которым принятие данного Федерального закона не предусматривает расходов, покрываемых за счет федерального бюджета. Речь, разумеется, должна идти не о расходах, связанных с прохождением законопроекта в Государственной Думе, Совете Федерации и его опубликованием. Речь идет о *новых судебных процедурах*, о достаточно большой предстоящей дополнительной нагрузке хотя бы на судебный корпус. Все это не может не увеличить расходы, покрываемые за счет федерального бюджета.

Крайне неудачным, по нашему мнению, является редакция (формулировка) самой основной статьи законопроекта — ст. 1. Во-первых, в плане криминализации уравниваются совершение юридическим лицом преступления и совершение деяния, создающего условия для совершения преступления. И если первое является вполне допустимым, то второе не вписывается в «рамки» уголовного закона и уголовной ответственности. Во-вторых, там же достаточно «легковесно» формулируется вопрос о виновности юридического лица в совершении преступления: а) на основании виновности физического лица и б) с учетом мер по профилактике преступлений, предпринятых юридическим лицом. Таким образом, можно считать, что в целом ст. 1 законопроекта не выполняет свою задачу. Ее формулировка не «выдерживает» критики даже в «первом приближении».

Достаточно уязвимым является содержание (текст) ст. 4 и 5 законопроекта. В ст. 4 (как и в ст. 1) не удалось установить специфику ответственности юридического лица, отделив ее от ответственности физического лица. Разумеется, что первая ответственность связана со второй, но не так, как это прописано в законопроекте («совершенные в интересах юридического лица любым физическим лицом, действующим в своем физическом качестве»).

Статья 5 об освобождении юридического лица от уголовной ответственности также не имеет смысла. Что толку в том, что юридическое лицо «систематически осуществляло внутрикорпоративную профилактику совершения преступления», если преступление было все же совершено? Это положение противоречит нормам Общей и Особенной частей УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с позитивным постпреступным поведением.

Самым трудным в решении проблемы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности юридических лиц является вопрос об уголовно-правовой вине корпораций (коллекти-

вов). Сторонники концепции (как в теории, так и в практике правотворческого процесса) обычно склоняются к «психологическому (субъективному) подходу к определению вины юридического лица. Соответственно, вину юридического лица в совершении преступления предлагается определять (в зависимости от вины физических лиц, осуществляющих в нем функции управления)». Представляется, что авторы такой идеи идут в этом отношении по «легкому» пути, распространяя традиционное понимание вины в уголовном праве на корпоративное (коллективное) преступление. На наш же взгляд, это традиционное психологическое понимание вины (по УК РФ как умысла и неосторожности) было создано в уголовном праве *исключительно* в отношении уголовной ответственности *физических* лиц, а исторически — еще до того как корпоративная (коллективная) уголовная ответственность была «прописана» в уголовном законе (уголовном праве). Последнее же, то есть корпоративная (коллективная) уголовная ответственность, является принципиально (качественно) отличной от уголовной ответственности физических лиц и требует также принципиально нового подхода к решению проблемы в уголовном законе (уголовном праве). В связи с этим не может быть, например, коллективной (корпоративной) небрежности или такого же легкомыслия. Заслуживает поэтому внимания уголовное законодательство тех стран, которые не расшифровывают содержания вины юридических лиц (например, УК Франции, УК штата Нью-Йорк).

Значительно более серьезным в законодательно-практическом плане является названный проект Федерального закона об уголовной ответственности, представленный Следственным комитетом РФ. Во-первых, заслуживает внимания то место в УК, которое определяется законодательством для «прописки» этого уголовно-правового института в УК РФ. Им в соответствии с действующей структурой Кодекса определяется его разд. VI («Иные меры уголовно-правового характера»), дополненный гл. 15² о мерах уголовного характера в отношении юридических лиц. В ней предусматриваются ст. 104⁴ («Основания и условия применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера»), 104⁵ («Юридические лица, в отношении которых могут быть применены меры уголовно-правового характера»), 104⁶ («Освобождение юридического лица от мер уголовно-правового характера»), 104⁷ («Виды мер уголовно-правового характера»), 104⁸ («Общие условия назначения и исполнения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц»), ст. 104⁹–104¹⁴ (конкретизирующие эти меры), 104¹⁵ («Судимость юридического лица»). Законопроект также предусматривает и целый ряд

изменений, необходимых для внесения в УК РФ и отражающих специфику применения института уголовной ответственности юридических лиц. В Пояснительной записке к законопроекту обосновываются как социальная обусловленность внесения в УК и в УК РФ соответствующих изменений, так и их необходимость для обеспечения, например, экономической безопасности государства. «В последние годы значительно возросло количество преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Масштаб этого явления позволяет утверждать, что в России сформировался новый вид преступности — преступность юридических лиц (зарубежный аналог данного термина — “преступность корпораций” или “корпоративная преступность”). Этот вид преступности представляет реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота. В частности, он оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность России (существенно повышает инвестиционные риски, связанные с незащищенностью российских финансовых инструментов от преступных посягательств), что обуславливает отток из страны капитала. Преступность юридических лиц дестабилизирует фундаментальные основы экономики, что опосредованно способствует спаду основных экономических показателей, в том числе росту инфляции, снижению производства, уходу капитала в теневой сектор экономики». В Пояснительной записке приводятся убедительные доводы и в отношении того, что введение в УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупционными, террористическими преступлениями и организованной преступностью. В целом он представляет достаточно серьезную основу для разработки будущего Федерального закона об уголовной ответственности юридических лиц.

Самого серьезного внимания заслуживает и упомянутый законопроект об установлении уголовной ответственности юридических лиц, внесенный депутатом А.А. Ремезковым. Концептуально он близок законопроекту Следственного комитета, но по ряду позиций он является более проработанным (в особенности по своей законодательной технике) по «тонкостям» внедрения новых уголовно-правовых норм в «старую ткань» УК, в установление их межотраслевых связей в системе отечественного законодательства в целом. Достаточно сказать, что проект предусматривает дополнение УК РФ более чем тридцатью новыми статьями. В их числе статьи: об общих условиях ответственности и наказания юридических лиц; о юридических лицах, подлежащих уголовной ответственности; о вине

юридического лица, подлежащего уголовной ответственности; о невинном причинении вреда юридическим лицом; о категориях преступлений, совершаемых юридическими лицами; об особенностях освобождения юридического лица от уголовной ответственности; о соучастии юридического лица в преступлении; о видах наказаний, назначаемых юридическим лицам; об обстоятельствах, учитываемых судом при назначении наказания юридическому лицу; об ограничениях и запретах, связанных с уголовной ответственностью юридического лица; об особенности погашения судимости юридического лица. Кроме того, законопроект вносит изменения в целый ряд статей УК РФ, в том числе связанных с финансированием преступной деятельности (террористической, преступлений против общественной безопасности, совершении экстремистских преступлений и др.), в УИК РФ, в УК РФ, в КоАП РФ.

Заслуживают внимания и многие доводы последнего законопроекта, отмеченные в его Пояснительной записке, особенно применимости новых правовых норм в борьбе с распространяемыми преступлениями, представляющими угрозу для экономической безопасности РФ. Справедливо утверждается, что, например, введение института уголовной ответственности юридических лиц позволит более эффективно противодействовать использованию в преступной деятельности фиктивных организаций, компаний («прокладок» и др.). «Осуществление экономической деятельности подобного рода способствует переходу наличных финансовых средств в теневые структуры, криминализации экономики, влечет за собой отток капитала из страны и снижает ее инвестиционную привлекательность». Наличие в законодательстве норм об уголовной ответственности юридических лиц «создает правовое условие для экстраюрисдикционного уголовного преследования находящихся за рубежом международных организаций и должностных лиц за преступления, посягающие на интересы, охраняемые уголовным законодательством РФ». Напротив, «отсутствие такого правового инструмента исключает возможность репатриации нажитого на территории РФ преступного капитала, вывезенного за рубеж и состоящего на балансе иностранных организаций, так как в условиях действия принципа самостоятельности уголовной правосубъектности юридического лица для истребования этого имущества и передачи его потерпевшему либо конфискации необходимо решение суда, устанавливающего вину этой организации (а не физического лица) в транснациональном преступлении». Указывается, что «возможность доказывания в рамках административного производства по сравне-

нию с уголовным судопроизводством весьма ограничена. В частности, по таким деяниям не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, без которых установить причастность юридического лица к преступной деятельности невозможно». Более «тонко» дается в Пояснительной записке и обоснование вины юридического лица. В этом документе указывается на то, что в уголовном законодательстве зарубежных стран существует две формы вины юридического лица:

«1. Концепция вины субъективного толка (теория отождествления), когда вина юридического лица определяется виной физического лица, официально действовавшего от ее (организации) имени <...> Подобная норма включена в настоящее время в российское законодательство о налогах и сборах. Согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловило совершение данного налогового правонарушения.

2. Объективистское направление, заключающееся в том, что организация может быть виновна в том, что не обеспечила должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не приняла всех зависящих от нее мер по соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность. В России подобная форма <...> предусмотрена в законодательстве об административных правонарушениях. В соответствии с ч. 2 ст. 2¹ КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъектов РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты

все зависящие от него меры по их соблюдению. В последнем случае наличие вины юридического лица обуславливается извлечением от совершенного правонарушения выгоды этого юридического лица».

Таким образом, можно сказать, что в данном законопроекте нарисован «абрис» решения самого трудного в плане законодательной техники вопроса об уголовно-правовой вине юридического лица и, что особенно важно, в «уходе» от психологической концепции вины, определенной в УК РФ применительно к вине физического лица как субъекта преступления и уголовной ответственности.

К сожалению, и данный законопроект в традиционном для современного уровня пояснительных записок к такого рода документам правотворческого характера утверждает, что принятие соответствующего Федерального закона (в данном случае об установлении уголовной ответственности юридических лиц) не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета. Создание новых процедур, связанных с дознанием, расследованием и судебным рассмотрением специфически новых уголовных дел (автор законопроекта признается, что и проведением оперативно-розыскных мероприятий), — и все это не потребует бюджетных средств? Так не бывает.

И, наконец, последнее. Законопроекты об установлении уголовной ответственности юридических лиц как никогда своевременны. Вопрос о реформе нашего уголовного законодательства (УК РФ) не только созрел, но и перезрел. В доктрине до конца нерешенным остался лишь вопрос о предполагаемой форме такого реформирования (принятие нового УК или его новой редакции). Поэтому такие достаточно проработанные в теоретическом и правотворческом плане законопроекты (Следственного комитета и депутата А.А. Ремезкова) являются серьезной основой для их доработки и принятия соответствующего Федерального закона.

Библиография:

1. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. — С. 96–98.
2. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. — 1991. — № 2. — С. 28–35.
3. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. — 1992. — № 17–18. — С. 3.
4. Наумов А.В. Несколько возражений как противникам, так и сторонникам концепции уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право и современность: сб. науч. ст. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есаков. — М., Проспект, 2014. — С. 26–30.
5. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. — Ч. II. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 656 с.
6. Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. — М.: ИГЛ РАН, 1994. — С. 43–49.
7. Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. — М.: Де-юре, 1993. — 301 с.
8. Уголовный кодекс РФ (Общая часть). Проект. — М.: Изд-во МЮ РФ, 1994. — 58 с.

Материал поступил в редакцию 29 апреля 2015 г.

CRIMINAL RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES

Naumov, Anatoliy Valentinovich — Doctor of Law, Professor of the Russian Legal Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation.

[yasenaum34@mail.ru]

117638, Russia, Moskva, ul. Azovskaya, d. 2, korp. 1.

Review: *The theory of Russian criminal law does not provide for the uniform evaluation of the necessity for establishing criminal responsibility of legal entities. In this respect, there is a certain rapture in doctrinal positions. Some authors support introduction of such responsibility, while other are opposed to it. The typical objections are the following: firstly, that the institution is connected to the common law system, and secondly, it contradicts the general principle of criminal law, which is criminal responsibility of natural persons only. However, the analysis of the current criminal legislation of foreign states shows that criminal responsibility of legal entities is present both in the legal systems of the common law states, and those of Roman-German legal family (that is of the European, continental law), such as France and Holland, Socialist law (such as China), Muslim law (such as Albania and Syria), the CIS states (such as Kazakhstan). As for the European continental law, the only states with legislation excluding responsibility of legal entities are Russia and Germany (while significant discussions on introduction of this institution are ongoing in Germany). At the same time, it is pointed out that from the time when the Criminal Code of the Russian Federation was adopted, the above-mentioned problem had practical dimensions for the law-making in criminal legal sphere. Both drafts of the Criminal Code, which were presented to the State Duma of Russia included the provisions for criminal responsibility of legal entities. The State Duma constantly gets legislative drafts providing for criminal responsibility of legal entities. The article provides detailed evaluation of these drafts, their positive and negative features. Special attention is paid to the most difficult problem, which is implementation into the Russian criminal legislation of the doctrinal idea of defining guilt of a legal entity in committing a crime. Most of the legislative drafts solve this problem using the psychological theory of guilt. However, this theory was obviously created for establishing guilt of natural persons. That is why, the article brings to the attention of the readers the fact that in the states, where there are legislative provisions refer to criminal responsibility of legal entities, the contents of "guilt" are not provided for (e.g. in France and the USA).*

Keywords: *subject of a crime, natural person, legal entity, criminal responsibility of physical persons, Federal Law, legislative draft, reform of criminal legislation.*

Bibliography:

1. Kelina, S.G. Responsibility of legal entities in the draft of the new Criminal Code of the Russian Federation // Criminal law: new idea / Ed. by S.G. Kelina and A.V. Naumov. — M.: Izd-vo IGI P RAN, 1994. — P. 96–98.
2. Naumov, A.V. Criminal law in the conditions of transition to the market economy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1991. — № 2. — P. 28–35.
3. Naumov, A.V. Enterprise as a criminal defendant // Sovetskaya yustitsiya. — 1992. — № 17–18. — P. 3.
4. Naumov, A.V. Some arguments for both opponents and proponents of the concepts of criminal responsibility of legal entities // Criminal law and modernity: collection of scientific articles. Ed. 5 / Ed. by G.A. Esakov. — M., Prospekt, 2014. — P. 26–30.
5. Naumov, A.V. Crime and punishment in Russian history: in 2 volumes. — V. II. — M., Yurlitinform, 2014. — 656 p.
6. Nikiforov, A.S. On criminal responsibility of legal entities // Criminal law. New ideas. — M.: IGL RAN, 1994. — P. 43–49.
7. Crime and punishment. Commentary to the Draft Criminal Code of the Russian Federation / Ed. by N.F. Kuznetsova and A.V. Naumov. — M.: De-yure, 1993. — 301 p.
8. Criminal Code. General part. Draft. — M.: Izd-vo MYu RF, 1994. — 58 p.

КОРПОРАТИВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КИТАЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. Корпоративное преступление, которое в уголовно-правовой теории именуется преступлением юридического лица, представляет собой преступление, совершенное в интересах организации либо от имени организации. Оно является особой формой преступления, отличной от преступления физического лица. В настоящей статье на основании положений УК КНР о корпоративных преступлениях будут рассмотрены понятие и классификация корпоративных преступлений, состав корпоративного преступления и соответствующая судебная практика.

Ключевые слова: Китай, Уголовный кодекс Китая, корпоративное преступление (преступление юридического лица), классификация корпоративных преступлений, состав преступления, отражение в законодательстве, уголовная ответственность, судебная практика, назначение наказания.

Уголовная ответственность юридических лиц является важной частью действующего уголовного законодательства КНР. Несмотря на то, что в УК КНР говорится о корпоративных преступлениях, а не преступлениях юридических лиц, их теоретические основания представляются тождественными. Как известно, после образования Китайской Народной Республики и до принятия Уголовного кодекса КНР 1979 г. в законодательстве и уголовно-правовой доктрине Китая признавалась уголовная ответственность только физических лиц. Однако с развитием рыночной экономики в Китае к концу 80-х гг. прошлого века правонарушения юридических лиц получили широкое распространение. Это обусловило необходимость ужесточения борьбы с ними¹. Соответственно, в новом УК КНР, то есть в действующем УК 1997 г., специальным параграфом в Общей части УК КНР предусмотрены основание и порядок уголовной ответственности за корпора-

тивные преступления. С тех пор возник ряд споров о корпоративном преступлении, причем дискуссия продолжается до нынешнего дня.

1. Понятие корпоративного преступления

В китайской уголовно-правовой теории «корпоративным преступлением признается общественно опасное деяние компании, предприятия, учреждения, органа, общественной организации, совершаемое решением коллектива организации либо ее руководителей для незаконного удовлетворения некоторых интересов»². Однако, как известно, в процессе рассмотрения проекта УК КНР на 5-й сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП) 8-го созыва некоторые из представителей указали, что принятое в проекте определение корпо-

¹ Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. 2009. № 2. С. 32. (Все ссылки и библиография в статье приведены в авторском переводе на русский язык. Оригиналы — на китайском. — прим. ред.).

² См.: Хоу Гоюнь и др. Анализ и применение сложных вопросов в новом Уголовном кодексе. Пекин: Изд-во китайской прокуратуры, 1998. С. 177; Хэ Цзехун. Исследование корпоративного преступления // Современное право. 1998. № 1; Чжан Мингэ. Уголовное право. Пекин: Юрид. изд-во, 1997. С. 183; Чэнь Синлянь. Комментарий к Уголовному кодексу КНР. Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та общественной безопасности, 1997. С. 114.

© Пан Дунмэй, 2015

* Пан Дунмэй — доктор юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета, начальник Центра исследования российского права.

[pangnaja@mail.ru]

150080, КНР, провинция Хэйлунцзян, г. Харбин, р-н Нань Ган, ул. Сюе Фу, д. 74.

** Статья подготовлена в рамках проекта национального фонда общественных наук КНР «Сравнительный анализ антикоррупционных законодательств в КНР и РФ» (номер проекта: 14BFX003), а также проекта научно-исследовательского фонда Хэйлунцзянского университета для выдающихся молодых ученых «Изучение институтов в Общей части уголовного права» (номер проекта: JC2013W1).

ративного преступления не может охватить все корпоративные преступления, предусмотренные в Особенной части УК³. В связи с этим в ст. 30 действующего УК КНР⁴ данное определение закреплено не было.

Некоторые китайские ученые, исходя из нормы о корпоративном преступлении в ст. 30 УК КНР, считают, что корпоративным преступлением признается деяние, совершенное компанией, предприятием, учреждением, органом, общественной организацией, за которое в соответствии с уголовным законом должна наступать уголовная ответственность⁵. Данное определение можно считать переложением содержания ст. 30 УК КНР. С точки зрения соответствия уголовному законодательству, данное определение можно считать весьма удовлетворительным. Однако, как отметили некоторые китайские ученые, норма ст. 30 нового УК КНР лишь косвенно излагает смысл корпоративного преступления, то есть в данной статье описывают его общественную опасность, уголовную противоправность и наказуемость, но не дают само понятие корпоративного преступления. Соответственно, данная норма не раскрывает сущностное содержание корпоративного преступления⁶. Между тем определение, которое не раскрывает сущностное содержание предмета, не может быть признано успешным. Поэтому другие ученые, основываясь на нормах о конкретных корпоративных преступлениях из Особенной части УК КНР, считают, что по УК КНР корпоративные преступления делятся на следующие две формы:

1) Преступления, совершаемые по решению коллектива организации либо ее руководителей. Такая форма в УК КНР представлена чрезвычайно широко и включает подавляющее большинство корпоративных преступлений, предусмотренных в Особенной части УК КНР.

2) Рядовые работники организации в процессе исполнения своих должностных обязанностей нанесли серьезный ущерб имуществу либо причинили смерть или тяжкий вред здоровью человека. В таких случаях, если можно доказать, что ущерб причинен из-за недостаточного контроля со стороны руководства организации, следует привлекать данную организацию к уголовной ответственности

³ См.: Сюэ Цзюй. Отчет о результатах рассмотрения трех законопроектов юридической комиссией // Жэньминь Жибао. 1997. 14 марта.

⁴ Статья 30 УК КНР гласит: «За деяние, совершенное компанией, предприятием, учреждением, органом, общественной организацией и рассматриваемое законом как корпоративное преступление, должна наступать уголовная ответственность».

⁵ См.: Кан Шухуа, Ян Чжэ. Новый курс уголовного права. Пекин: Изд-во китайской демократии и законности, 1997. С. 120; Чжэн Вэй. Новое уголовное право. Пекин: Юрид. изд-во, 1998. С. 273–274; Ян Чуньси. Китайское уголовное право. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 1998. С. 91.

⁶ См.: Дин Муинь. Актуальные и дискуссионные проблемы применения Уголовного кодекса. Пекин: Юрид. изд-во, 1998. С. 252.

сти. Например, согласно ст. 338, 346 УК КНР совершенное в нарушение государственных установленных размещение, хранение или выброс радиоактивных отходов, содержащих источники инфекционных заболеваний, ядовитых или иных опасных отходов, приведшие к серьезному загрязнению окружающей среды, причинившие значительный ущерб общественной или частной собственности или тяжкий вред здоровью человека, подлежат наказанию как преступления против охраны окружающей среды. В данном случае уголовная ответственность наступает, как правило, из-за недостаточного контроля со стороны организации.

На основании вышеуказанных форм китайские ученые определяют корпоративное преступление как общественно опасное деяние, предусмотренное в уголовном законе, совершаемое решением руководства в сфере деятельности организации, либо совершаемое работниками организации в процессе исполнения ими своих должностных обязанностей из-за недостаточного контроля руководства или из-за несовершенства механизма управления организацией⁷.

2. Классификация корпоративных преступлений в китайском уголовном законодательстве

В Особенной части УК КНР корпоративные преступления делятся на следующие 2 формы:

1) Чистое корпоративное преступление, то есть субъектом данной формы преступления признается лишь организация, но не физическое лицо. Например, ст. 327 УК КНР «Незаконная продажа, самовольная передача коллекционных памятников культуры» гласит: «Если в нарушение законоположений об охране культурных ценностей, государственные музеи, библиотеки и иные организации осуществили продажу или самовольную передачу негосударственным организациям или частным лицам коллекционных памятников культуры, находящихся под охраной государства, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом». Субъектом данного преступления выступает только организация, но не физическое лицо. Кроме того, в УК КНР отдельно предусмотрены преступления «Получение взятки организацией» (ст. 387)⁸ и

⁷ См.: Ли Хун. Некоторые проблемы о корпоративном преступлении // Правовые и коммерческие исследования. 2003. № 4. С. 45–46.

⁸ Ст. 387 УК КНР гласит: «Государственные органы, государственные компании, предприятия, учреждения, народные объединения, требовавшие и незаконно получившие имущество других лиц в целях получения такими лицами выгоды, при отягчающих обстоятельствах — наказываются штрафом, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются лишением свободы на

«Дача взятки организацией» (ст. 393)⁹ помимо составов «Получение взятки» (ст. 389) и «Дача взятки» (ст. 385), то есть составы ст. 387 и 393 УК КНР входят в ряд чистых корпоративных преступлений.

Установление китайским законодателем отдельных составов в отношении чистых корпоративных преступлений упрощает их квалификацию в судебной практике.

2) Смешанное корпоративное преступление, субъектами которого может выступать как организация, так и физическое лицо. Подавляющее большинство корпоративных преступлений, предусмотренных в УК КНР, являются смешанными корпоративными преступлениями. Данная форма может быть установлена в УК КНР двумя способами:

а. В отдельной части одной статьи за положениями о диспозиции и санкции для физических лиц может следовать санкция для организаций. Например, в ч. 1 ст. 187 УК КНР установлено: «Привлечение денежных средств клиентов и незачисление их на счет, совершенные работниками банков или иных финансовых органов, при крупном размере суммы или если эти действия повлекли причинение крупного ущерба, — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом и дополнительно — штрафом в размере от 20 тыс. до 200 тыс. юаней; те же деяния, совершенные при особо крупном размере суммы или повлекшие причинение особо крупного ущерба, — наказываются лишением свободы на срок 5 и более лет со штрафом в размере от 50 тыс. до 500 тыс. юаней». В ч. 2 данной статьи отдельно предусмотрена уголовная ответственность организаций: «Если преступление, упомянутое в части первой настоящей статьи, совершено организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются в соответствии с частью первой настоящей статьи».

б. В отдельной статье в конце параграфа Особенной части УК КНР может быть предусмотрена уголовная ответственность организаций за

срок до 5 лет или арестом. Перечисленные в части первой настоящей статьи организации, в процессе осуществления хозяйственно-экономической деятельности скрыто получившие под различными предлогами агентские и комиссионные вознаграждения, минуя расчетный счет, — несут ответственность как за получение взятки в соответствии с частью первой настоящей статьи».

⁹ Ст. 393 УК КНР гласит: «Организация, давшая взятку в целях получения незаконной выгоды или в нарушение государственных установлений выдавшая государственному служащему комиссионное, агентское вознаграждение, при наличии отягчающих обстоятельств — наказывается штрафом, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом. Незаконное получение дохода в личную собственность в результате дачи взятки квалифицируется и наказывается в соответствии со статьями 389, 390 настоящего Кодекса».

совершение преступлений, установленных статьями данного параграфа. Например, в ст. 220 УК КНР указано: «Если преступления, предусмотренные статьями 213–219 настоящего параграфа, совершены организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются в соответствии с указанными статьями».

При рассмотрении дел о смешанных корпоративных преступлениях судебные органы должны уделять большое внимание их квалификации, так как в таких случаях структура составов преступления физического лица одновременно применяется к квалификации юридического лица.

3. Состав корпоративного преступления по уголовному праву КНР

Корпоративное преступление отличается от преступления физического лица не только субъектом, но и составом преступления в целом, так как корпоративное преступление имеет свою особую структуру состава. В связи с этим корпоративное преступление в основном квалифицируется по следующим 3 элементам:

1) *По субъекту корпоративного преступления.* В ст. 30 § 4 «Корпоративное преступление» гл. 2 «О преступлении» УК КНР предусмотрено, что за деяние, совершенное компанией, предприятием, учреждением, органом, общественной организацией и рассматриваемое законом как корпоративное преступление, наступает уголовная ответственность. Соответственно, по действующему УК КНР круг субъектов корпоративного преступления включает компанию, предприятие, учреждение, орган, общественную организацию. Как видно, понятие организации (корпорации) шире, чем понятие юридического лица, так как в первое включены не только юридические лица, но и организации без статуса юридического лица.

1. **Компания.** Под компанией понимается организация в форме юридического лица, созданная в соответствии с законной процедурой с целью извлечения прибыли, в том числе акционерная компания с ограниченной ответственностью и компания с ограниченной ответственностью. Компания является широко распространенным субъектом корпоративного преступления.
2. **Предприятие.** Предприятием признается экономическая организация определенной организационной формы, которая занимается хозяйственной деятельностью по производству товаров и оказанию коммерческих услуг с целью извлечения прибыли. Предприятие характеризуется следующими особенностями:

- С точки зрения его социальной сущности, предприятие является экономической организацией, которая самостоятельно занимается хозяйственной деятельностью по производству товаров и оказанию коммерческих услуг.
 - Целью существования предприятия является извлечение прибыли. Так называемая цель извлечения прибыли состоит в том, что субъекты стремятся к максимизации своего дохода. Это является одной из самых важных особенностей предприятия.
 - В юридическом аспекте предприятие должно быть создано в соответствии с законом (юридический признак предприятия).
3. **Учреждение.** Учреждение означает организацию, созданную в соответствии с законом либо административным актом, реализующую различные социальные функции. Такого рода учреждения делятся на три типа:
- Государственное учреждение. В теории такого рода учреждение называют государственным производственным юридическим лицом, которое действует за счет средств государственного бюджета. Его руководители имеют право самостоятельно использовать бюджетные средства, могут непосредственно выступать в гражданском обороте в сфере своей деятельности, обладают законными правами и интересами, а также пользуются гражданско-правовыми правами и несут имущественную ответственность.
 - Коллективное учреждение, которое делится на две формы: *учреждения первой формы* — работники существуют на основе коллективных средств и имущества, самостоятельно занимаются хозяйственной деятельностью и действуют на самокупаемости; *учреждения второй формы* финансируются коллективным фондом. Их руководство может самостоятельно использовать корпоративные средства и не состоит на самокупаемости. Такие учреждения называют также коллективными производственными юридическими лицами.
 - Частное учреждение, которое создано на основе частных инвестиций и занимается определенной социальной деятельностью. В их число входят частные медицинские учреждения, учебные заведения и т.п.
 - Представляется, что учреждения принадлежат к числу юридических лиц и могут быть субъектами корпоративного преступления.
4. **Орган.** В качестве субъектов корпоративного преступления различаются органы в широком и узком смысле: *органы в широком смысле* включают в себя органы управления, (законодательные) органы государственной власти, судебные органы, армию, политические партии и т.д.; *органы в узком смысле* в

основном включают органы управления (как правило, местные). По УК КНР органы могут выступать в качестве субъектов корпоративного преступления.

5. **Общественная организация** обозначает различные объединения граждан, включая массовые народные организации (профсоюзы, комсомольская организация, женские союзы и т.п.), организации на благо общества, научно-исследовательские организации, организации культуры и искусства, религиозные организации и т.д. Все эти организации обладают следующими общими чертами:
- Согласно конституции КНР, граждане или юридические лица вправе добровольно объединяться в группы;
 - Общественные организации формируют собственный имущественный фонд и фонд финансирования своей деятельности за счет взносов членов организации или за счет государственного бюджета. Данные фонды принадлежат самим общественным организациям (кроме специальных фондов, созданных в соответствии с законом), которые, в свою очередь, несут ответственность по своим обязательствам;
 - Каждый из членов общественной организации принимает участие в управлении ее деятельностью;
 - Общественная организация разрабатывает устав, который действует только после утверждения компетентным ведомством и проведения регистрации. Общественные организации обладают своим собственным имуществом и пользуются имущественными правами, имеют статус юридического лица. Поэтому общественная организация может быть субъектом корпоративного преступления.

2) *По признакам субъективной стороны.* В Общей части УК КНР отсутствует четкая регламентация форм вины для корпоративных преступлений. Вместе с тем конкретные составы корпоративных преступлений в Особой части УК КНР дают основание сделать вывод о том, что большинство корпоративных преступлений совершается только умышленно. Тем не менее существуют также некоторые преступления, которые могут быть совершены организацией по неосторожности.

а. **Умышленное корпоративное преступление.** Умысел при совершении корпоративного преступления отличается от такового в преступлении физического лица тем, что в корпоративном преступлении преступная воля является волей организации в целом. Именно воля организации выступает субъективным основанием привлечения ее к уголовной ответственности. По действующему уголовному законодательству КНР подавляющее большинство корпоративных пре-

ступлений носит экономический характер, так что при совершении данных преступлений имеется мотив незаконного присвоения материальных благ в пользу организации. Для этих преступлений незаконное присвоение материальных благ является признаком, отличающим преступление от правомерного деяния или административного правонарушения: если организация совершила правонарушение, но не присвоила незаконным образом материальные блага, то данное деяние не квалифицируется как корпоративное преступление. Более того, незаконное присвоение материальных благ для самой организации также является гранью, отличающей корпоративное преступление от преступления физического лица: если должностные лица организации самовольно пользуются именем организации для удовлетворения личных интересов и совершили при этом преступление, то данное деяние признается преступлением физического лица, а не корпоративным преступлением. Кроме того, в УК КНР регламентируются некоторые умышленные корпоративные преступления, которые совершаются не по мотивам незаконного присвоения организацией материальных благ, а с использованием имени организации. Например, в ст. 396 УК КНР предусмотрено корпоративное преступление «Самовольный раздел государственного имущества»¹⁰. Такого рода преступления не только не приносят организации никаких материальных благ, но, наоборот, противоречат ее интересам. Данные деяния квалифицируются как корпоративные преступления, так как их совершают от имени организации.

б. Неосторожное корпоративное преступление — это преступление, совершаемое организацией по неосторожности. Неосторожное деяние, как правило, характеризуется индивидуальностью (наличием субъекта — физического лица). В данном случае индивидуальное деяние чаще всего выступает в качестве должностного действия (бездействия). По китайскому уголовному законодательству за неосторожное корпоративное преступление чаще всего подлежат наказанию непосредственно ответственные лица данной

¹⁰ Ст. 396 УК КНР гласит: «Несущие непосредственную ответственность руководители государственных органов, государственных компаний, предприятий, учреждений, народных объединений, а также другие непосредственно ответственные лица, в нарушение государственных установлений от имени организаций самовольно разделившие государственное имущество между своими работниками в значительном размере, — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом и дополнительно или в качестве самостоятельного наказания — штрафом; то же деяние, совершенное в крупном размере, — наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом. Работники органов юстиции, работники правоприменительных административных органов в нарушение государственных установлений от имени организации разделившие между сотрудниками ценности в виде штрафа, конфискованного имущества, подлежащие сдаче в государственную казну, — наказываются в соответствии с частью первой настоящей статьи».

организации, а не сама организация. Например, субъектом преступления, предусмотренного в ст. 137 УК КНР «Серьезный инцидент, связанный с безопасностью»¹¹, являются строительные, проектные, монтажные, инженерные организациями, однако привлекают к уголовной ответственности за совершение данного преступления лишь непосредственно ответственных лиц. Безусловно, в китайском уголовном законе также предусмотрены некоторые неосторожные преступления, за совершение которых наказываются и организация, и ее непосредственно ответственные лица. Например, по ст. 229, 231 УК КНР¹² за выдачу ложных свидетельств привлекают к уголовной ответственности ответственных лиц посреднических организаций, осуществляющих оценку имущества, экспертизу, бухгалтерское, аудиторское, юридическое обслуживание, а если данное преступление совершено указанными организациями, то в отношении данных организаций применяется штраф. В данном случае организации наказывают на основе того, что вышеупомянутые организации-посредники несут обязанность по контролю за своими работниками.

в. Специальная цель — присвоение организацией материальных благ. В подавляющем большинстве корпоративных преступлений имеется цель присвоения организацией материальных благ. Данная цель не ограничивается непосредственной экономической выгодой, в нее включается также и косвенная выгода. Несмотря на то, что в составе неосторожного корпоративного преступления не указывается цель преступления (цель не является квалифицирующим признаком), тем не менее большинство неосторожных деяний совершается в таких случаях, когда виновник стремится к определенной цели.

3) *По признакам объективной стороны.* Корпоративное преступление совершается решением органов управления организации либо решением ее должностных лиц, что составляет

¹¹ Ст. 137 УК КНР гласит: «Лица, непосредственно ответственные за соблюдение нормативов качества на объектах и в нарушение государственных установлений допустившие их снижение строительными, проектными, монтажными, инженерными организациями, что привело к серьезному инциденту, связанному с безопасностью, — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом и дополнительно — штрафом; при особо тяжких последствиях, — наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом».

¹² Часть 1 ст. 229 УК КНР гласит: «Ответственные лица посреднических организаций, осуществляющие оценку имущества, экспертизу, бухгалтерское, аудиторское, юридическое обслуживание, умышленно выдавшие ложные свидетельства, при отягчающих обстоятельствах — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, арестом и дополнительно — штрафом». Ст. 231 УК КНР гласит: «Если преступления, упомянутые в статьях 221 — 230 настоящего параграфа, совершены организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются в соответствии с указанными статьями».

важное отличие объективной стороны корпоративного преступления и преступления, совершенного физическим лицом. Таким образом, корпоративное преступление объективно включает следующие два состояния:

Во-первых, корпоративное преступление, совершенное решением органа управления организации. Здесь орган управления означает орган, который вправе принимать решения о деятельности организации. Например, совет директоров компании, который является обязательным постоянным органом акционерной компании, руководящей производственной деятельностью и административным управлением компании в целом. В других предприятиях, общественных организациях и органах решение органа управления означает решение, принятое руководящими работниками соответствующих органов управления коллегиальным путем.

Во-вторых, корпоративное преступление может быть совершено решением руководителей организации. Здесь под руководителями организации понимаются законные представители предприятия, начальники соответствующих органов или общественных организаций. Все эти лица имеют право принимать решения по вопросам деятельности вышеуказанных организаций, так что их личное решение представляет организацию в целом.

4. Судебная практика, связанная с корпоративными преступлениями (на примере 107 преступлений «Дача взятки организацией»)

В ст. 31 УК КНР¹³ определен принцип двойного наказания (организации и ее руководителей или ответственных лиц) за корпоративное преступление, в качестве дополнительного применяется принцип единого наказания¹⁴. По УК КНР за корпоративное преступление в большинстве случаев применяется двойное наказание, то есть организация наказывается денежным штрафом, ее непосредственные руководители либо непосредственные ответственные лица, как правило, наказываются лишением свободы (со штрафом или без такового). Данный принцип назначения наказания за корпоративное преступление реализуется в китайской судебной практике. Ниже будет показана судебная практика, связанная с

преступлением «Дача взятки организацией» в Китае. Нами были исследованы 107 приговоров по составу «Дача взятки организацией», опубликованных на Интернет-портале правовой информации Пекинского университета «Бэйда Фаъи» до 10.03.2014¹⁵. Анализ 107 уголовных дел по данному составу позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, по сумме дачи взятки: 107 приговоров касались 117 обвиняемых; средняя сумма дачи взятки — 1 256 168 юаней. Среди них максимальный размер дачи взятки в 57 200 000 юаней содержится в приговоре Народного суда средней инстанции г. Гуанчжоу провинции Гуандун КНР от 26.11.2013 в отношении компаний «Хэнтэй» и «Синьи» под руководством Лэй Хунчжуна.

Во-вторых, по сроку назначения физическому лицу наказания в виде лишения свободы: средний срок наказания — 0,93 года (примерно 11,2 месяца), максимальный срок наказания — 4 года, к такому сроку лишения свободы был приговорен законный представитель организации Лэй Хунчжун в вышеуказанном уголовном деле. Одновременно в 88 приговорах был применен денежный штраф, средняя сумма штрафа — 26 900 юаней.

В-третьих, в части незаконного присвоения имущественных благ 46,2 % уголовных дел связаны с подрядной деятельностью (то есть в сферах строительства, аренды участков земли и т.п.); 25,6 % уголовных дел было возбуждено в сфере коммерческой торговли¹⁶.

Приведенные статистические данные показывают, что в судебной практике КНР наказание за корпоративное преступление назначается не только самой организации, но и физическим лицам — ее непосредственным руководителям или непосредственным ответственным лицам.

Заключение

Таким образом, из общего числа предусмотренного действующим уголовным законодательством КНР 451 состава преступления, 148 составов представляют собой составы корпоративных преступлений, что составляет 33 % от общего числа. Среди 148 составов корпоративных преступлений к 13 составам применяется принцип единого наказания (9 % от общего числа корпоративных составов); по 135 составам наказание назначается на основании принципа двойного наказания (91 % от общего числа). В то же время по Особой части УК КНР за совершение преступлений, предусмотренных в 114 из 148 составов корпоративных преступлений, установлено лишение свободы и денежный штраф в отношении непосредственных руководителей и других непо-

¹³ Статья 31 УК КНР гласит: «Для организаций, совершающих преступления, назначается наказание в виде штрафа, а непосредственные руководители и другие, непосредственно ответственные лица несут уголовную ответственность на общих основаниях. Если преступление подпадает под положения Особой части настоящего Кодекса или прочих законов, то Особая часть и эти законы должны иметь преимущественную силу».

¹⁴ Подробнее о принципе назначения наказания за корпоративные преступления в Китае см. Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. 2009. № 2. С. 34–35.

¹⁵ См.: Ин Минцэн, Гао Чэнся. Эмпирическое исследование преступления «Дача взятки организацией» // Форум законности. 2014. № 34. С. 279–281.

¹⁶ См.: Там же. С. 280.

средственных ответственных лиц (77 % от общего числа корпоративных преступлений). По 34 составам корпоративных преступлений к физическим лицам применяется лишь лишение свободы, назначение денежного штрафа не предусмотрено (23 % от общего числа корпоративных составов)¹⁷.

В целом УК КНР предусматривает за совершение корпоративных преступлений наказания в виде лишения свободы и денежного штрафа. Кроме того, для корпоративных преступлений в основном применяется принцип двойного наказания (организации и ее должностных лиц).

Библиография:

1. Дин Муинь. Актуальные и дискуссионные проблемы применения Уголовного кодекса. — Пекин: Юрид. изд-во, 1998.
2. Ин Минцэн, Гао Чэнся. Эмпирическое исследование преступления «Дача взятки организацией» // Форум законности. — 2014. — № 34.
3. Ли Хун. Некоторые проблемы о корпоративном преступлении // Правовые и коммерческие исследования. — 2003. — № 4.
4. Кан Шухуа, Ян Чжэ. Новый курс уголовного права. — Пекин: Изд-во китайской демократии и законности, 1997.
5. Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. — 2009. — № 2.
6. Хоу Гоюнь и др. Анализ и применение сложных вопросов в новом Уголовном кодексе. — Пекин: Изд-во китайской прокуратуры, 1998.
7. Хэ Цзехун. Исследование корпоративного преступления // Современное право. — 1998. — № 1.
8. Чжан Мингэ. Уголовное право. — Пекин: Юрид. изд-во, 1997.
9. Чжэн Вэй. Новое уголовное право. — Пекин: Юрид. изд-во, 1998.
10. Чэнь Синлянь. Комментарий к Уголовному кодексу КНР. — Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та общественной безопасности, 1997.
11. Ян Чуньси. Китайское уголовное право. — Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 1998.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2014 г.

CORPORATE CRIME IN CHINESE CRIMINAL LAW

Pang Dunmei — Doctor of Law, Professor of the Law Institute of the Heilongjian University, Head of the Research Center for the Russian Law.

[pangnaja@mail.ru]

150080, People's Republic of China, Heilongjian Province, Harbin, Nangang District, Xuefu Road, 74.

Review. *Corporate crime, which is called a crime committed by a legal entity in criminal law theory is a crime committed in the interests or in the name of an organization. It is a special form of crime, and it differs from a crime committed by a natural person. In this article based upon the provisions of the Criminal Code of the People's Republic of China, the author shall view definition and classification of corporate crimes, the elements of a corporate crime and the relevant judicial practice.*

Keywords: *China, Criminal Code of China, corporate crime (crime committed by a legal entity), classification of corporate crimes, elements of a crime, reflections in the legislation, criminal responsibility, judicial practice, assigning punishment.*

Bibliography:

1. Ding Muing. Topical and debatable issues of application of the Criminal Code. Beijing. Yurid. izd-vo, 1998.
2. In Mingzhen, Gao Chenxia. Empiric study of crime: bribe by an organization // Forum zakonnosti. — 2014. — № 34.
3. Li Hong. Some issues of corporate crime // Legal and commercial studies. — 2003. — № 4.
4. Kang Shuhua, Yang Zhe. New course of Criminal Law — Beijing: Izd-vo kitayskoy demokratii i zakonnosti, 1997.
5. Pang Dunmey. Theory of criminal responsibility of legal entities in the People's Republic of China // Ugolovnoe pravo. — 2009. — № 2.
6. Hou Goyun, et. al. Analysis and application of complicated matters in the new Criminal Code. — Beijing: Izd-vo kitayskoy prokuratury, 1998.
7. He Zehong Studying corporate crime // Sovremennoe pravo. — 1998. — № 1.
8. Zhang Minghe. Criminal law. — Beijing: Yurid. izd-vo, 1997.
9. Zhen Wei. New criminal law. — Beijing: Yurid. izd-vo, 1998.
10. Chen Hingliang. Commentary to the Criminal Code of the People's Republic of China. — Beijing.: Izd-vo Kitayskogo narodnogo un-ta obshchestvennoy bezopasnosti, 1997.
11. Yang Chongxi Chinese criminal law. — Beijing: Izd-vo Pekin.un-ta, 1998.

¹⁷ См.: Ван Чунь. Творческий замысел о пенитенциарной системы к корпоративному преступлению нашей страны. 2014. № 1. С. 67.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.Н. Малеина*

ДОГОВОРЫ О ЦЕЛЕВОМ ПРИЕМЕ И ЦЕЛЕВОМ ОБУЧЕНИИ**

Аннотация. Исследуются два взаимосвязанных договора в сфере образования, направленные на организацию обучения. Договор о целевом приеме квалифицируется как гражданский договор об оказании услуг. Его предмет составляют действия государственного органа (или определенной организации) по отбору и направлению граждан для участия в конкурсе на целевые места, по организации практики в соответствии с учебными планами, а также действия образовательной организации по обеспечению целевого приема и обучения граждан. Доказывается необходимость закрепления в законе таких существенных условий договора о целевом приеме, как количество граждан, которые могут быть приняты образовательной организацией в рамках целевого приема, а также сведения о направлениях деятельности органа. Предмет договора о целевом обучении видится в действиях органа по организации учебной, производственной, преддипломной практики гражданина и по его трудоустройству в соответствии с полученной квалификацией, а также в действиях гражданина по целевому обучению и последующему трудоустройству. Предлагается применять расширительное толкование оборота «неисполнение гражданином обязанности по трудоустройству».

Ключевые слова: образование, организация обучения, договор о целевом приеме, договор о целевом обучении, договор об оказании услуг, ученический договор, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».

Договоры, направленные на организацию обучения, предшествуют реализации образовательных услуг. Их целевое назначение — организация будущих договорных связей образовательной организации и обучающегося. К группе договоров, направленных на организацию обучения, можно отнести договор о целевом приеме и договор о целевом обучении.

Договор о целевом приеме

Договор о целевом приеме раскрывается в п. 3 ст. 53, ст. 56, п. 5 ст. 100 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»¹ (далее — Закон об образовании), Правилах заклю-

чения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении от 27.11.2013 № 1076². Отдельные образовательные организации принимают специальные локальные акты: Положение о целевом приеме, Правила заключения договора о целевом приеме.

Договор о целевом приеме заключается между организацией, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, и федеральным государственным органом: органом государственной власти субъекта РФ, органом местного самоуправления, государственным (муниципальным) учреждением, унитарным

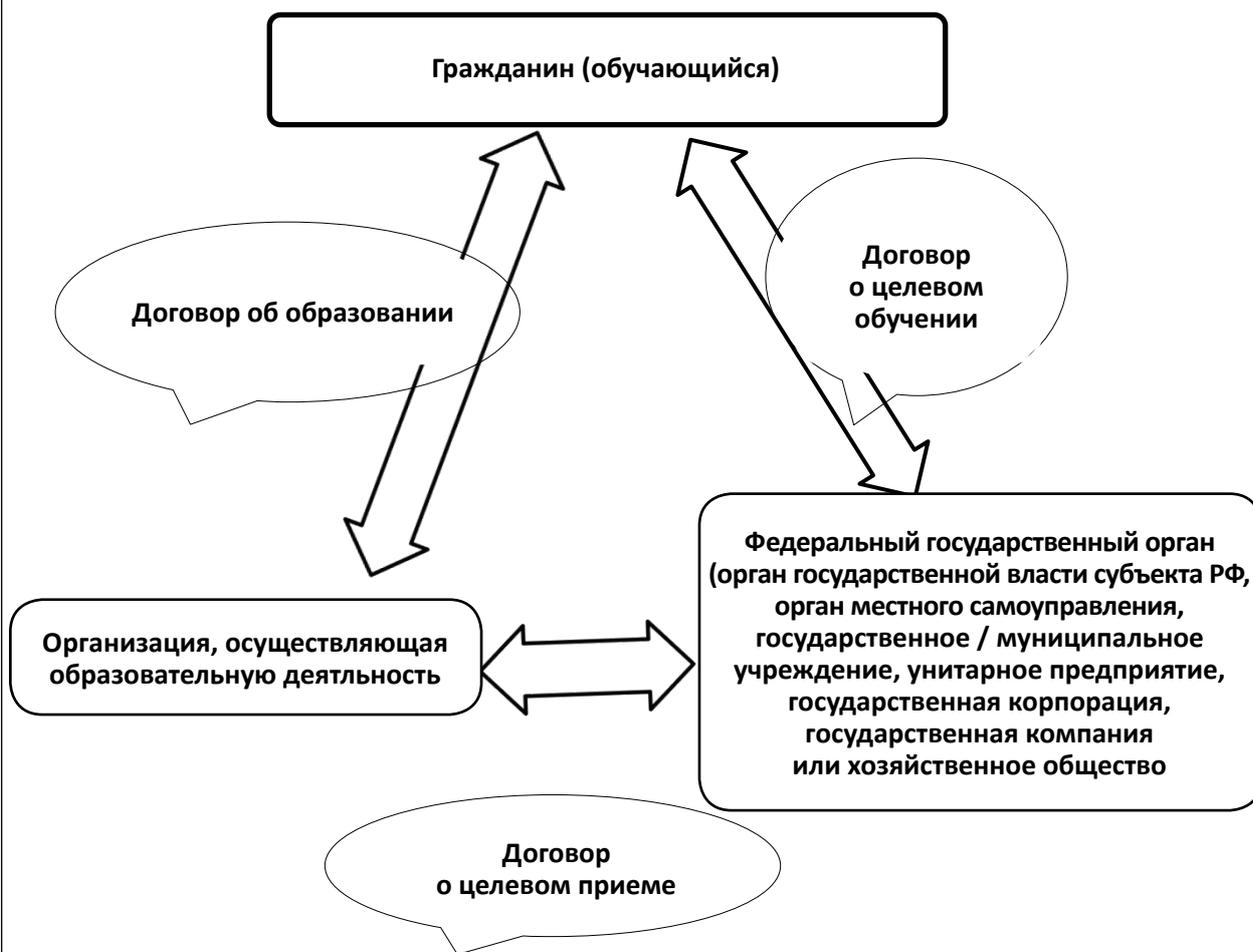
¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6279.

© Малеина М.Н., 2015

* Малеина Марина Николаевна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ. [civil_law_msai@mail.ru] 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

** Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», проект НИР «Новые договорные конструкции и реформирование классических договорных моделей в условиях перехода к инновационной экономике», проект № 2.1.1.4. Информационно-правовая поддержка СПС «КонсультантПлюс».

предприятием, государственной корпорацией, государственной компанией или хозяйственным обществом, в уставном капитале которого присутствует доля РФ, субъекта РФ или муниципального образования (далее — органом)³. Например, в целях подготовки специалистов для работы в органах государственной власти и органах местного самоуправления Нижегородской области заключается договор о целевом приеме между организацией, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, и органом государственной власти или органом местного самоуправления Нижегородской области.

Договор о целевом приеме заключается в простой письменной форме. В постановлении Правительства РФ от 27.11.2013 № 1076 определен следующий порядок заключения этого договора.

Орган направляет в образовательную организацию предложение в письменной форме о заключении договора о целевом приеме, содержа-

щее сведения о количестве граждан, подготовку которых необходимо осуществить по направлениям подготовки и специальностям в рамках целевого обучения для органа или организации, а также сведения о направлениях деятельности органа.

Образовательная организация в течение 10 календарных дней со дня получения предложения в письменной форме о заключении договора о целевом приеме в письменной форме сообщает органу о своем согласии на заключение договора о целевом приеме и информирует орган о количестве граждан, которые могут быть приняты образовательной организацией в рамках целевого приема, или об отказе в заключении договора о целевом приеме в связи с отсутствием по соответствующей специальности или направлению подготовки контрольных цифр приема граждан на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

При получении от образовательной организации согласия на заключение договора о целевом приеме орган в течение 5 календарных дней со дня его получения направляет образовательной организации подписанный проект договора о целевом приеме и список граждан, изъявивших желание участвовать в целевом приеме, определенных органом самостоятельно.

³ Не обоснован и не соответствует нормативным актам вывод о том, что договор о целевом приеме заключается между образовательной организацией и гражданином, поступающим на обучение. См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в РФ» (постатейный) / Н.С. Волкова, Ю.А. Дмитриев, О.Ю. Еремина и др. М.: Деловой двор, 2013. (автор комментария: А.А. Кирилловых).

Образовательная организация подписывает проект договора о целевом приеме в течение 5 календарных дней со дня его получения.

Такой порядок заключения подтверждает волю каждой стороны, направленную на возникновение правоотношения с определенными условиями.

Договор о целевом приеме предшествует заключению договора об образовании по образовательным программам высшего образования (в бакалавриате, в магистратуре, специалитете) или договора о подготовке кадров высшей квалификации и способствует исполнению договора о целевом обучении.

Закон называет существенными условиями договора о целевом приеме «обязательства организации, осуществляющей образовательную деятельность, по организации целевого приема гражданина, заключившего договор о целевом обучении»; «обязательства органа по организации учебной и производственной практики гражданина, заключившего договор о целевом обучении» (п. 5 ст. 56).

На наш взгляд, существенным условием должно быть также признано согласование количества граждан, которые могут быть приняты образовательной организацией в рамках целевого приема, а также сведения о направлениях деятельности органа, поскольку без этой информации невозможно проводить организацию целевого приема и обучения.

Исходя из Типовой формы договора о целевом приеме, орган обязан:

а) осуществлять отбор и направление граждан, заключивших договор о целевом обучении, к исполнителю для участия в конкурсе на целевые места, проводимом в рамках квоты целевого приема;

б) организовать прохождение гражданами, заключившими договор о целевом обучении и принятыми на целевые места по конкурсу, проводимому в рамках квоты целевого приема, практики в соответствии с учебными планами исполнителя.

Образовательная организация обязана организовать целевой прием граждан, заключивших договор о целевом обучении с заказчиком, в рамках квоты целевого приема. Для этого образовательная организация проводит отдельный конкурс. Количество целевых мест не может быть увеличено в ходе приема документов, вступительных испытаний и зачисления. Количество и порядок проведения вступительных испытаний при поступлении на целевые места являются одинаковыми с количеством и порядком проведения вступительных испытаний при поступлении на общих основаниях на направления подготовки (специальности) соответствующего профиля. Все процедуры по целевому приему

оформляются протоколами заседаний приемной комиссии.

В обязанности образовательной организации входит обязанность принять на целевые места граждан, заключивших договор о целевом обучении и прошедших конкурс, проводимый в рамках квоты целевого приема.

В Положении о целевом приеме в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» в 2014 г. закреплено достаточно распространенное для локальных актов образовательных организаций правило о том, что лица, не прошедшие по конкурсу на целевые места, могут на основании имеющихся результатов ЕГЭ и результатов дополнительных вступительных испытаний участвовать в общем конкурсе на любые формы получения образования.

В Правилах приема на целевые места в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ) в 2014 г. вводится уточнение о том, что не прошедшие по конкурсу на целевые места, могут участвовать в общем конкурсе на любые формы получения образования в случае, если они указали это при подаче заявления о приеме в установленные сроки.

Образовательная организация обязана обеспечить необходимые условия для подготовки граждан, заключивших договор о целевом обучении и обучающихся по образовательным программам высшего образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами, а также с учетом новейших достижений науки и техники. Студенты, зачисленные по целевому приему, обучаются в академических группах вместе со студентами, зачисленными по общему конкурсу.

К информационным обязанностям образовательной организации относятся: представить по письменному запросу заказчика информацию об успеваемости граждан, заключивших договор о целевом обучении; письменно известить заказчика в течение 10 календарных дней о невыполнении гражданином, заключившим договор о целевом обучении, требований образовательной программы, о его переводе на обучение по иной образовательной программе, отчислении, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для исполнения настоящего договора.

Образовательная организация должна обеспечить направление граждан, заключивших договор о целевом обучении, в организацию,

указанную в договоре о целевом обучении, для прохождения практики.

Исходя из терминологии Типовой формы договора о целевом приеме (где стороны договора названы «заказчик» и «исполнитель») можно предположить, что законодатель по юридической природе договор о целевом приеме квалифицирует как договор об оказании услуг. Соответственно, предмет этого договора следует уточнить с учетом содержания прав и обязанностей сторон: его составляют действия органа по отбору и направлению граждан для участия в конкурсе на целевые места, по организации практики в соответствии с учебными планами, а также действия образовательной организации по обеспечению целевого приема и обучения граждан, заключивших договор о целевом обучении.

Анализ условий, обязанностей, порядка заключения этого договора дает основание сформулировать следующее определение. По договору о целевом приеме государственный орган (орган местного самоуправления, определенная в законе коммерческая или некоммерческая организация) обязуется организовать отбор и направление граждан для участия в конкурсе на целевые места, предоставить сведения о направлениях своей деятельности, а в дальнейшем обеспечить прохождение практики граждан, заключивших договор о целевом обучении, в соответствии с учебными планами, а образовательная организация обязуется организовать целевой прием определенного количества граждан, заключивших договор о целевом обучении, в рамках квоты целевого приема для получения высшего образования в объеме установленных на очередной год контрольных цифр приема граждан на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (бюджетов субъектов РФ или местных бюджетов).

Договор о целевом обучении

Договор о целевом обучении предусмотрен в п. 3 ст. 53, ст. 56 Закона об образовании, Правилах заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении от 27.11.2013 № 1076. Заключение договора о целевом обучении между федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления и гражданином с обязательством последующего прохождения государственной службы или муниципальной службы после окончания обучения осуществляется по правилам, предусмотренным Положением о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином РФ с обязательством последующего прохождения федеральной государ-

ственной гражданской службы (утвержденным Указом Президента РФ от 21.12.2009 № 1456⁴). Ранее принятое Постановление Правительства РФ от 19.06.1995 № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием» продолжает действие в отношении тех договоров, которые были заключены до 07.12.2013 (вступление в силу Постановления Правительства РФ от 27.11.2013 № 1076).

Договор о целевом обучении заключается между гражданином (или обучающимся) и федеральным государственным органом (органом государственной власти субъекта РФ, органом местного самоуправления, государственным (муниципальным) учреждением, унитарным предприятием, государственной корпорацией, государственной компанией или хозяйственным обществом, в уставном капитале которого присутствует доля РФ, субъекта РФ или муниципального образования).

Несовершеннолетний гражданин (или обучающийся) заключает договор о целевом обучении с письменного согласия родителей (законных представителей). По статусу гражданин либо только планирует поступление в рамках целевого приема либо уже обучается в вузе за счет средств федерального бюджета, но при этом поступал не в рамках целевого приема.

Практикуется проведение конкурсного отбора на право заключения договора о целевом обучении. Так, в информации, размещенной на сайте Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ правительством Ивановской области было объявлено, что победитель конкурсного отбора на право заключения договора о целевом обучении в 2014 г. с обязательством последующего прохождения государственной гражданской службы в Ивановской области должен быть гражданином РФ, имеющим среднее общее образование, успешно прошедшим конкурс баллов, полученных по результатам сдачи Единого государственного экзамена по профильным дисциплинам, и конкурс эссе на тему «Почему я хочу стать государственным гражданским служащим Ивановской области».

Согласно приказу Департамента здравоохранения г. Москвы от 04.06.2014 № 515 «Об организации целевого приема и целевого обучения»⁵, претенденты на получение целевого направления Департамента здравоохранения г. Москвы должны получать высшее профессиональное образование впервые, иметь постоянную регистрацию в Москве, работать в медицинских организациях государственной системы здравоохранения г. Москвы (средний и младший

⁴ Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6533.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

медицинский персонал); проявлять интерес к медицинской профессии (участие в работе медицинских организаций государственной системы здравоохранения г. Москвы, волонтерском движении, медицинских конференциях и др.).

Договор о целевом обучении заключается в простой письменной форме до начала целевого приема. Примечательно, что этот договор может заключаться на любом этапе освоения образовательной программы в образовательной организации.

Организирующее значение договора о целевом обучении состоит в том, что этот договор предшествует заключению договора о целевом приеме, а также — договора об образовании по образовательным программам высшего образования (в бакалавриате, в магистратуре, специалитете) или договора о подготовке кадров высшей квалификации. Правовая цель заключения договора для органа заключается в том, чтобы получить квалифицированные кадры. Так, в Типовой форме договора о целевом обучении предусмотрено даже право органа рекомендовать гражданину тему выпускной квалификационной работы. Правовая цель заключения договора для гражданина — получить необходимые условия для обучения по образовательной программе высшего образования и (или) получить работу в определенной организации.

Существенные условия договора о целевом обучении названы в п. 3 ст. 56 Закона об образовании.

Первое существенное условие — действия органа по организации учебной, производственной и преддипломной практики гражданина, а также по его трудоустройству в организацию, указанную в договоре о целевом обучении, в соответствии с полученной квалификацией, и соответственно целевое обучение гражданина и последующее трудоустройство. На наш взгляд, подобные действия составляют предмет договора о целевом обучении.

Второе существенное условие — мера или комплекс мер социальной поддержки, предоставляемые гражданину в период обучения (например, оплата платных образовательных услуг, выплата стипендии, оплата питания, проезда, предоставление в пользование и (или) оплата жилого помещения в период обучения и др.).

Поскольку в качестве одной из сторон может выступить федеральный государственный орган, орган государственной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления, а их воля получает выражение в правовом акте государственного или муниципального образования, то предварительно меры социальной поддержки формулируются в тексте правового акта, а затем переносятся в текст договора.

Например, в целях подготовки специалистов в интересах администрации Солнечного муниципального района орган местного самоуправ-

ления, организации берут на себя обязательства по предоставлению гражданам, заключившим с ними договор о целевом обучении, следующих мер социальной поддержки: обучающимся по очной форме обучения выплачивается ежемесячно стипендия в сумме 1,5 тыс. руб.; компенсируются расходы по оплате стоимости проживания в общежитии (но не более 1 тыс. руб. за календарный месяц)⁶ и т.д.

Согласно Закону Калининградской области от 03.04.2013 № 208 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий лиц, обучающихся, завершивших обучение в государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам интернатуры или ординатуры», лицам, завершившим обучение в образовательных организациях на условиях целевого приема для нужд Калининградской области, предоставляется мера социальной поддержки в виде единовременной денежной выплаты в размере 200 тыс. руб. при первом трудоустройстве в медицинские организации государственной системы здравоохранения Калининградской области в соответствии с условиями договора о целевом обучении (ст. 3)⁷.

Во избежание споров в договоре надо указать не только вид и размер социальной поддержки, но и условия, порядок предоставления. Можно поддержать детальную регламентацию, осуществленную в Положении о порядке назначения, выплаты и размере материального стимулирования студентам очной формы обучения образовательных учреждений высшего образования, обучающимся по заключенным с министерством дорожного хозяйства Калужской области договорам о целевом обучении (утвержденном Постановлением Правительства Калужской области от 18.12.2013 № 693⁸). В частности, выплата материального стимулирования студентам очной формы обучения, обучающимся по заключенным с министерством дорожного хозяйства Калужской области договорам о целевом обучении, приостанавливается при наличии задолженности по результатам экзаменационной сессии либо при отсутствии справки из образовательного учреждения об отсутствии академической задолженности по всем предметам и возобновляется с месяца, следующего за месяцем представления справки из образовательного учреждения об отсутствии академической задолженности по всем предметам.

Третье существенное условие — основания освобождения гражданина от исполнения обязательства по трудоустройству.

⁶ Постановление Администрации Солнечного муниципального района от 30.06.2014 № 110 «О мерах социальной поддержки, предоставляемых гражданам в период их обучения и заключивших договор о целевом обучении». URL: <http://www.слнрайон.рф> (дата посещения: 30.06.2014).

⁷ Калининградская правда. 2013. 13 апр.

⁸ URL: <http://www.vest-news.ru> (дата посещения: 20.12.2013).

В Типовой форме договора о целевом обучении предусмотрены следующие обязанности органа:

а) предоставить гражданину в период его обучения определенные меры социальной поддержки;

б) организовать прохождение гражданином практики в соответствии с учебным планом;

в) обеспечить в соответствии с полученной квалификацией трудоустройство гражданина в определенной организации.

В Типовой форме договора о целевом обучении обязанностями гражданина называются:

а) осваивать определенную образовательную программу;

б) представлять по требованию органа информацию о результатах прохождения промежуточных аттестаций в соответствии с учебным планом и выполнении обязанностей, предусмотренных уставом и правилами внутреннего распорядка обучающихся;

в) проходить практику, организованную органом, в соответствии с учебным планом;

г) соблюдать нормативные акты организации, в которой организовано прохождение практики в соответствии с учебным планом;

д) заключить с организацией, указанной в договоре о целевом обучении, трудовой договор (контракт) в установленный срок.

Выше было отмечено, что закон указал в качестве существенного условия по договору согласие оснований освобождения гражданина от исполнения обязательства по трудоустройству (но сами основания не перечислил). В актах субъектов РФ и муниципальных образований иногда прямо установлены основания освобождения гражданина от исполнения обязательств по трудоустройству⁹.

Чаще всего на практике в договорах такими основаниями называется: наличие заболеваний, препятствующих трудоустройству; признание гражданина в установленном порядке инвалидом I или II группы; признание одного из родителей, супруга (супруги) инвалидом I или II группы, установление ребенку гражданина категории «ребенок-инвалид», если работа по трудовому договору (контракту) предоставляется не по месту постоянного жительства родителей, супруги (супруга) или ребенка; работа по трудовому договору (контракту) предоставляется не по месту службы супруга (супруги) военнослужащего. В Договоре на целевое обучение специалиста по программам высшего профессионального образования, разработанным Башкирским

государственным медицинским университетом, дополнительными основаниями освобождения от исполнения условий по трудоустройству являются участие в боевых действиях, причинение вреда от радиационных катастроф в период исполнения договора.

Следует обратить особое внимание на последствия неисполнения договора о целевом обучении. Несмотря на общую тенденцию укрепления частных начал в гражданском праве и сокращения оснований вмешательства государства в договорные отношения, Закон об образовании установил штрафные санкции для сторон за ненадлежащее исполнение обязанностей. Гражданин, не исполнивший обязанности по трудоустройству, возмещает органу в полном объеме расходы, связанные с предоставлением ему мер социальной поддержки, а также выплачивает штраф в двукратном размере относительно указанных расходов. Орган в случае неисполнения обязательства по трудоустройству гражданина выплачивает ему компенсацию в двукратном размере расходов, связанных с предоставлением ему мер социальной поддержки.

При буквальном толковании оборота «неисполнение обязанности по трудоустройству» под ним, прежде всего, понимается отказ от трудоустройства в определенную организацию по окончании обучения или прекращение трудового договора с соответствующей организацией до истечения оговоренного срока. Однако, очевидно, требуется применять расширительное толкование, в силу которого все ситуации (например, отказ студента от продолжения обучения на 2-м курсе), которые приводят к неисполнению обязанности трудоустроиться (если не подпадают под основания освобождения от исполнения этой обязанности), влекут предусмотренные законом санкции.

С учетом основных обязанностей сторон по договору можно сформулировать следующее определение этого договора. По договору о целевом обучении гражданин обязуется освоить определенную образовательную программу высшего образования, пройти государственную итоговую аттестацию по указанной образовательной программе и заключить трудовой договор (контракт) с определенной организацией в соответствии с полученной квалификацией, а орган осуществляет контроль за освоением образовательной программы и обязуется предоставить гражданину меры социальной поддержки, организовать прохождение практики в соответствии с учебным планом, обеспечить трудоустройство в определенную организацию.

Договор о целевом обучении по содержанию имеет сходство с ученическим договором (гл. 32 ТК РФ).

Однако имеются и существенные отличия. Ученичество организуется в форме индивиду-

⁹ См., например: Постановление Исполкома муниципального образования г. Казани от 31.03.2014 № 1729 «О подготовке кадров по договорам целевого обучения» // Сборник документов и правовых актов муниципального образования города Казани. 2014. № 13.

ального, бригадного, курсового обучения и в иных формах.

Поэтому в первоначальной редакции ТК РФ ученический договор с лицом, ищущим работу, прямо объявлялся гражданско-правовым (к которому применяются нормы гражданского законодательства и иные акты, содержащие нормы гражданского права), а ученический договор с работником организации-работодателя считался дополнительным к

трудовому договору и регулировался трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового договора (ч. 2 ст. 198).

В ныне действующей редакции осталось упоминание об ученическом договоре с работником организации-работодателя как дополнительным к трудовому договору. Указание на гражданско-правовую природу другого вида ученического договора было исключено.

Библиография:

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) / Н.С. Волкова, Ю.А. Дмитриев, О.Ю. Еремина и др. — М.: Деловой двор, 2013. — 440 с.

Материал поступил в редакцию 5 ноября 2014 г.

CONTRACTS FOREMLOYER-SPONSORED ADMITTANCE AND EMPLOYER-SPONSORED EDUCATION

Maleina, Marina Nikolaevna — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.

[civil_law_msal@mail.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review. *The author studies two interrelated contracts in the sphere of education, which are directed at organizing education. The contract for employer-sponsored admission contract is a civil law contract on provision of service. Its object concerns the actions of the state body or an organization on selection and recommending persons for participation in the contest for sponsored positions, organization of practice according to the curriculum, as well as the actions of the educational organization on guaranteeing sponsored admission and education for persons. The author proves necessity for legislative provisions for the essential clauses of contract on sponsored admission, such as quantity of persons, who may be admitted for studies in an educational organization within the sponsored admission system, as well as information on the spheres of activities of the body. The object of contract on sponsored education is seen in the activities of the body on the organization of educational, industrial or pre-diploma practice of a person and his further employment. It is offered to use a wider interpretation for the term «non-compliance by a person with the obligation to be employed».*

Keywords: *education, education organization, contract for sponsored admission, contract for sponsored education, contract for services, apprenticeship contract, Federal Law «On Education in the Russian Federation».*

Bibliography:

1. Scientific and practical commentary to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» (clause-by-clause) / Volkova, N.S., Dmitriev, Y.A., Eremina, O.Y., et. Al — Moscow: Delovoy dvor, 2013. — 440 p.

О.А. Плоцкая*

РЕПЛИКАЦИЯ ОБЫЧНО-ПРАВОВЫХ НОРМ КОМИ (ЗЫРЯН) КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

***Аннотация.** В статье представлен анализ зырянских обычно-правовых норм, регулировавших воспитательный процесс. Целью настоящей работы является изучение обычно-правового опыта коми (зырян) в этно-воспитательном процессе, а также возможности применения обычно-правовых особенностей в современном воспитательном процессе в условиях реформирования системы российского образования и формирования компетентностного подхода. В качестве предмета исследования выступают обычно-правовые нормы, традиционные воззрения и установления, регулировавшие этно-воспитательный процесс у коми (зырян). Методологическую основу исследования составляет социологическая феноменология, раскрывающая восприятие индивидом мира через призму сложившихся в практическом мире субъективных представлений и значений. Среди методов, применяемых в настоящей работе, необходимо выделить следующие: историко-правовой, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, системный, социально-правовой. Кроме того, в качестве основных принципов теоретико-правового анализа обычно-правовых аспектов этно-воспитательного процесса у коми (зырян) применяются методологические разработки современной педагогики, психологии, социологии, этнологии. В статье представлено исследование роли обычно-правовых норм в правовом воспитании у коми (зырян) в XIX — начале XX вв. Отдельное внимание уделяется синкретизму зырянского обычно-правового опыта и инновациям в современном воспитательном процессе. На основе работ этнографов, этнолингвистов, разработок социальной психологии, педагогики, истории права в настоящем исследовании будет произведена реконструкция генезиса и репликации особенностей обычно-правового регулирования этно-воспитательного процесса у коми (зырян). В результате автором выделены особенности юридических воззрений коми (зырян) в этно-воспитательном процессе. На основе обычно-правового опыта предложена авторская концепция воспитательной системы, включающая набор коллективных дел, направленных на реализацию воспитательных мероприятий и выработку компетентностного подхода. Автором предложен также и план действий по реализации системы коллективных дел в современной студенческой группе. Отдельного внимания заслуживают также индикаторы реализации системы воспитательной работы в студенческой группе и соответственно рефлексия уровня сформированности компетенций в виде количественных и качественных показателей. Новизна данной научной работы состоит в том, что она является самостоятельным*

© Плоцкая О.А., 2015

* Плоцкая Ольга Андреевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права и основ правоведения Сыктывкарского государственного университета.

[olga.plockaya@mail.ru]

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55.

** Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 14-13-11001 «Этно-правовой мир коми (зырян)».

научным исследованием общетеоретических и историко-правовых, психолого-педагогических аспектов генезиса и развития обычно-правового регулирования этно-воспитательного процесса у коми (зырян) и применения опыта прошлого в современном образовательном процессе. Сегодня в России результаты данного исследования могут быть применены в системе российского образования, что обуславливает также и ее новизну.

Ключевые слова: обычно-правовые нормы, правовое воспитание, коми (зыряне), инновации, этно-воспитательный процесс, компетенции, образовательный процесс, ФГОС, репликация, юридические обычаи.

Исследование роли обычно-правовых норм в этно-воспитательном процессе народов, проживающих на территории РФ, в современных условиях политических, правовых, экономических, социальных преобразований представляется все более актуальным. Юридические обычаи, формировавшиеся в обществе на протяжении многих веков, являлись традиционными регуляторами процесса обеспечения жизнедеятельности общества, и в том числе этно-педагогического процесса.

Изучение обычно-правовых норм в этно-воспитательном процессе особенно актуально сегодня в условиях реформирования системы российского образования и формирования компетентностного подхода.

Обычно-правовые нормы в этно-воспитательном процессе сложились в результате многократного и единообразного повторения однотипного варианта поведения и постепенно приобретали статус обязательного правила, которое обеспечивалось социальным (общественным) принуждением.

Специальное комплексное изучение, посвященное репликации обычно-правовых норм коми (зырян) как условию реализации современного воспитательного процесса, не составляло самостоятельного предмета исследования ни диссертационных, ни монографических научных трудов. Однако некоторые аспекты объекта исследования неоднократно находились в центре внимания различных ученых досоветского, советского и современного периодов.

В дореволюционной российской литературе¹ особенности обычно-правовых норм и традиционных воззрений у коми (зырян) в воспитательном процессе рассматривались, как правило, применительно к промысловому праву, общинно-земельным и брачно-семейным отношениям.

В отечественной историографии советского и современного периода практически нет специаль-

ных юридических исследований, посвященных рассматриваемой теме. Отдельные работы² частично касались ряда проблем развития этно-педагогики, практики воспитания в зырянской семье, роли обычаев и традиций как элемента жизненного уклада зырянской семьи. Однако данная проблема прежде не подвергалась отдельному научному анализу, что обосновывает необходимость проведения исследования в означенной сфере.

Рассмотрим условия реализации этно-воспитательного процесса у конкретного народа — коми (зырян), то есть носителя обычно-правовой информации, которая формировалась и передавалась из поколения в поколение.

В воспитательном процессе младшее поколение, постепенно становясь носителем информации, усваивало не только необходимые знания и практический опыт, но и обычно-правовые нормы, регулировавшие различные сферы общественной крестьянской жизни.

Одним из основополагающих аспектов народной педагогики было трудовой воспитание.

Воспитание трудолюбия как базовой черты характера, которая не даст пропасть в будущей жизни, крестьяне считали едва ли не самой главной своей задачей, поскольку именно в процессе приобщения к трудовой деятельности ребенок не только приобретал необходимые навыки в сфере жизнеобеспечения, но и осознавал значимость и необходимость глубокого овладения многовековым опытом.

Таким образом, осознавая роль и значение труда как жизненной необходимости, детей достаточно рано начинали приобщать к разным видам трудовой деятельности.

Применяя индивидуальный подход с самого раннего возраста, ребенка готовили к будущей трудовой деятельности, опираясь на существовавшие зырянские обычаи и традиции. Традиционное зырянское обучение младшего поколения проходило совместно со взрослыми, как правило, чаще всего — в несловесной форме.

С раннего возраста — 4–5 лет мальчиков и девочек приучали сидеть на лошади верхом. Девочки

¹ См.: Арсеньев Ф.А. Зыряне и их охотничьи промыслы // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX в. / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2010. С. 42–52; Берг Ф. Заметки о зырянах // Вятские губернские ведомости. 1854. № 29; Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. 1906. Вып.1. С. 1–54; Волков Н. Удорский край. Этнографический очерк // Вологодские губернские ведомости. 1879. № 34; Труды экспедиции по исследованию земель Печерского края Вологодской Губернии: в 2 т. / общ. ред. П.И. Соколова. Т. I. СПб.: б.и., 1909 и др.

² См.: Мудрик А.В. Социальная педагогика. М.: Инфра-М, 1999; Конаков Н.Д. Охотничьи артели у коми // Труды Института языка, литературы и истории. 1978. № 20: Традиционная культура и быт народа коми. С. 16–28; Краева И.Ю. Традиционная коми семья: особенности воспитания. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010 и др.

уже с 6–7 лет привлекались матерями в помощь при уборке жилых помещений, приготовлении пищи, уходе за младшими детьми.

Мальчиков 8–9 лет приобщали к охотничьей культуре, рыболовному промыслу. К 14 годам промысловое обучение у коми (зырян) практически заканчивалось, и с 16 лет, достигнув полной правоспособности в соответствии с нормами обычного права, молодые охотники отправлялись на дальний промысел.

Параллельно с трудовым профессиональным обучением зырянская молодежь постигала и основы обычно-экологических норм, а также уважительное отношение к природе, способствовавшее экономному расходованию ее биоресурсов.

В связи с этим у коми (зырян) существовал своеобразный «экологический кодекс», обычно-правовые нормы которого предписывали бережное отношение к экологическим ресурсам: к природе необходимо относиться как к живому существу; от природы можно взять лишь столько, сколько необходимо человеку для жизни; нельзя оставлять незатушенным костер в тайге, чтобы не нанести ущерб ее богатству или человеку; нельзя загрязнять воду отходами от добычи; при рубке деревьев на постройку помещения нормы обычного зырянского права запрещали валить лишнее дерево; при охоте нельзя было убивать лишнюю добычу и т.д. «Меня дед учил охоте. Он часто говорил: “Леса лишнего не руби, свежий лес не трогай”. Я один раз срубил около охотничьей избушки дерево — оказалось, мешает, так он меня долго ругал»³; «Даром не загубит птицы»⁴. Подобное бережное отношение к биоресурсам было связано с тем, что коми (зыряне) понимали особую важность той роли, которую играли лес, река, водные и лесные биоресурсы в их повседневной жизни, что, в свою очередь, культивировалось в обычном праве и передавалось из поколения в поколение. «Для зырянина лес — стихия, взрастившая его, воспитавшая и продовольствующая»⁵. Такие обычно-правовые установки долгое время подкреплялись существовавшими у коми (зырян) верованиями в идолов, духов, которых они почитали, приносили им подношения, учили детей почитать. Нарушение подобного обычая, по убеждению аборигенного населения, могло привести к серьезным негативным последствиям вплоть до потери удачи на охоте. «Почтение к идолам было в высшей степени, несмотря на их многочисленность <...> приносили им в жертву дорогие шкуры пушных зверей <...> Эти приношения считались собственностью идолов и, по

продаже, употреблялись на их украшение. Никто не смел пользоваться ими, из опасения лишиться благоденствий, или, что всего несчастнее, быть неудачным стрелком»⁶. Сращивание обычно-правовых норм с языческими представлениями также передавалось в процессе воспитания молодежи.

Подрастающее мужское поколение обучали обычно-промысловым нормам, или промысловой морали, сохранявшейся в виде неписанных норм, имевших обязательное значение для каждого коми-промысловика. Нормы промысловой морали включали в себя не только моральный кодекс, но и обычно-правовые нормы, регулировавшие различные вопросы. К ним относились: правила поведения в лесу во время охоты, на реке во время артельного лова рыбы; права и обязанности охотника или рыбака при коллективном артельном промысле и т.д. Промысловая мораль также включала и вырабатываемое с детства уважение к частной собственности. Это целый комплекс правил, обязывающих охотников к взаимовыручке, честности при разделе добычи, достойному поведению в промысловом коллективе.

Однако наряду с трудовым воспитанием коми (зыряне) большое внимание придавали и физическому воспитанию. «Прежде всего, активнее происходило развитие физических способностей детей и подростков, что благотворно сказывалось на овладении исконными промыслами. Веками выработанные обычаи воспитания в полной мере соответствовали всесторонней подготовке искусного промысловика — кормильца семьи»⁷.

Воспитательный процесс у коми (зырян) в XIX — начале XX вв. основывался не только на обычно-правовых нормах, но и на религиозных воззрениях. Постепенно подростки включались в религиозные обряды.

Народные представления у коми (зырян) о воспитательном процессе напрямую были связаны с существованием семьи и отражались в обычно-правовых воззрениях и в национальном фольклоре: «одно дерево — не бор; если дерево не пустит корней глубоко, то и не поднимется высоко и др.»⁸.

Сегодня необходимо знакомить подрастающее поколение с правовым опытом и традициями, образами и идеалами поведения народа в прошлом, где уровень защищенности отдельно взятой личности и, соответственно, уровень правовой культуры являлся достаточно высоким.

³ Чудество. URL: http://chudetstvo.ru/detskaya_ploschadka/stixi-i-skazki/narodnye/2697-poslovicy-i-pogovorki-naroda-komi.html (дата посещения: 31.01.2013).

⁴ Волков Н. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Арсеньев Ф.А. Зыряне и их охотничьи промыслы // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX в. / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2010. С. 11.

⁷ Берг Ф. Заметки о зырянах // Вятские губернские ведомости. 1854. № 29.

⁸ URL: http://chudetstvo.ru/detskaya_ploschadka/stixi-i-skazki/narodnye/2697-poslovicy-i-pogovorki-naroda-komi.html (дата посещения: 31.01.2013).

Таким образом, необходимо отметить, что обычно-правовые нормы и традиционные воззрения, формировавшиеся на протяжении веков, нельзя предавать забвению. Возрождение обычно-правовых традиций невозможно без пересмотра устоявшегося отношения к обучению и воспитанию детей. Накопленный богатый этно-воспитательный опыт должен быть сегодня использован в реформировании системы российского образования. Формированию общекультурных и профессиональных компетенций современных обучающихся будет способствовать изучение обычного этнического права в традиционных обществах и применение его элементов на практике. Так, например, выработке таких общекультурных и профессиональных компетенций, содержащихся в ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция (Квалификация (степень) «Бакалавр») утвержденным Приказом Министерства образования и науки РФ от 04.05.2010 № 464, как:

- ОК-1 — осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание достаточным уровнем профессионального правосознания;
- ОК-6 — наличие нетерпимого отношения к коррупционному поведению, уважительного отношения к праву и закону;
- ПК-11 — способность осуществлять предупреждение правонарушений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению;
- ПК-4 — способность принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом, способствовало бы изучение обучающимися правовых обычаев коми (зырян), запрещавших посягать на чужое имущество, оставленное без присмотра. Также выработке профессиональных компетенций, таких как:
 - ПК-2 — способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры;
 - ПК-19 — способность эффективно осуществлять правовое воспитание, позволило бы ознакомление обучающихся с обычно-правовыми традициями коми (зырян), применявшимися в трудовом воспитании детей и приучении их с раннего детства к разделению труда.

Пробуждение интереса к будущей профессии путем выработки мотивации обучающихся, закрепление уважения к традиционным занятиям населения и реальная наглядность с использованием интерактивных методик, в том числе и демонстрации, позволяющей обучающимся приобщаться к профессиональной деятельности, уже сегодня являются этапами образова-

тельного процесса и должны реализовываться в процессе обучения и воспитания. Однако нечасто субъекты образовательного процесса задумываются над тем, что все эти элементы основываются на обычно-правовых и традиционных воззрениях выработанных народным правом.

Таким образом, воспитательный процесс в прошлом у коми (зырян) зиждился на:

- трудовом воспитании;
- промысловом обучении (приобщении молодых парней к охотничьей и рыболовной культуре), то есть приобщении к профессиональной деятельности;
- правовом воспитании (изучении подрастающим поколением обычно-экологических норм, обычно-промысловых норм);
- системе табу;
- физическом воспитании;
- религиозных воззрениях;
- семейных ценностях.

Поэтому, используя опыт обычного этнического права коми (зырян), автором была разработана концепция воспитательной системы в современной студенческой группе, в которой обычно-правовые нормы синкретизированы с инновациями и интерактивными формами работы.

Предлагаемая концепция воспитательной системы включает в себя цель и задачи, представленные в *табл. 1*, систему коллективных дел, направленную на реализацию воспитательных мероприятий, в *табл. 2*, а также план действий, включающий воспитательный мероприятия, в *табл. 3*.

В данной концепции воспитательной системы в студенческой группе учитываются требования ФГОС. В частности, согласно п. 7.2. ФГОС на вуз возлагается обязанность создания социокультурной среды и условий, необходимых для всестороннего развития личности.

Важным итогом проводимой воспитательной работы является достижение в результате основной цели, то есть создание развивающейся активной молодежной среды в студенческой группе, готовой к социальному партнерству с различными структурными подразделениями вуза, и иными организациями и органами государственной власти.

Индикаторами реализации системы воспитательной работы в студенческой группе и, соответственно, рефлексией уровня сформированности компетенций будут являться: *количественные показатели* (количество студенческих инициатив, направленных на образование традиций группы, проведение праздников; количество студентов первого курса, посещающих тренинги, проводимые куратором совместно со старшекурсниками; количество студентов первого курса, участвующих в проведении студенческих научных конференций; количество

Таблица 1

Таблица 2

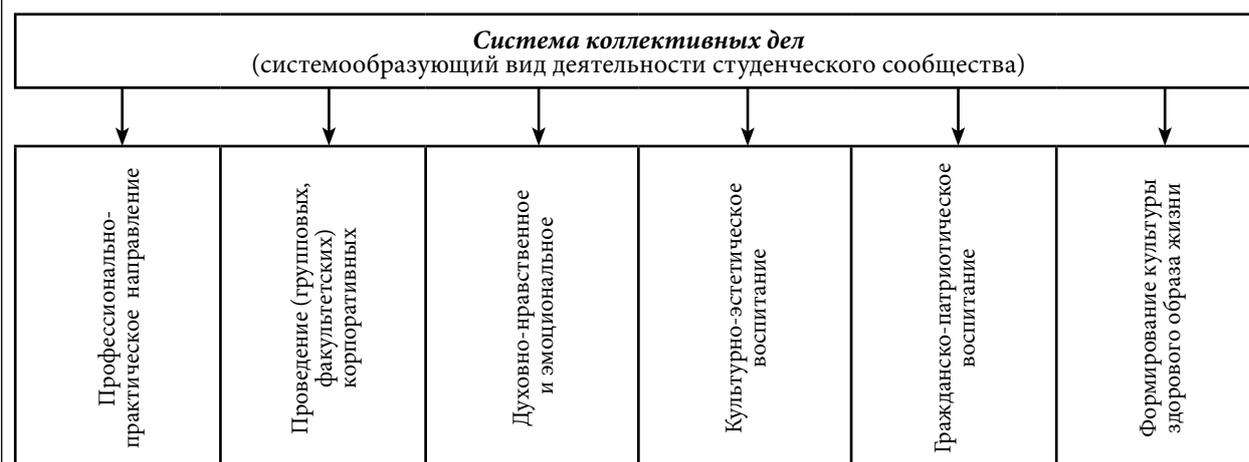

Таблица 3

План действий по реализации системы коллективных дел

№	Воспитательные мероприятия	Вырабатываемые компетенции в соответствии с требованиями ФГОС	Доставленные задачи	Реализация коллективно-творческих мероприятий
1.	Знакомство с вузом и налаживание информационной связи с родителями (опекунами): – торжественная линейка «Здравствуй университет»; – игра по станциям «Дозор»; – посещение университетского музея; – день первокурсника; – проведение родительского собрания.	ОК-1	– вырабатывается социальная, национальная, половая, расовая, религиозная, межличностная терпимость; – выработана готовность к интеграции; – вовлечены студенты в активную университетскую жизнь; – создается корпоративная культура в группе.	– проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий; – культурно-эстетическое воспитание; – духовно-нравственное и эмоциональное воспитание.

2.	Цикл тренингов, проводимых куратором совместно со старшекурсниками: – проведение анкетирования с целью изучить интересы группы; – выбор актива группы и распределение функций между студентами; – формирование обще учебных навыков; – налаживание контроля успеваемости.	ОК-1; ОК-5; ОК-7	– «пробужден» интерес к профессии; – сформирован сплоченный коллектив; – выработана готовность к интеграции; – «научили учиться»; – информировали о потенциальных возможностях вуза; – создали студенческий актив группы.	– профессионально-практическое направление; – проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий.
3.	Участие в спартакиаде и спортивных мероприятиях: – университетские, межвузовские спортивные соревнования; – ежегодные республиканские лыжные гонки; – спортивные соревнования по секциям.	ОК-14	– сформирован сплоченный коллектив; – выработана готовность к интеграции; – вовлечены в активную университетскую жизнь.	– проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий; – гражданско-патриотическое воспитание; – формирование культуры здорового образа жизни.
4.	Выработка культуры здорового образа жизни студентов: – проведение бесед с сотрудниками Федеральной службы по борьбе с наркотиками; – проведение бесед с сотрудниками некоммерческой организации Центр «Возрождения» по проблемам СПИДа; – организация участия студентов в круглом столе посвященного проблемам наркомании; – проведение дня здоровья; – проведение дня донора.	ОК-14	– сформирован сплоченный коллектив; – выработана готовность к интеграции; – вовлечены в активную университетскую жизнь; – повышается нравственность и формируются ценностные ориентиры.	– гражданско-патриотическое воспитание; – формирование культуры здорового образа жизни.
5.	Взаимодействие с практиками-профессионалами: – мастер-классы; – экскурсии в органы государственной власти; – встречи с практикующими профессионалами; – проведение круглых столов.	ОК-6; ОК-10; ПК-1; ПК-4; ПК-7	– «пробужден» интерес к профессии; – «научили учиться»; – создали студенческий актив группы.	– профессионально-практическое направление; – проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий – гражданско-патриотическое воспитание.
6.	Образование традиций группы, проведение праздников, походы: – новогодний бал; – день факультета; – празднование дня победы; – посещение музеев города; – празднование «Татьяниного дня»; – посещение филармонии, галереи; – посещение театров города.	ОК-9	– создана корпоративная культуру в группе; – выработана социальная, национальная, половая, расовая, религиозная, – межличностная терпимость; – повышается нравственность и формируются ценностные ориентиры.	– проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий; – культурно-эстетическое воспитание; – духовно-нравственное и эмоциональное воспитание.
7.	Вовлечение студентов в научную жизнь: – проведение студенческих научных конференций; – подготовка студентов к участию в научных региональных, всероссийских, международных конференциях; – подготовка студентов к участию в конкурсах по правовым дисциплинам.	ПК-13; ПК-15; ПК-18	– «пробужден» интерес к профессии; – выработана готовность к интеграции; – «научили учиться»; – студенты вовлечены в активную университетскую жизнь.	– профессионально-практическое направление; – проведение (групповых, факультетских) корпоративных мероприятий.

встреч, проведенных во взаимодействии с практиками-профессионалами; количество инициатив студентов первого курса при проведении мероприятий, направленных на создание культуры здорового образа жизни студентов и т.д.) и качественные показатели (успешность у студентов предложенных куратором различных направлений (мероприятий) воспитательной деятельности; активное участие студентов в рассматриваемых мероприятиях по воспитательной деятельности; одобрение или неодобрение студентами предложенных куратором различ-

ных мероприятий воспитательной деятельности либо генерирование собственных студенческих идей, что обуславливает появление обратной связи между студентами и куратором; наличие или отсутствие интереса к проводимым мероприятиям по воспитательной деятельности со стороны других групп и т.д.)

От уровня заинтересованности обучающихся в мероприятиях по воспитательной деятельности, проводимых куратором, зависит не только их мотивация, но и уровень сформированности компетенций будущего специалиста.

Библиография:

1. Арсеньев Ф.А. Зыряне и их охотничьи промыслы // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2010. — С. 42–52.
2. Берг Ф. Заметки о зырянах // Вятские губернские ведомости. — 1854. — № 29.
3. Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. — 1906. — Вып. 1. — С. 1–54.
4. Волков Н. Удорский край. Этнографический очерк // Вологодские губернские ведомости. — 1879. — № 34.
5. Конаков Н.Д. Охотничьи артели у коми // Труды Института языка, литературы и истории. — 1978. — № 20: Традиционная культура и быт народа коми. — С. 16–28.
6. Краева И.Ю. Традиционная коми семья: особенности воспитания. — Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. — 112 с.
7. Мудрик А.В. Социальная педагогика. — М.: Инфра-М, 1999. — 368 с.
8. Труды экспедиции по исследованию земель Печерского края Вологодской Губернии: в 2 т. / общ. ред. П.И. Соколова. — Т. I. — СПб.: б.и., 1909. — 338 с.

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2014 г.

REPLICATING CUSTOMARY LEGAL NORMS OF THE KOMI (ZYRYAN) PEOPLE AS A CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATION PROCESS AND THE FUNDAMENTAL BASIS FOR THE FORMATION OF COMPETENCES OF MODERN STUDENTS

Plotskaya, Olga Andreevna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Fundamental Provisions of Legal Studies of the Syktyvkar State University.

[olga.plockaya@mail.ru]

167001, Russai, Syktyvkar, Oktyabrskiy prt., 55.

Review. *The article provides the analysis of the Zyryan customary legal norms, regulating educational process. The goal of this article is to study the customary law experience of the Komi people (the Zyryans) within the ethnic educational process, as well as the possibilities for the application of customary law specificities of their education in the modern educational process in the conditions of the reform of Russian legislation and formation of the competence-based approach. The object of studies concerns customary legal norms, traditional views and positions regulating ethnical educational process among the Komi people (Zyryans). The methodological basis for the studies is formed with the sociological phenomenology, revealing the perception of the world by an individual through the prism of subjective values and understanding, having been formed in the practical world. Among the methods used in this work, one should single out the following: historical legal method, structural functional method, comparative legal method, systemic method, social legal method. Additionally, the main principles for theoretical legal analysis among the Komi people (Zyryans), the modern methodological developments of pedagogy, psychology, sociology, ethnology. The article provides the study of customary legal norms in legal education of the Komi people (Zyryans) in XIX — early XX centuries. Special attention is paid to the syncretical character of the Zyryan customary legal experience and the innovations in the modern educational process. Based upon the work of the ethnographers, ethnic language specialists, developments of social psychology, pedagogy, history of law this study shall reconstruct the genesis and replicate the specificities of customary legal regulation of the ethnic educational process of the Komi people (Zyryans). As a result, the author singles out the specificities of the legal views of the Komi (Zyryans) in the ethnic educational process. Based upon the customary legal experience the author provides her concept of an educational system, involving a number of collective chores, which are aimed at the implementation of educational events and development of the competence-based approach. The author also offers a plan for the implementation of the system of collective activities in the modern groups of students. Special attention is paid to the indicators for the implementation of the system of educational work in the group of students, reflecting the levels of formation of the competences based upon their quantity and quality markers. The novelty of this scientific work is due to the fact that it is a novel scientific research of general theoretical and historical legal, psychological and pedagogical aspects of genesis and development of the customary legal regulation of the ethnic educational process among the Komi (Zyryans), as well as application of this experience in the modern educational process. The results of these studies may be implemented within the system of Russian education, which shows their novelty for Russia today.*

Keywords: *customary legal norms, legal education, Komi (Zyryans), innovations, ethnic educational process, competences, educational process, FSES, replication, legal customs.*

Bibliography:

1. Arseniev, F.A. The Zyryans and their hunting grounds // The Zyryans and the Zyryan region in the documents of XIV Century / Gen. ed. by V.A. Limerova. — Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 2010. — P. 42–52.
2. Berg, F. Notes on Zyryans // Vyatskie gubernskie vedomosti. — 1854. — № 29.
3. Bolshakov, M.A. Zuryan's community // Zhivaya starina. — 1906. — Issue 1. — P. 1–54.
4. Volkov, N. Yudorian region. Ethnographic essay // Vologodskie gubernskie vedomosti. — 1879. — № 34.
5. Konakov, N.D. Hunting associations of Komi people. Works of the Institute of Language, Literature and History. — 1978. — № 20: Traditional culture and everyday life of the Komi people. — P. 16–28.
6. Kraeva, I.Y. Traditional Komi family: specific features of upbringing. — Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2010. — 112 p.
7. Mudrik, A.V. Social pedagogy. — M.: Infra-M, 1999. — 368 p.
8. Works of the expedition on the studies of the lands of the Pechersky region of the Vologda Province. In 2 vol. / Gen. ed. by P.I. Sokolov. — V. I. — SPb.: b.i., 1909. — 338 p.

Н.М. Золотухина*

ГОСУДАРЬ ДЬЯК ИВАН ТИМОФЕЕВ: «НАЗНАЧЕНИЕ ЧИНОВНИКОВ НА ВЫСОКИЕ ДОЛЖНОСТИ — СЕРЬЕЗНОЕ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО»

***Аннотация.** В статье рассказывается о выводах, сделанных крупным отечественным чиновником, государевым дьяком Иваном Тимофеевым, жившим на рубеже XVI–XVII вв., относительно причин, расстроивших все государственное управление и хозяйственную жизнь в России во второй половине XVI — начале XVII вв. и в итоге приведших страну к гражданской войне и иностранной интервенции. В числе главных их них Тимофеев называет назначение на высшие должности в государственном аппарате (центральном и провинциальном) недостойных лиц, не соответствующих по своим деловым и личным качествам предоставляемым им постам, полученным за взятки, или неумеренное восхваление носителей верховной власти в государстве. В системе своих рассуждений сумел Тимофеев связать расстройство государственного управления с последующей затем гражданской войной и Смутой с опричными мероприятиями Ивана Грозного, разрушившими «любовный союз» между людьми и натравившими одну половину населения на другую; последовавшими затем «темными интригами» Бориса Годунова; дальнейшим разорением страны, ухудшением всей системы государственного управления, наступившим при Лжедмитрии I, а затем и полным его крушением при Василии Шуйском. Развитию порочного властвования и управления страной содействовало «бессловесное молчание» подданных всех сословий и рангов, покорно воспринимающих разрушение основ правопорядка, порождающее падение нравов в обществе и связанное с ним распространение губительных пороков (сребролюбие, гордость, жажда несправедных наград, хищение чужого имущества, тяга к изобилию вещей, оскорбление, наносимое при ссорах, произношение устами и языком матерных скверных слов, чрезмерное употребление вина и обжорство и содомское гнусное дело), что в конечном счете и привело к взрыву народного негодования, последующей за ним гражданской войне, поставившей страну на грань катастрофы, возможной утраты независимости и гибели. В статье показано, что нарисованная Тимофеевым картина опричного разгрома страны, пороки властвования Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского во многих чертах совпадают с разоблачениями, сделанными и другими его современниками, как отечественными, так и иностранцами, посетившими Россию в XVI — первой половине XVII вв. Но ни у одного из них нет такого глубокого анализа пагубности для страны назначения на высшие должности в государстве «невежд, мшелособирателей и мздоимцов»; когда к власти и чинам устремляются худшие, а за ними еще худшие, от деятельности которых государство может быть разрушено так, «как будто бы его и не было». Ответственность за*

© Золотухина Н.М., 2015

* Золотухина Наталья Михайловна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории, истории и судебной власти Российского государственного университета правосудия.
[nzolotuhina@list.ru]

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

допущение такого расстройства в деятельности всех отраслей и сфер государственного управления Тимофеев в равной мере возлагает как на властвующих, так и подвластных, ибо «согрешили все от головы до ногу», поскольку недопустимо, когда люди, окутавшись словно саваном бессловесным молчанием, полностью утратили способность к сопротивлению насилию, молча смотрели «на невинных погибели» и, более того, допустили, когда их соотечественники «ради увеличения своих прибылей вступали в союз с овладевшими нами иностранцами <...> заключая с ними сделки об истощении земли православных». Вывод Тимофеева жесток и однозначен: назначение на ответственные должности в государственном аппарате в целях управления всеми делами государства и хозяйством страны является серьезной и ответственной задачей для носителей верховной власти и верховных чиновников. Тимофеев предупредил соотечественников о том, что если в будущем появятся люди, способные разрушать «такое великое, многосиятельное и Богом украшенное государство», каким является Россия, то его Временник послужит им предостережением о последствиях, к которым способны привести страну подобные «зломысленные» действия.

Ключевые слова: власть, управление, чиновники, государственное имущество, казна, разорение, мзда (взятка), коварство, лесть, ложь, клевета, ответственность, вина, «несмелство», «немужество», «бессловесное молчание».

Иван Тимофеевич Семенов, по прозвищу Кол, более известный как Иван Тимофеев, происходивший из подмосковных дворян среднего достатка¹, сумел добиться своим трудом высоких государственных постов.

Карьеру он начал во второй половине XVI в., пережив за время своей службы нескольких царей (Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Романова)²; а также гражданскую войну, нашествия лжецарей и шведскую оккупацию³.

¹ См.: Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник. М.: Наука, 1975. С. 147–148. В.И. Корецкий обнаружил, что первоначальным именем дьяка была родовая фамилия Семенов и отчество — Тимофеевич, но впоследствии фамилия Семенов была утрачена, и дьяк стал именоваться Иваном Тимофеевым. Под этим именем он и вошел в историю.

² И. Тимофеев начал свою службу подъячим при царе Федоре Ивановиче; в 1575 г. он становится дьяком; в 1593 г. назначается дьяком Пушкарского приказа, а в 1598 г. его подпись значится на Избирательной грамоте Бориса Годунова, что свидетельствует о занимаемом им к этому времени высоком положении в иерархии чиновников. В 1601–1604 гг. Тимофеев перечислен в списке голов, назначенных «на Москве для огней и всякого бережения»; в 1604 г. он дьяк Большого Приказа (государевой казны). Кроме приказных дел дьяк нес военную службу (принимал участие в составе правительственных войск, выступавших против Лжедмитрия I); выполнял отдельные дипломатические поручения. В 1607 г. Тимофеев был назначен Василием Шуйским в Новгородскую администрацию (где и пережил шведскую оккупацию); в первой четверти XVII в. уже правительством Михаила Романова Тимофееву были поручены ответственные должности в администрации Астрахани, и затем Ярославля. Его успехи по службе неоднократно отмечались денежными и земельными пожалованиями. В последние годы жизни Тимофеев упоминался в числе дьяков, «сидевших у иконного и печатного дела». См.: Белокуров С.А. Разрядные списки за Смутное время. М.: Изд. Имп. об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1907. С. 84, 143; Солодкин Я.Г. Неизвестные документы о дьяке Тимофееве // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 71–73.

³ Шведскую власть в Новгороде Тимофеев не поддерживал; его подпись стоит под челобитной митрополита Исидора, содержащей просьбу об освобождении всех новго-

родцев от присяги шведскому королю. Летописец заметил, что в то время «Бог положи в сердце крепости не во многие люди (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV. 1 пол. С. 138) был среди них и Тимофеев. Сам Тимофеев рассказывает о шведах как о захватчиках, которые «церкви святые раскопаша», монастыри разграбили и закрыли; новгородские ценности присвоили и отправили в Швецию, а у новгородцев имена «зле расхитиша», самих же «градожителей изнуриша муками и погубиша». См.: Временник Ивана Тимофеева / пер., коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 77: 246–79: 247 (далее — Временник, при ссылке на Временник, первой цифрой обозначаются страницы текста источника, а второй — его перевода).

Многие авторы, современники Тимофеева, пережившие Смутное время и гражданскую войну, в своих произведениях пытались выяснить, «отчего разлился наша страна, которой многие другие государства завидовали?»⁵; «отчего падеся превеликая Россия и разорися преже столь твердый столп?»⁶. Ответить на эти вопросы попытался и Тимофеев, поэтому в его произведении содержится не только критика деятельности носителей верховной власти и ее сановников, но

Службная деятельность Ивана Тимофеева, благодаря его трудолюбию и незаурядным способностям, складывалась успешно. Современники отмечали образованность дьяка, называя его «книгочецом и временных книг писецом»⁴. Богатый опыт, приобретенный на государственной службе, пережитые им трагические годы гражданской войны, Смуты и нашествия интервентов, побудили его взяться за перо с тем, чтобы рассказать соотечественникам обо всех этих трагических событиях.

⁴ См.: Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Советский архив. 1982. № 3. С. 23–24.

⁵ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 101

⁶ Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Русская историческая библиотека (РИБ). 3-е изд. Л., 1925. Т. 13. Стб. 16.

и объяснение причин несчастий, постигших Россию. Кроме решения данной задачи, он хотел сохранить для соотечественников и сведения об участниках этих событий, когда «жизнь их померкнет» с тем, чтобы они не исчезли из исторической памяти народа⁷.

Поводом к написанию «Временника» послужило обращение к Ивану Тимофееву новгородского митрополита Исидора с просьбой о написании произведения, повествующего о бедствиях, обрушившихся на Русскую землю «от дней последних царей» и до настоящего времени. Дьяка и самого давно тревожил вопрос о причинах, породивших Смуту в государстве и гражданскую войну, в результате которой в стране народу «едва ли до половины не стало», а сама она оказалась на грани потери своей независимости. И хотя свое единственное произведение Иван Тимофеев назвал «Временником», его интересовала не только и не столько хронологическая последовательность событий, сколько выяснение причин и последствий Смуты и гражданской войны, а также вызванное этими обстоятельствами вмешательство иностранных государств во внутреннюю жизнь России. Цели ставились политические (оценка носителей верховной власти, ее «сопешников» [чиновников] и их деятельности) и нравственные (выяснение похвального и порочного поведения всех соотечественников «с головы до ногу» в период гражданской войны, Смуты и оккупации части территории России интервентами), а также выяснение их совокупного влияния на современное писателю состояние общества и государства.

Тимофеев считал также необходимым предупредить современников и потомков о том, что повсеместное нарушение законов правителями и подданными, попрание морали, забвение общих нужд страны и народа и служение только своим корыстолюбивым интересам неизбежно приводят к трагическим последствиям, угрожающим не только их личному благополучию, но и существованию всего государства⁸.

Свою главную авторскую задачу Иван Тимофеев усматривал в том, чтобы написать всю правду об обстоятельствах и событиях, происшедших в России как непосредственно в период Смуты, так и в предшествующее ей время, где, по его предположению, и находились корни трагедии, случившейся со страной и ее народом, которые подобно клубку нитей, распутываясь, тянутся «оттуда и до зде»⁹.

⁷ Временник С. 117: 291.

⁸ Автор «Повести 1606», описывая трагические события Смуты, также стремился своим повествованием принести пользу будущим поколениям, усматривая ее в предупреждении «зломыслиииков», которые могут появиться в будущем, и о том к каким тяжелым последствиям для страны и народа, могут привести их «зломысленные» действия. См.: Иное Сказание. Повесть 1606 // РИБ. 3-е изд. Л., 1925. Т. 13. Стб. 16.

⁹ Временник. С. 12: 175.

Тимофеев пришел к заключению, что начало нарушения законного порядка в государстве произошло в царствование Ивана Грозного, затем продолжилось при Борисе Годунове и последующих носителях верховной власти. Серьезную роль в системе нарушений всего государственного порядка сыграло приближение к правителям новых людей: несведущих в управлении государством, неопытных в военном деле, ничего не понимающих в хозяйственной жизни страны, что и привело в итоге к полной разрухе всей экономической и политической жизни в стране.

Приступил он к написанию «Временника», еще находясь в Новгороде в период оккупации города шведскими войсками. Писать приходилось в сложных условиях, соблюдая тайну, постоянно «озираясь во ужасе», как бы не увидели его за этим занятием и не донесли шведским властям; хранить написанное было необходимо «в скрытом и уединенном месте», поэтому он назвал свой труд «тайномысленным начертанием»¹⁰. Дьяк жил тогда «не свободно и под страхом» при недостатках «самого необходимого как для телесных потребностей», так и при «оскудении бумаги»¹¹. Тем не менее он не отказался от своего замысла и заявил, что не умолчит обо «всех неправедных делах и нечестиях», которым он был свидетелем, даже если люди, о которых он повествует, находились на «самой высоте», да и в настоящее время еще не окончили своих дней. Долг писателя быть правдивым, и потому Тимофеев смело и без утайки, объективно и всесторонне проанализировал все обстоятельства, приведшие государство к катастрофе, а многих его жителей — к гибели.

Он назвал несколько причин, вызвавших расстройство всего государственного порядка и управления, сумев связать их между собой и выяснить, какие последствия породила каждая из них в отдельности, и как воздействовала их совокупность на состояние общества и государства.

Тимофеев, будучи крупным государственным чиновником, занимавшим в течение ряда лет высокие должности в чиновной иерархии, обратил серьезное внимание на расстройство управления всеми ведомствами и учреждениями, обеспечивающими жизнедеятельность государственной системы: разруху хозяйственной жизни страны (упадок сельского хозяйства и ремесел), попрание законности и отсутствие правосудия, обнажив причины, вызвавшие все эти «неустройства». Одну из них, и притом достаточно значимую, он усматривал в принципе подбора чиновников и деятельности неквалифицированного государственного аппарата как в центральном, так и низовом его звеньях. Большой опыт в этом отношении принесла ему служ-

¹⁰ Там же. С. 118: 292.

¹¹ Там же. С. 119: 293.

ба в Новгородском воеводстве (1607–1617 гг.), куда он был направлен Василием Шуйским.

Тимофеев решил начать исследование работы государственного аппарата издали, рассмотрев ситуацию, сложившуюся в предшествующих царствованиях. Прежде всего, он подверг анализу перемены в его составе, произведенные царем Иваном Грозным. Тимофеев пришел к заключению, что первый серьезный удар по всей иерархии чиновников в государстве был нанесен именно этим царем, поскольку в его царствование началось порочное «переменение» должностных чинов, в чьих руках сосредотачивалось все управление страной, пагубные результаты которого были ощутимы не только в последующих царствованиях, но и современном дьяку состоянию общества и государства.

Царствованию Ивана Грозного Тимофеев дает отрицательную оценку, а политический режим, установившийся в связи с введением опричнины, характеризует как тиранический. Дьяк обратил внимание, прежде всего, на полное попрание законов и правосудия самим царем и его «соспешниками» — опричниками. Опричные мероприятия, развернувшиеся по всей стране, сопровождалась бессудными казнями ни в чем не повинных людей, в соединении с расправами над их родственниками чуть ли не до трех поколений, процветанием «доносов и шептателей», вызвавшими леденящий страх у всех подданных. «Доносы» и «шептатели» стали одной из главных тем этого времени. Все авторы, рассматривавшие распространение этого зла в России, пытались проследить, откуда и когда оно возникло? И приходили к выводу, что этот порок особенно распространился в царствование Ивана Грозного, поскольку поощрялся царем и его опричным окружением.

Серьезный урон управлению страной нанес «великий раскол», произведенный делением страны на опричнину и земщину. Опричники, получив от государя полную свободу в своих действиях, безнаказанно грабили страну и убивали население. Лицам, входившим в состав опричного войска царя и опричного двора, за одну только привязанность к государю и полное ему покорение раздавались высшие государственные и военные должности, невзирая на полное непонимание стоящих перед ними задач, и неумение их разрешать. При этом многие «добромысленные вельможи» не только лишились своих должностей, но были изгнаны из отечества в чужие земли; к себе же царь, кроме опричников, приближал еще и иностранцев (многие из которых, кстати, тоже служили в опричнине), доверяя им свои тайны, так что не вельможи, которых он подозревал в изменах, а он сам стал себе изменником¹². Царя окружили в основном

продажные люди, неопытные в управлении, неискусные в военном деле, ничего не понимающие в организации хозяйственной деятельности страны, несведущие во внутренней и внешней политике государства.

Анализируя политический режим, установившийся в стране с введением опричных мероприятий, Тимофеев пришел к неутешительным выводам: земля разделена, люди разобщены, одна их половина (опричнина) натравлена на другую (земщину); не соблюдаются Божественные и государственные законы; правосудие поправно, управление страной полностью утрачено, а между тем давно известно, что «царство, разделившееся в себе самом, не может устоять»¹³. Беззаконие властей превратило скованный страхом народ в безгласных рабов, а царя «в рабобителя и мирогубителя»¹⁴. Страх, порождаемый доносами и следующими за ними систематическими бессудными казнями, «смяте люди вся», разрушая «любовный союз» между ними. Отсутствие «любовного союза» между людьми привело к тому, что «правда в человецех оскуде и воцарися всякая злоба и ненависть»¹⁵. Сложившаяся ситуация обесчестила страну, лишила ее силы и предопределила неизбежность гражданской войны и последовавшего за ней кризиса всего государственного строя, которым не замедлили воспользоваться иностранцы, ибо когда в стране неспокойно, она может стать легкой добычей для врагов. Иностранцы скоро узнали «низкое естество нашего пременение иже от древней крепости в худость сошедшее», и поняли, что «несть мужества ни коего в нас до единого, узрели нашу слабость и искушение во всякую прелесть». Эту слабость они приписали всей земле и решили, что они могут легко покорить Россию в этих обстоятельствах. Так началась для России страшная полоса внутренних и внешних смут.

Следует отметить, что Тимофеев был не одинок в своем видении причин, обусловивших гражданскую войну, последовавшую за ней Смуту и интервенцию внешних врагов на территорию Русского государства. Многие мыслители и публицисты утверждали, что именно опричное беззаконие стало прологом развязывания в дальнейшем гражданской войны.

Писатели, принадлежащие к разным слоям общества, как отечественные, так и иностранные, рисовали приблизительно одинаковую картину, обращая особое внимание на «пагубное разделение государства», натравливание одной половины людей на другую; повсеместное

¹³ Там же. 12: 175. Тимофеев в подтверждение своего вывода ссылается на текст Евангелия от Матфея (12: 25): «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе не устоит».

¹⁴ Временник. С. 14:177.

¹⁵ Плач о пленении и разорении Московского государства. Стб. 224–225.

¹² Временник С. 12: 174–13: 175.

нарушение законов, самоуправство и жестокость царя и его опричников¹⁶.

Предметная критика опричных мероприятий содержится в произведениях князя А.М. Курбского, подробно рассмотревшего «безобразия опричнины», связавшего с ними нарушение всего правопорядка в стране, упадка в делах государства, предсказавшего в качестве ее отдаленных последствий гражданскую войну. «Пожар лютой», разгоревшийся по всей стране, произвел «опустошение земли своей», которого никогда не бывало «ни у древних поганских царей <...> ни у нечестивых мучителей христианских»¹⁷. Курбский пришел к выводу, что от реализации опричной политики пострадали все сословия в обществе и было полностью нарушено государственное управление в стране

Воинство пришло в полное расстройство, ибо у него не стало не только коней, но и ратного снаряжения, и даже дневной пищи. «Их недостатки и убожества, и бед их смущения, всяко слово превзыде»¹⁸. Царь по ложным доносам и несправедливым подозрениям погубил «многочисленных воевод и полководцев, благородных и знатных, прославленных делами и мудростью, в военном деле <...> и в руководстве войсками искушенных», предав их «различным казням целыми семьями без суда и следствия», а «военачальниками поставил своих льстецов»¹⁹. Поэтому его армия потерпела полное поражение и «напрасное кровопролитие»²⁰.

Купечество пострадало от безмерных налогов и «лихоимствующих надсмотрщиков».

Крестьянство, согнанное с земли, в связи с опричным ее перераспределением, впало в бедность и нищету, так что некоторые из крестьян отдавали детей в рабство; другие же, не выдержав подобных мук, «предавали себя смерти», поскольку от горестей, которые им пришлось претерпеть, они теряли рассудок²¹.

Чиновники стали работать плохо, недобросовестно исполняя свой служебный долг, по-

скольку на ответственные посты в государстве назначались «обидники», клеветники и доносчики. Среди чиновников процветало мздоимство и грабительство тех людей, которые искали у них защиты. Люди перестали получать справедливую защиту и милость от судей²². А между тем правители, и назначенные ими чиновники «поставлены судить своих подданных праведным судом и управлять государством в мире и любви. Но <...> они уподобились хищным зверям, которые не имеют присущей людям жалости и изобретают невиданные мучения на погибель тем, кто желает им добра. Никакая риторика не поможет рассказать о всех этих бедах — неустойстве в государстве, о несправедливом суде, о ненасытном разграблении чужого имущества»²³.

Для обеспечения полной безнаказанности деятельности царя было подвержено разложению и священническое сословие, в котором ныне «встречаются такие, что не только не защищают Христову паству <...> а грабят ее. И не просто грабят, но еще и научают этому грабителей, показывая пример и ведя за собой <...> Они не защищают вдов и сирот, не выкупают пленных из плена, а приобретают земельные владения, строят огромные дома, купаются в многочисленных богатствах и вместо благочестия украшают себя добычей». Такие пастыри не способны запретить царю и его сановниками творить беззакония, ибо «они не только не обличают царя бесстрашно с помощью Божественного Откровения, а наоборот поощряют его»²⁴. Царь, по мнению А.М. Курбского, прямой погубитель духовного чина, от которого уже не приходится ожидать ни заступничества, ни утешения.

Курбский обвинил Ивана IV в том, что он нарушил весь государственный порядок: «чин осквернил, царство сокрушил, а что было благочестия, что правил жития и обычаев веры и наказания — погубил и уничтожил», а «твои кромешники <...> всю Святорусскую землю опустошили, дома грабили, сыновей убивали»²⁵. «Грустное зрелище и горький позор!» — восклицает Курбский, обращая внимание и на принуждение со стороны царя своих подданных (в основном опричников) не только к противоправному, но и безнравственному поведению: заставляют людей под присягой и крестоцелованием «не зная не токмо с други и ближними, но и самих родителей и братьев и сестер отрицаться <...> против совести и Бога»²⁶. Сами «слуги царицы»

¹⁶ Анонимный автор «Повести книги сея от прежних лет» пишет, что раздел земли на опричину и земщину предоставил Ивану IV «земскую часть людей насиловать и смерти предавати, дома их разграбляти, и воевод данных от Бога ему без вины убивати, и грады краснейшие разрушати, а в них православных христиан немилостиво убивати, даже до сущих младенцев» (Сокровища древней русской литературы. М.: Советская Россия, 1984. С. 107).

¹⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском / сост., вступит. ст., коммент. Н.М. Золотухина. Тольятти: Ун-т Рос. академии образования, 2001. С. 104.

¹⁸ Он же. Второе Послание Вассиану Муромцеву // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб.: Наука, 2001. Т. 11. С. 510–511.

¹⁹ Он же. История о великом князе Московском С. 153.

²⁰ Третье Послание А.М. Курбского И. Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 177. Курбский здесь пишет о сдаче города Полоцка русскими войсками во время Ливонской войны.

²¹ См.: Курбский А.М. Предисловие к Новому Маргариту // БЛДР. Т. 11. С. 559.

²² См.: Третье Послание А.М. Курбского И. Грозному. С. 177.

²³ Курбский А.М. Второе Послание Вассиану Муромцеву. С. 509.

²⁴ Там же. С. 509.

²⁵ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 97–98.

²⁶ Он же. Второе Послание Вассиану Муромцеву. С. 511.

являют собой отвратительное и безнравственное зрелище: «губительное пьянство, из обещанных дьяволу чаш, вместо целомудренного жительства <...> нечистоты, всяких скверн исполненные, вместо праведного суда — лютость и бесчеловечность»²⁷. Доносы, корыстная клевета разобщили людей; в обществе посеяна вражда и «разные сословия сделал [царь] врагами друг другу, единовверных братьев заставил вместо хлеба питаться друг другом»²⁸.

Результатом такой политики стало оскудение царства, вызванное опустошением земель, нищетой²⁹; воцарившейся в прежде богатой стране, падением международного престижа, поскольку царь покрыл себя и свою страну «злой славой от окрестных соседей», и последовавшее за тем «нарекание слезное ото всего народа»³⁰.

«В задачу опричной политики, — пишет С.О. Шмидт, — входило требование признания за государем права казнить без суда “думных людей”, вынуждать духовенство отказаться от права печалования за опальных и получить согласие на создание особой территории с особой системой управления и особым составом служилых людей <...> опричники были личными слугами царя, готовыми на все для исполнения любой его воли и обладавшими гарантиями безнаказанности»³¹.

В итоге подобных преобразований «царь довел страну до запустения, и, в конце концов, проиграл войну, потребовавшую от всех слоев населения огромных жертв»³².

Не только А.М. Курбский, но и многие его современники и даже участники опричных мероприятий, а также иностранцы, посещавшие страну в этот период или несколько позднее, также отрицательно оценивали опричнину, обращая внимание на жестокость ее мероприятий, полный развал работы всех государственных служб и непомерное взяточничество чиновников, препятствующее работе всего государственного механизма³³.

²⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 96.

²⁸ Он же. Второе Послание Вассиану Муромцеву. С. 511.

²⁹ Н.М. Карамзин, анализируя сложившуюся в стране ситуацию, пишет: «Голод и мор помогли тирану опустошать Россию, казалось земля утратила силу плодородия: сеяли, но не убирали хлеба, холод и засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная <...> Люди скитались как тени и умирали на дорогах». Опричная политика Ивана IV произвела «ужас среди всех россиян», приведший к «бегству многих из них в чужие земли». (Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988/ Кн. 9. С. 28–29).

³⁰ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 97.

³¹ Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. С. 231.

³² Веселовский С.Б. Исследование по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 38, 47 и др. Здесь речь идет о Ливонской войне (1558–1583).

³³ Джером Горсей обратил внимание на разорения, причиненные не только отдельным лицам, но и целым городам.

Неизвестно, был ли знаком Тимофеев с произведениями Курбского, но в критических замечаниях обоих мыслителей содержалось много общего, при этом следует учесть, что последствия «разделения земли» и итоги опричных мероприятий для Тимофеева стали более очевидны, поскольку Курбский умер в 1583 г., не застав полного исполнения своих печальных предсказаний, которые в значительной мере получили свое выражение в развязывании гражданской войны и иностранной интервенции³⁴, разразившихся уже начале XVII в., когда знаменитого полководца уже не было в живых.

Негативное впечатление на Тимофеева произвел Новгородский поход Ивана IV 1569–1570 гг. Разрушение Новгорода³⁵, «благодетельством цветущего», который он называл «другим Римом», повергло его в глубокую печаль; он считал несовместимыми действия «праведно царящего» с подобной политикой по отношению к своей стране и народу, и даже написал, что Иван IV своими действиями покрыл стыдом свой венец («стыд венца главы его»)³⁶.

Особенность критики Тимофеева заключается в той лепте, которая в общем обличении беззакония и хаоса была внесена им именно в осуждение неквалифицированного и мздоимного чиновничества, начало повсеместного появления которого в государственном аппарате он связывал с опричными мероприятиями Ивана IV, предоставившими возможность захватить

См.: Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 59, 60, 62; Генрих Штаден в своих «Записках: отметил ограбление населения всех сословий. См.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника // Источники истории. Рязань: Александрия, 2005. С. 458. Наемные опричники из ливонских дворян Иоганн Таубе и Элерт Крузе выразили удивление тому, что опричниками «огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель». Эти авторы обратили внимание на тот факт, что в этом грабеже участвовали и местные чиновники, которые обложили население непосильными налогами, так что «бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет», но и не только крестьяне, но даже «прежде состоятельные люди были превращены в нищих». Таубе и Крузе полагают, что опричнина практически уничтожила земщину и крестьянство и разорила всю хозяйственную жизнь страны. Таубе и Крузе поразили богатства России, позволившие ей претерпеть убытки, нанесенные ей опричными раздлами и переделами, и при этом уцелеть. См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 36–39 и др.

³⁴ Псковский летописец прямо связал разорение русской земли в результате опричных мероприятий с гражданской войной: «государь царь учредил опричнину; и бысть мятеж по всей земле и разорение <...> и восста сын на отца, а отец на сына, и дщи на мать, и мать на дщерь, и врази человеку домашние его. И оттого бысть запустение велеи Русской земли» (Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л. 1941. С. 115).

³⁵ Новгородский летописец, описывая поход Ивана Грозного на Новгород (1569–1570 гг.), обратил внимание на невиданные по жестокости казни, обрушившиеся на город и его жителей, грабежи монастырей, церквей и хищения имущества местных жителей, что, по его мнению, привело к полному «Великому Новограду запустению» (ПСРЛ. Т. 34. С. 190–192).

³⁶ Временник. С. 23: 187.

все ключевые посты в иерархии чинов и должностей людям по праву одной только принадлежности к опричному окружению царя.

Разорение страны, мздоимство чиновников, их полное неумение управлять хозяйственной жизнью страны (экономикой), привело к опустошению ряда городов и сел, многие из которых «и до селе не могут встать», потому что сельское хозяйство и ремесла в них пришли в полный упадок. Все эти обстоятельства замечал не только Тимофеев, но и другие писатели, но ни одному из них не удалось с такой остротой и печалью показать пагубность для государства отсутствия в нем квалифицированного и грамотного чиновничества, душой болеющего за судьбу своей страны и народа.

Тимофеев пришел к выводу, что назначение чиновников на должности *является ответственным государственным делом*, отсутствие которого или его «превращение» (неправильное решение) способно разорить страну и ввергнуть ее в хаос гражданской войны, сделав легкой добычей для исконных внешних врагов России.

В 1584 г. Иван Грозный умер, и людям показалось, что смерть его открыла перспективы перемен, однако они ошибались. Несомненно, что политические режимы при последующих царях были смягчены, но сама технология власти не была разрушена.

При Федоре Иоанновиче многие опричники лишились своих мест, и в чинах и должностях начали восстанавливаться грамотные и сведущие в государственных делах «самописчие дьяки», и казалось, что можно было бы ожидать определенных улучшений в управлении страной и ее экономикой. Однако ставший при Федоре Иоанновиче практическим правителем государства Борис Годунов вновь начал все чины в государстве «переворачивать с головы на ноги», но сделал эти «превращения» правитель не сразу.

В начале своего возвышения Борис Годунов, не имея опыта в управлении страной и решении сложных государственных задач, привлек к себе неких своих приверженцев, происходящих из низших степеней, но допущенных к тайнам предшествующих царей. Особенно выделялся среди них государев дьяк Андрей Щелкалов, бывший к тому времени уже в возрасте («цветущий глубочайшими сединами»). У прежних царей без него не совершались «ни одно постановление, связанное с установлением законов по управлению землей», от него не была скрыта «ни одна правительственная тайна», потому что «он был очень опытен в делах среди соименных ему дьяков» и не только среди равных по положению, но даже «среди имеющих высокие чины членов синклита»³⁷ — другого, подобного ему,

до дня его смерти и после него до настоящего времени не находилось»³⁸. Этого Щелкалова, совместно с его братом, сделал Борис «первоначальниками» над всеми дьяками, и они были достойны «своего положения при царе», ибо обладили «земным любомудрием паче инех наказаний многих», то есть по своему уму и деловым качествам не только соответствовали занимаемому ими положению, но и превосходили всех других чиновников.

Тимофеев полагает, что между Борисом и братьями Щелкаловыми было заключено некое «крестоклятвенное» соглашение с тем, чтобы «им троим управлять государством». Кроме этих двоих, были приближены Борисом к делу управления страной и другие дьяки, «но не такие, как они». Когда же Борис «достиг высокого положения», то Щелкаловы стали ему не нужны и даже опасны, в силу имеющихся у них знаний и владения некоторыми государственными тайнами. Борис поступил с ними весьма коварно, нарушив связывающую их клятву, став «самому себе душеубийцей, преступившим клятву». Он не убил этих братьев, но отстранил их от дел, лишил имущества и «изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием <...> не поставив ни во что такое их ему служение». А ведь «он и на царстве посадился ими, подобно, яко на небо ими возведен бысть». Борис бы таков, что ему ничем не возможно было угодить, даже «если и главу свою положить за него», потому что есть «в царствах дорого и высочайшего, — он по получении [его] ни во что вмени [не оценил]»³⁹.

Укрепившись у власти, начал он под видом проведения реформ и обновления царства «с изменения чин», вновь перетряхнув всех должностных лиц «от первых до последних». В результате «простые без всякой меры и времени возводились им на места благородных, ради того, что первые наушничали ему на вторых».

Борис Годунов приступил к перемещению чиновников с тем, чтобы допустить к делам государства приближенных к нему людей. Основанием для вхождения в круг «приближенных» и получения ими высоких чинов, званий, должностей и всевозможных наград были не их личные достоинства или деловые качества, а «выказывание» к правителю «чрезвычайного прилежания». Люди, которых он приближал, «не боялись и не стыдились хвалить его чрезмерными похвалами, прославляя его и возвеличивая», при том «ложные словеса сшивались» открыто и без всякого стеснения «славохвалением <...> истину во лжу превращая». При таких порядках чины в государ-

значения правительства, Совета при царе, члены которого назывались «синклитиками». См.: Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1982. С. 456.

³⁸ Временник. С. 73: 241–242

³⁹ Там же. С. 72–73.

³⁷ Синклит — слово греческого происхождения, означающее совет высших чиновников. В русской политической литературе слово «синклит» часто употреблялось для обо-

стве получали «ласкавцы» и «словожелатели», которые постоянно правителю «хвалу к хвале прилагаху»⁴⁰. Еще при жизни царя Федора «величайшие от древле столпы» дрожали от страха не перед царем, а перед Борисом «не стыдяхуся хвалами о нем чрезъестественных словес, яко венчающе и помазующе» его величать.

Высокие должности в государстве этот «санолюбивый» «саволовитель» раздавал своим «хвалителям», а они, став высокими чиновниками, «еще более усиливали надо всеми его власть». Борис Годунов присвоил себе даже мнимые победы над врагами⁴¹. Потворство «прислуживающих ему льстецов» позволило ему, не стесняясь, открыть царскую сокровищницу и полностью распоряжаться государственным богатством, чувствуя себя полным его обладателем. Прежде всего, он стал «неограниченно награждать» своих «словоласкателей», которые поощряли его смелее стремиться к конечному выполнению его желания — овладению царским трон⁴².

В 1591 г., возвратившись из военного похода против крымского хана⁴³, Борис приближенных к нему воинов, независимо от степени их участия в походе, безмерно награждал, а тех, которые действительно вынесли все основные его тяготы, да еще и ранее в храбро боях участвовали, он почему-то «не успел наградить дарами»⁴⁴.

Таким образом, получалось, что многие не однажды раненые «или даже положившие свои головы в смертных боях и даже знаменитые по происхождению не получали наград»⁴⁵. Своим же «ласкателям» он роздал различную мзду: «одни были опоясаны славой сана, другие награждены чинами начальствования, третьи посажены властителями, чтобы повелевать другими», а иные получили от него много золота и серебра. Тимофеев называет такую щедрость за счет государственной казны «наглой».

После смерти царя Федора Иоанновича, Борис, по мнению Тимофеева, сумел «хитростью добыть себе множества народного хотения» для утверждения на первом месте в государстве, что позволило ему усладить себя «хвалами и лжами», и утвердиться на них «яко на ветрях»⁴⁶. Став царем,

⁴⁰ Временник. С. 40–41: 206.

⁴¹ Тимофеев называет его «лживым хребцем». См.: Временник. С. 40: 205.

⁴² См.: Временник. С. 40: 205.

⁴³ В данном случае речь идет о военном лагере, разбитом под Серпуховым в 1591 г., где русские войска должны были встретиться с войсками крымского хана Девлет-Гирея, предпринявшего поход на Москву, однако выход навстречу ему крупных военных сил под командованием Бориса Годунова заставил его отступить без сражения. Годунов за успешно проведенную военную компанию был щедро награжден царем Федором Иоанновичем.

⁴⁴ Временник. С. 42: 207.

⁴⁵ Там же. С. 42: 207.

⁴⁶ Там же С. 53: 219, 55: 223. Тимофеев мастерски описывает сцену фальшивого спектакля, организованного сестрой

Борис в определенной мере повторил политику властвования Ивана IV: он начал людей «в царстве раздвоять, овых за страсть (любовь к нему. — Н.З.) любить и намздевать, овых ненавидеть и томлением мучать <...> тщасихся о нем возлюбит, а нерадящих же умучит гневом»⁴⁷. Многие видели и понимали, ради чего опустошаются царские ризницы, но «от обильной взятки <...> от этой мзды онемели их языки и закрылись уста, а все чувства от страха ослабели»⁴⁸.

Духовенство также было обольщено и подкуплено. Церковные чины и саны раздавались тем священноначальникам, которые без всякой меры превозносили Бориса и угождали ему; поэтому, получив чины из рук царя, они молчали и не обличали его незаконные действия, не поучали его, как это подобает святителям.

Смущает Тимофеева и тщеславие Бориса, он полагает, что даже богоугодные дела совершались им не ради служения Богу и людям, а с целью собственного возвеличивания и прославления. Когда он восходил на трон, то для закрепления своего избрания придумал составление некоей хартии, подписанной первосвятителем (патриархом) и всеми членами синклита («даже и до самых знаменитых»), скрепленными печатями. Затем он повелел «дерзостно отворить» золотой ковчег с ракой и мощами первосвяителя Петра, запечатанный первыми русскими самодержцами (а может быть, и самим Богом), и в течение многих лет ни царями, ни святителями не открываемый и «внутри тоя миролюбивую [мирскую] си хартию, своего лукавства мнимое утверждение, бесстыдно, как к простому мертвому телу, нечестивым ввержением вметнул», затворив этот ковчег «после поругания». Борис думал, что посредством этого вложения будет навечно утвержден на царстве, но в этом он обманулся⁴⁹.

В целях возвеличивания своей особы Борис повелел «на стенах храма красками, как и в летописи, — что приличествовало лишь святым,

Бориса и его приверженцами, при котором этот «проныр лукавый», «средородный и средочинный» по своему происхождению, был законно избран и сумел сесть на царский трон. Мнение голландского купца Исаака Массы, пребывавшего в это время в России с целью изучения торгового дела, полностью совпадает со сведениями И. Тимофеева: «так благодаря необыкновенной изворотливости Бориса <...> род Годуновых вступил на престол помимо законных наследников, вопреки праву народному и справедливости» (Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г. за короткое время правления нескольких государей. М.: Рита-Принт, 1997. С. 43).

⁴⁷ Временник. С. 52: 217.

⁴⁸ Там же. С. 43: 208.

⁴⁹ Там же. С. 74: 243. Тимофеев пишет, что если бы допустить такую смелость, и вторично раскрыть гробницу Петра для того, чтобы посмотреть, что с этой хартией стало, но это было уж слишком большим кощунством и потому не будет этого, но он тем не менее уверен, что святителем Петром эта хартия не приятна, потому что все действие это задумано против воли Бога.

изобразить подобие своего образа»⁵⁰. Иконописцам он также без какого-либо стеснения заказывал писать на иконах свой образ, поскольку «ему приятно было видеть только одно лицо на иконах»⁵¹.

Честолюбие и славолубие Бориса не знало границ и приличий, «он так возгордился, что едва не сравнился с Богом»⁵². Всех своих подданных он обязал ежегодно в день, когда он был избран на царство, совершать крестный ход вокруг Успенского Собора, как бы в честь Божией матери, а на самом деле — «ради угождения воцарившемуся», и все подчинились ему, празднуя «тот день, когда он получил себе временную славу». И до тех пор пока он был жив, «такие крестохождения совершались», хотя и ясно было всем, что «они не ради Бога», а ради царя.

Кроме того, Борис обязал всех «богоненавистой клятвой [на верность себе], приказав приносить ее в храмах живого Бога», сделав, таким образом, всех «архиереев и прочих [церковных] верховников, своими наемниками, а не пастырями» и, несмотря на такое беззаконие, никто из страха не возражал ему⁵³. В этой клятве особенно неприемлемым казался Тимофееву заведенный Борисом порядок ее произнесения: люди громко кричали, стараясь перекричать друг друга, так что «этот бесчинный вопль шумом своим заглушал святые слова Евангелия», притом кричали так, что «нельзя было слышать в церкви ни читающих, ни поющих. Так он сделал дом Божий домом торговли». Особенно непристойным было то, что «эта клятва вызывала у людей губительное для их душ соревнование, так как при выполнении ее они, как о добре ревновали, чтобы занять первое место», которого достигали те, кто громче всех кричал (поступали они так ради даров от Бориса), а «пастыри дерзнули в своем присутствии приводить земнородных к клятве, как жертве». Клятва эта проводилась повсеместно по всей стране, и, по всей вероятности, ее можно было бы произносить в палатах или других местах, но Борис не захотел этого, считав вместе со своими льстецами, что клятва, произнесенная в храме, «будет крепче». Прежде бывшие у нас цари, никогда не допускали ничего подобного⁵⁴.

⁵⁰ Временник. С. 43: 208. Тимофеев имеет в виду фрески в Донском монастыре. Эта роспись не сохранилась.

⁵¹ Там же. С. 62:229.

⁵² Там же. С. 59:225.

⁵³ См.: Там же. С. 59: 225–60: 226.

⁵⁴ См.: Там же. С. 67: 236–68: 238. Иван Тимофеев писал и о «богопротивной клятве» в верности, к которой принуждал Иван Грозный, но она касалась только опричников и не была так торжественно обставлена. Однако начало клятвенно-присяжного носителю власти было положено. Между тем согласно Ветхому (Ек. 8:2) и Новому (Иак. 5:2) Заветам принесение клятвы вообще считается неприемлемым: «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакой другою клятвою, но да будет у вас: „да, да“ и „нет, нет“, дабы вам не подпасть осуждению».

Особенно возмущал Тимофеева непомерный расход казны, совершаемый Борисом как бы для возвеличивания страны, а на самом деле — только его самого, ибо он был «ослеплен любовью к славе». В качестве самого важного своего дела и даже подвига он посчитал построение в России такого же храма, как в Иерусалиме, «во всем подражая самому Соломону <...> и все необходимое [на эту постройку] им приготавливалось»; второе задуманное им дело было еще грандиознее по своим травам: он захотел соорудить гроб для «единого от состава Троицы Христа Бога, вместилище его Божественной Плоти, подобный находящемуся в Иерусалиме», блеск и богатство которого превознесло бы его над бывшими российскими правителями и возвысило бы его над всеми европейскими носителями короны. От «многоценства» этого предприятия у всех людей (как знатных, так и простых) «ум приходил в иступление», «а глаза от блеска камней и разнообразного сияния их лучей едва могли остаться в своем месте. Определить в цифрах действительную его стоимость не было возможности, потому что она превзыде всякое число»⁵⁵.

Даже царь Давид, угодный Богу, не получил от Него согласия на такое предприятие.

Однако не увенчалось успехом Борисово «гробозданное золотое умоделство, ибо со всей многотой его красотой было Расстригой — лжецарем непристойно разрушено <...> и растаскано на различные домашние потребности». Бог не мог благословить такие безумные траты, потому что все то, что было собрано «слезами и кровью», Борис задумал истратить на это свое предприятие⁵⁶. Но «невозможно угодить Богу от неправды <...> то же самое случилось и с отлитыми им тяжелыми и многошумными по звону колоколами, также несправедливо сооруженными». Впоследствии «все материалы, приготовленные для устройства великой церкви, не принятые Богом, как ненужные, были царем Василием употреблены на другие здания и даже распроданы на простые церкви»⁵⁷.

⁵⁵ Временник. С. 64: 232–65: 233. Тимофеев пишет, что это «гробозданное умоделство» было «злососиянно» и «каменобисеро и злотовязно устроено» и украшено топазами, многоценным бисером, осыпано весьма искусно драгоценными камнями и покрыто золотой резьбой.

⁵⁶ Тимофеева возмущали эти траты казны, производимые Борисом в тяжелые для России времена, ибо именно в те годы (1601–1603) обрушился на Россию «глад и мор». Летописец сообщает, что в начале «быша дожди велие во все лето, хлебу же ростящу; и как уже хлебу наливаюущуся, а не зрелу стоящу, зелен аки трава; на праздник же Успения Пречистой Богородицы бысть мраз велий и поби весь хлеб, рожь и овес. И того году люди еще питахуся с нудей старым хлебом и новым, а рожью той сеяху, чаяху, что возрастет; а на весну сеяху овсом, того же чаяху. Тот же хлеб, рожь и овес, ничто не взошло: все погубило в земле. Бысть же в земле глад великий, яко и купити не добыть. Такая же бысть беда, что отцы своих детей метяху, а мужья жен своих метяху же, и мроша люди, яко и в прогневание Божие так не мроша, в поветрие моровое. Бысть же глад три годы» (ПСРЛ. Т. XIV. С. 55).

⁵⁷ Временник. С. 65: 233–66: 234.

Но одним своим тщеславным делом Борис все-таки удалось увековечить себя. «Не довольствуясь частым написанием своего имени на бумагах с полным наименованием в каждой строке», Борис «захотел поместить его и на самой верхней главе церковной, которая была выше всех других церквей» — на высокой колокольне в Кремле. Он «на позлощенных досках златописьменными словами обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог, смотря в высоту прочесть крупные буквы, как будто имея их у себя в руках»⁵⁸.

«И что дивно!» — восклицал Тимофеев, — ведь Борис был умнее всех его предшественников: «были у нас и другие умные цари, но их разум, лишь тень ума его», но при всем своем незаурядном уме, он был омрачен «от многого славоослепления»⁵⁹. Все это привело к тому, что и «многие его добротворения», поскольку они были соединены с гордостью и славолюбием не пошли на пользу стране и народу⁶⁰, потому что были как бы «мнимой заботливостью о своей земле», сердце же его преисполнялось гордостью, подобно тому, как когда-то «надмевался» своими делами вавилонский царь Навуходоносор⁶¹.

Тем не менее, несмотря на осуждение дьяком непомерного славолюбия Бориса, Тимофеев как честный «писатель» перечислил и его положительные качества: он «был прилежным охранителем старинных церковных порядков; щедрым помощником нуждающимся», всегда внимательно выслушивал «просьбы народа о всяких вещах;

⁵⁸ Там же. С. 72: 240–241. Тимофеев имеет в виду колокольню Ивана Великого в Кремле, которая по приказанию Бориса была надстроена и на ней возведена надпись: «Изволением Святыя Троицы повелением Великого Государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея России самодержца и сына его, Федора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108-го», которую мы и сейчас можем видеть, как написал Тимофеев, как бы на воздухе [аэре] висящую.

⁵⁹ Временник. С. 59: 226.

⁶⁰ См.: Там же. С. 64: 232; С. 63: 340.

⁶¹ См.: Там же. С. 64: 232. Здесь Тимофеев сравнивая Бориса Годунова с царем Вавилона Навуходоносором, стремился показать, сходство их судьбы (См.: Дан. 2: 47; 3: 29; 4: 34). Навуходоносор, разбогатев на своих военных походах, много сделал для благоустройства и украшения своей столицы — Вавилона: он выстроил огромный дворец, перестроил храмы, устроил всякие сады (известные как сады Семирамиды), но на всех кирпичях, возводимых им построек, всегда читалась его имя: «Навуходоносор сын Набополассара, царь Вавилонский». Он очень гордился силой своего могущества, своим величием и богатством, но Бог покарал его за чрезмерную гордыню отнятием разума и даже, якобы превращением его в вола. В конце концов, Навуходоносор осознал несправедность своего поведения, возопил Богу, был услышан и помилован — ему были возвращены человеческий разум и обличье. По обретении расудка, он старался послужить своему народу различными благодеяниями, но вскоре умер, а царство его, Вавилонское государство и все возведенные им постройки разрушились (См.: Библийская энциклопедия. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1891. Т. II. С. 6–7). Тимофеев не воспроизводит полностью рассказа о Навуходоносоре, полагая, что читателям она известна из книги пророка Даниила.

был приятен в своих ответах <...> мстил за обидимых и вдов <...> имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду»; положил предел «чрезмерному богомерзкому винопитию», карал за взятки, воздавал за добро, хотя и не всем, однако все эти его деяния были не искренними и посему «во всем этом он всю Россию обманул»⁶².

К характеристике, данной Борису Тимофеевым, весьма близки и оценки этого царствования автора Хронографа 1617 г. Он также отметил, что Борис Федорович построил в русском царстве много городов и монастырей, был «ненавистен к мздоиманию, разбойству и татьбе», на «кормчество много покусился» (но, к сожалению, печально заметил автор Хронографа, «такое неблагоугодное дело искоренить не возможе отнюдь»), «нравом был милостив, паше же рещи нищелюб», и мог бы «великим древним царям уподобится», но все эти благие начинания были разрушены им же самим, поскольку начал он к себе приближать всяких недостойных людей, вокруг него «ужем привлекающихся», «клеветующих некие изветы нечестивые на неповинных», которые Борис суетно принимал «и сего ради на себя от всей Русския земли <...> негодование наведе и многих напрасных волн злобурные ветры воссташа на него и доброцветущую его царства красоту внезапно низложиша»⁶³.

В результате Борис из-за своего властолюбия, славолюбия и одолевавшей его чрезмерной гордыни сам разрушил все то, что он начал строить еще при царе Федоре Иоанновиче, когда был всемогущим правителем. Произошло это, как утверждают Тимофеев и автор Хронографа 1617 г., из-за того, что одолеваемый жаждой славолюбия, целиком поглотившей его, приближал к себе и должности раздавал только «ласкавцам» и «словожелателям». Чиновники, поставленные за «хваление» или по мзде, не имеющие совести и не стыдившиеся своих действий, к тому же не сведущие в деле, которое им поручалось, наносили стране двойной вред: с одной стороны, грабительством и безмерным взяточничеством, а с другой — полным расстройством государственных дел.

В Боярской думе «на долю родни Годунова приходилась почти треть состава высших членов Думы — бояр и окольных»⁶⁴.

Тимофеев, перечислив все черты, свойственные режиму, установленному Годуновым в государстве, пришел к выводу, что и этот режим был деспотическим, а сам царь оказался «вторым

⁶² Временник. С. 63: 340.

⁶³ Хронограф 1617 г. // РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Стб. 1283–1284.

⁶⁴ Платонов С.Ф. Очерки Смуты в Московском государстве. С. 205. Современники отметили, пребывание у власти родни Бориса: «Вельможа Борис назвался царь Московского государства и бысть зол и свиреп и также сродники его» (Неизвестное «Писание» о начале «Смуты» / публ. М.В. Кукушкиной // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 21. С. 197.

деспотом»⁶⁵. Ему также были присущи полное самоволие и отстранение от управления делами страны всех советных органов; окружение непрофессиональными чиновниками всех рангов, поощрение доносов и как их результат — всеобщая подозрительность среди людей, чрезмерная помпезность в возвеличивании носителя верховной власти — самого царя Бориса.

Все чины и должности в государстве, равно как и высший духовный сан, можно было получить за чрезмерное радение верховному властителю или взятку. Настоящие дьяки, «которые в этих чинах состояли и почтены были властью по избранию и благоволению без всякой награды смещались <...> а на их место на долгий срок назначали поставленных за взятки. Эти не привыкли к делам и не знали совершенно того, что в достаточной мере и самостоятельно постигли наученные долгим опытом изрядные дьяки, сведущие в управлении и постоянном движении дел»⁶⁶. Новоназначенные дьяки «не умели правильно и имени своего начертать на бумагах, только немного и косо тростью, как бы не своей трясущейся рукой, провлачить ее и ничего более»⁶⁷. Они были не способны исполнять порученные им дела, то есть делать то, что «было свойственно подобным чинам», и годились «разве только на явное и тайное злоторение, на все противное добру». Но «они были очень удобны, старательны и искусны на всякие бесчестные и бесстыдные дела». Такие дьяки стыда не имели даже с рождения своего, «вдохновляемые только желанием чужое добро разорять» и «свои ненасытные карманы бесстыдно, а лучше сказать бесстрашно, наполнять»⁶⁸.

Приобщить таких дьяков к доброму исполнению своих служебных обязанностей было невозможно, поскольку они не в силах понять, что от них требуется по должности, ибо сколько не переверачивай голову и ноги, их местами не меняешь, потому что, кто был ничем, тот никогда не станет всем: «Злато погребано в кале существа своего не погубляет», и пыль на лице не многоцветный бисер, хотя на краткое время мог и показаться таковым. Поставленные Борисом дьяки не имели совести и служили ради гнилой чести, а не для пользы дела. Борис щедро вознаграждал их не за добросовестную службу, а за «человекоугодливость»: «кого чином, кого властью [повышением по должности], кого золотом и серебром, шубами и кафтанами» и, получая незаслуженно такие щедрые дары, все они «онемели и языки их затворились от этой мзды»⁶⁹.

В бумагах, которые приносили «верховным чиновниками» их подчиненные, те не разбира-

лись, поскольку не могли отличить «нужного от ненужного и все принимали без рассуждения». И это было очень вредно для дела, потому что чиновники эти напоминали «кобычай неразумных свиней: когда кормящие дают им для еды хорошую или плохую пищу, они не отказываются», не понимая «солоно это или пресно. И даже если что и смертное (ядовитое) — растворенное или скрытое — принесут им, они этого не понимают». Дьяки эти, молча, не глядя и не вникая в дела, подписывали бумаги, потому что были «немые перед подчиненными, так как принимали от них чрезмерную мзду, побуждаемые к этому своей непомерной жадностью, что и связывало их уста»⁷⁰. Занимаемая ими должность

⁷⁰ О взяточничестве чиновничества писали многие иностранцы, посещавшие Москву с торговыми или дипломатическими поручениями. Так, посол Венецианской Республики Рафаэль Берберини, прибывший в Москву, с целью получения торговых привилегий для Венеции, неоднократно сталкивался с московскими чиновниками и был поражен размером взяточничества процветавшего в московских приказах. «Корыстолюбие чиновников, — писал он, — простирается до такой степени, что если не подарить им чего-нибудь, нельзя ничего от них получить, ни совершить с ними никакой сделки. Вельможи, как и частные люди, не постыдятся нагло потребовать, чуть что увидят, перстни или другие вещицы, даже деньги — словом, все, что бы то ни было. У самого канцлера принято за правило, что если кто придет к нему и объявит, что желал бы поцеловать государеву руку за какое-нибудь дело (потому что, прежде всего, надо обратиться к канцлеру), первое слово: “А принес ли что-нибудь, чтобы удостоиться взглянуть на ясные очи государя?”. Это значит, что нужно его задарить; и эта алчность к подаркам так заразил честных людей, что за ними водится множество дурного» (Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М.: Крафт+, 2000. С. 60). Барон Августин Мейерберг, прибывший в Москву с дипломатической миссией, был потрясен открытым мздоимством судей, которые «приговоры продают с торга; решают в пользу той стороны тяжущихся, которая принесет больше. Преступники покупают себе безнаказанность; злодеи притупляют лезвие меча правосудия, подставляя под удары его золотые щиты. Да и сами судьи для затруднения улики себе в несправедливости своих приговоров, закрывают на суде глаза, чтобы подкупленные свидетели, тем смелее делали свои ложные показания или для оправдания правдивого обвинения, или для подтверждения насазанной клеветы, чем богаче получают награду за свою ложь». Кроме взяточничества судей, барон отметил и непрофессиональную работу дипломатических чиновников. Русские послы, будучи в иностранных государствах, ведут себя несоответственно своему высокому рангу: они «везде открыто занимаются торговлей. Продаю, покупают, променивают без личности прикрывая: сами продавцы, сами маклеры» и таким своим поведением они «заставляют почетный посольский сан служить низкому промыслу» (Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. М.: Рита-Принт, 1997. С. 105). Петр Петрей де Ерлезунда, шведский врач, практиковавший в Московском государстве в начале XVII вв. в течение четырех лет, также отмечал отсутствие правосудия в Московском государстве и взяточничество судебных чиновников: Судьи «дают приговор не по письменным установленным законам. а как скажет и желает великий князь, и как кажется хорошим и правосудным для совести лиц, исправляющих судейскую должность; они впрочем не очень стесняются совестью, да и не много имеют к ней уважения, а судят большей частью по расположению и подаркам, так что часто дают хорошее решение тому, у кого неправое и темное дело, а напротив, тот, у кого оно правое и чистое, получает приговор суровый и несправедливый» (Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М.: Рита-Принт, 1997. С. 430).

⁶⁵ Временник. С.53: 219.

⁶⁶ Там же. С. 75: 244.

⁶⁷ Там же. С. 75: 244.

⁶⁸ Там же. С. 76: 244–245.

⁶⁹ Там же. С. 75, 112, 190, 244, 286.

предоставляла им возможность «все пожирать и присваивать» («сами купно пожираючи все не прощжая»). В результате высокие должности в государстве превратились в ничто.

Тимофеев задается вопросом: почему младшие чиновники, среди которых встречались грамотные и понимающие в своем деле люди, молчали и оставались покорными? В этой покорности Тимофеев усматривает большую опасность, так как из-за их молчания многим людям было «причинено зло и неисчислимы напасти», вплоть до того что «в этих нуждах многие скончались от изнурения», и вообще количество бедствий от службы таких чиновников столь велико, что его невозможно даже передать словами⁷¹.

Тема назначения чиновников Борисом, как и вся установленная им система руководства деятельностью государственного аппарата, очень беспокоила Тимофеева. Он рассматривал назначение чиновников на высокие должности в государстве как серьезное и ответственное дело. Трудно даже предположить, — утверждал он, — какие беды могут ожидать государство от деятельности неумелых чиновников, обладающих «младенческим умом» и занявших свое место не по заслугам, а за приближение к властителю или мзду. Это все равно, как если бы «вождю слепу церковное вручать», а монастырь вверять «растаскателям», а неискушенному кормчему доверять управление кораблем. Такие ситуации к добру не приводят никогда, поскольку «дерево злое, добрый плод не рождает». Горе пастве, у которой дремлет пастырь, и монастырю «неснабдителями истощаемому», опасно кораблю, которым управляют «ненаученные» люди, но особенно плохо городу, дела в котором вершат неграмотные мздоимцы. Недобросовестный пастух стал губителем стада, которое пожрали звери; монастырь расхитители разграбили так, что от него осталось одно только основание, корабль у неискusного кормчего пошел под воду, но совсем не утонул — потому что это образ Христовой церкви; с городом же случится еще большее зло: он будет такими чиновниками окончательно разорен и погублен, «как будто его и не было»⁷².

Губительно всему «градостроению»⁷³, при котором доверием пользуются, и на высшие должности назначаются невежды, крохоборы («мшелособиратели»)⁷⁴ и мздоимцы. В таких условиях обычно повсюду к власти один за другим устремляются худшие, причем побеждают самые наихудшие, и все они день за днем со злой рев-

ностью совершают свои злые дела, и в результате даже «самый худший из всех не остается непричастным к этому несвойственному для него занятию». Все злодеяния, совершаемые такими чиновниками, допускаются из-за молчания стоящих у власти или из-за их бессильной слабости. Особенно остро все это стало ощутимо, когда страна переживала временное отсутствие верховной главы («господство безглавное»).

«О священных возвышениях я не осмеливался говорить <...> чтобы не прогневать Бога»⁷⁵. Но и церковные служители в раной мере назначались на должности, так же как светские чиновники. При таких порядках от верховного святителя и других священников не приходится ожидать содействия и заступничества за паству, терпящую бедствие либо от самого властителя, либо от и приближенных к нему лиц, равно как и критики с их стороны несправедливых действий властей, потому что и их уста «заграждены», ибо свои чины, равно как и первый сан патриарха, все они получили из рук носителя верховной власти⁷⁶.

Тимофеев подчеркивал, что Борис, ни в ком «не встречая сопротивления, поступал своевольно и делал нечто законопреступное, добавляя одно преступление к другому». Церковь не только молчала, но и попустительствовала беззакониям и злу. Первосвятитель был безгласен, ибо он не Богу служил, а угождал человеку, и другие священнослужители из страха проявили к своему пастырскому долгу «нерадение», показав этим также свою слабость, «немужество и бесчеловечие».

В результате «бессловесное молчание» затронуло все слои русского общества и связало их порочной порукой: чиновники, делавшие злые дела, не имели «возбранения властвующих» и сами, в свою очередь, молчали, когда те совершали беззакония. Вся вместе бесчестная пирамида «властвующих» и «начальников» воспитала народ в «страшистве», разъединила его, превратив в «несогласное бесчеловечество», не имеющее разумения, так как здравый смысл в народе и ответственность за свои поступки должны достигаться воспитанием и образованием, а не разделением и страхом. Постоянно терзаемый страхом и обманываемый ложью народ не способен к рассуждению, он становится безрассудно доверчивым к начальственному слову.

⁷⁵ Временник. С. 246–247.

⁷⁶ Тимофеев, по всей видимости, не понял значения учреждения в России патриаршества (при царе Федоре Иоанновиче, стараниями Бориса Годунова), как, кстати, и Максим Грек. Тимофеев же отнес и это событие тоже к удовлетворению гордости Бориса. Когда он пишет о «священных возвышениях», то имеет в виду «перемену в России мест тех, которые занимали должности первых святительских престолов, — именно переименование их через возвышение титулов с низших на высшие <...> а именно: митрополит переименован был патриархом, архиереи стали митрополитами, а епископы — архиереями». Тимофеев в этих перемещениях видит только получение высших чинов почти всеми святителями Руси по воле Бориса и, естественно, благодарных ему за такое возвышение (Временник. С. 78: 246–247).

⁷¹ Временник. С. 75: 245–76: 246.

⁷² Там же. С. 76: 246.

⁷³ Здесь термин «градостроение» употреблен в значении «государство»

⁷⁴ Временник. С. 75: 245–76: 246. «Мшелособиратель — корыстолюбец, мздоимец» (Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 9. М.: Наука, 1982. С. 327).

Отношения между правителем и подданными упрощаются до формулы: дерзкий правитель (бессрамно, бесстыдно, незаконно) и попускающий народ. При таких взаимоотношениях в людях окаменели сердца, и они перестали опасаться Суда Божественного за свои действия (как и бездействия), испытывая страх лишь перед земными владыками⁷⁷. И «купно от всех зол, вместе сошедшихся, началось разливание нашего отечества»⁷⁸. Конец царствования Бориса был печален: он был «низложен Росстригиным пришествием», который его «яко козел ногами, збод и с престола долу сверг»⁷⁹.

Таково было второе деспотическое правление, оказавшее весьма пагубное влияние на страну и ее народ. Страна была потрясена «внутренним кризисом <...> все потеряло устойчивость, все бродило скрытым внутренним брожением»⁸⁰.

Божественное наказание, обрушившееся на Россию, по мнению автора «Временника», в виде нашествия лжецарей, в наибольшей степени явилось следствием «немужества», «несмелства» и «бессловесного молчания» народа, позволившего Борису незаконно занять трон, а затем несправедливо и неправедно править страной.

При Лжедмитрии I эти пороки еще более усилились. Великие должности по-прежнему раздавались не по заслугам, а за приближение к властителю или за мзду. Лжедмитрий, будучи сам недостойн занимаемого им места, также «не по достоинству раздавал царские чины не достойным, не согласуясь с происхождением, возрастом, не по родству и не ради заслуг по службе, но ради заслуг весьма постыдных». Так что чины у недостойных напоминали «многоцветные серьги у свиней в ноздрях»⁸¹, но «каков дающий, таковы и принимающие: ни дающий не понимает, что дает, ни принимающий не знает, а если бы оба понимали причину этого, не присваивали бы им несвойственного. И Борис в таких делах немногим отличался от этого»⁸².

Корысть чиновников в это время (в период Смуты) не знала границ, ибо они, вступив в должность, прежде всего, «жаждали "безтрудного богатства", которое легко приобреталось в такое время от неправды, а ранее они достигали бы его благими делами и прошли бы к нему долгий путь. Но стыд и совесть у них были утрачены, и люди в возрасте не стыдились своих седин, выбирая пути к наживе. Они без зазрения совести запускали руки в чужой карман, в том числе и

в казну, попросту грабили, забыв о том, что неправдою приобретается, то легко и теряется, и на пользу не пойдет. Глупость, увы, — неизлечима, как сказал Иоанн Богослов, горько возрастом стариться, а умом прибывать в младенчестве»⁸³.

Если Борис Годунов положил начало расхищению казны, то Лжедмитрий «хранилища всех ранее собранных царских сокровищ, даже до золотых и серебряных монет, увы, все он опустошил без порядка и рассмотрения не в меру тщательно, все считая за глину, а не за серебро, и раздавая драгоценности: ясно было, что он над ними не трудился; а их число невозможно выразить и многими десятками тысяч, думаю, что их количество превысит и множество песка. Этим он обогатил и землю богопротивных, а вместе и латынствующую Литву, оставив в казнохранилищах лишь малый остаток, и остановила его в этом только его смерть»⁸⁴.

Василию Шуйскому тоже ничего в этом отношении изменить не удалось, кроме того, он, по мнению Тимофеева, также незаконно занял царский трон, «самодвижно воздвигся, кроме воли всея земля». «Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем и все люди были смущены этим скорым его помазанием на царство; этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда после первых (захватчиков) началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей началось непослушание и самовластие рабов и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя с войском к матери городов (Москве), этим своим приближением к стенам города изменчески оказывали презрение самой главе царства»⁸⁵.

Произошли такие события в силу неустойчивости верховной власти, которая и породила «метание людей». Все люди и даже целые города пришли в несогласие, «поднимали голову на своих же соплеменных и враждовали сами на ся». Некоторые города даже заключали союзы с другими народами, а затем целой разбойничьей ратью наступали на Москву⁸⁶.

Тимофеев твердо уверен, что замещение высшей должности в государстве должно происходить законно. Между тем не только Василий Шуйский, но и его предшественники Борис Годунов и Лжедмитрий I пренебрегли этим важным требованием. Избрание Бориса на царский трон было фальшивым, ибо он «похитил престол лукавством и неправдой», обманув народ, и «в нехотения образе самохотящ нам поставитесь»⁸⁷.

⁷⁷ Временник. С. 52: 218.

⁷⁸ Там же С. 92: 263.

⁷⁹ Там же. С. 48: 213.

⁸⁰ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 197.

⁸¹ Здесь Тимофеев перефразирует текст Притчей Соломоновых. Ср.: «что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрассудная» (Пр. 11: 22).

⁸² Временник. С. 69: 260–261.

⁸³ Там же. С. 123: 297.

⁸⁴ Там же. С. 90: 261.

⁸⁵ Там же. С. 113–114: 287.

⁸⁶ Там же. С. 120–121: 295.

⁸⁷ Там же. С. 53: 219.

Лжедмитрий «подобно темному облаку возвлекся от несвятимые тьмы» и внезапно, обманно, приняв образ царева сына, сумел, воспользовавшись этой наглой ложью, завладеть тронном, и наконец, Василий Шуйский также «самовольно, хищнически, бесстыдно из боярского сословия вскочил на царство <...> и царствовал нечестиво в мале времени»⁸⁸.

Между тем главное место в государстве всегда должно замещаться «законно и святолепно», а когда этот порядок нарушается, то в конце концов неизбежно вызывает гражданскую войну, что и произошло в царствование Василия Шуйского.

При Василии Шуйском Тимофеев был послан на работу в Новгородскую администрацию, где прямо столкнулся с чиновниками, получившими свои должности за мзду и ничего не понимавшими в деле, которому они были приставлены. Он дает отрицательную характеристику главе этой администрации, воеводе М.И. Татищеву, отправленному царем Василием Шуйским воеводой в Новгород, как полагает Тимофеев, за услуги, оказанные им при выборах Василия царем. Тимофеев называет М.И. Татищева «злым», «злохитрым», «волкохищным лжеселентияром», «предателем» и тому подобными эпитетами. Татищев приблизил к себе и назначил на ответственную должность Ефима Телепнева, выдвинутого из второго разряда младших новгородских подъячих, не знавшего дела и не обладавшего никакими способностями и знаниями, но при этом «злобного нравом», «доносчика», «гордоустца» и «пустослова», к тому же «зломнивого» и «прелукавого самолюбца». Произведенный в дьяки, как полагает Тимофеев, именно за эти качества, а не за профессиональные заслуги, этот «подлый Телепнев», который ранее был человеком «к славе непричастным» и униженным по своему положению, оказался по своим качествам «собеседен и сходен <...> злохитрому оному [Татищеву] во злобных нравах, и собеседлив, паче по лукавству свойственен». Однако дружба между ними не была искренней, напротив, она была полна коварства, что, по мнению Тимофеева, было характерной чертой в отношениях подобного чиновничества. Лыстивый, но «злоковарный» Ефим Телепнев, войдя под прикрытием своего «тайного языковредия» в доверие к М.И. Татищеву и заслужив его расположение, на самом деле «в прикровении лести был советником врагов Татищева» и, более того, «совещателем на его убийство»⁸⁹.

⁸⁸ Временник. С. 91: 262.

⁸⁹ Поведение воеводы Татищева, незаконные поборы с населения, подозрения в намерениях перейти на службу оккупантам-шведам вызвали гнев народа и во время одного из городских восстаний в начале 1609 г. М.И. Татищев был убит. Народ новгородский сбросил его в реку на растерзанье «водоживотным бессловесным». Немногие тогда знали, что виновником убийства Михаила Татищева был дьяк

В самом новгородском аппарате царили «враждотворство» и интриги. Ефима Телепнева, как и самого М.И. Татищева, Тимофеев подозревал в хищениях государственного имущества, получении взяток и корыстных связях с крупными купцами — гостями, а «счетчика» Новгородской администрации — дьяка Пятого Григория прямо обвинял в мошенничестве и воровстве (что позже и было доказано судом)⁹⁰.

«Купно все эти злодейства» по отношению к государству и народу привели не только к всеобщему расстройству управления, но и повсеместному падению нравов, которое выразилось в процветании таких пороков, как клятвопреступление, гордость, лицемерие, соединенное с великой неправдой, безмерное винопитие и обжорство, злопамятство, ненасытное сребролюбие, никогда не удовлетворяемое прибылью барышей, и карманами, не закрываемыми для наград, хищениям чужого имущества, приобретением множества вещей, больше необходимого количества, осквернение речи ругательствами (родную мать оскверняли), и порождаемое всем этими пороками «невоздержание блуда, и их жало содомское гнусное дело, о котором стыдно говорить и писать». Все эти пороки привели к «братоненавистничеству» и в конечном счете к братоубийственной войне.

Вывод Тимофеева прост и безжалостен. Подобное правление неизбежно приводит государство к разорению и, возможно, даже и к полной гибели, причиной которых являются жестокие междоусобия среди властвующих, преуспеяния на властной лестнице «худших среди худших», и как завершение всего этого — нравственное падение всего общества. Он предполагает, что все эти «студодейния» в стране были допущены самими «владущими» из страха потери власти или от «бессилия и немощи самой власти». Народ подчиняется правителям до тех пор, пока те придерживаются повелений, данных Богом, и соблюдают законы Божественные и человеческие, когда же правители вступают на путь беззакония, то очень скоро туда же устремляются и подданные. Чем более явственно правитель

Ефим Телепнев. «Аще и не руками тому он убийца бе <...> но языком». «По мнению некоторых, он и к убийству Скопина был причастен». Тимофеев, рассказывая об убийстве Татищева, имени Телепнева прямо не называет, но намекает на него, расшифровывая значение его имени — Ефим (собеседлив, языковредлив (См.: Временник. С. 105: 278). Тимофеев не хотел писать об этом прямо, потому что дьяк Ефим Григорьевич Телепнев, уже после смерти Михаила Татищева, сделал при царе Михаиле Федоровиче блестящую карьеру: с 1614–1623 гг. он сидел на денежном дворе; с 1620 по 1629 гг. в Приказе печатного дела и одновременно с 1627 по 1630 гг. в Посольском приказе. См.: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI–XVII вв.: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С.295.

⁹⁰ См.: Черепнин Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в архивах Швеции // ТОДРЛ. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 460.

нарушает законы, тем менее он может рассчитывать на послушание и подчинение подданных⁹¹. Постоянное нарушение законов властителями привело к полному крушению государственного порядка, и в результате все «бесчестное в не свойственную ему честную ризу оделось». Утратились авторитеты, люди забыли заповеди и запреты, страна стала беззащитной, что и привело не только к гражданской войне, но и вражеским нашествиям. Причину всего этого «нестроения» Тимофеев усматривает в греховном беззаконии, самовластии властителей, и ответном непослушании подданных⁹².

За все происходящее с Россией, по мнению Ивана Тимофеева, ответственность понесут не только «злотворящие» властители, но и «все умолчавшие <...> и попустившие на се»⁹³, даже «мельчайшие и малые не избегнут своей вины», потому что если человек подобен малой песчинке или даже «дробности от нее», он все равно должен отвечать не только за себя самого, но и судьбу своей страны⁹⁴, не покрываясь словно саваном «бессловесным молчанием» и как бы не ведая ни о чем⁹⁵.

Таким образом, Тимофеев, одним из первых в истории политической мысли России, поставил вопрос об ответственности (и одновременно вине) как правителей, так и всего народа за события, произошедшие в стране и приведшие ее к гражданской войне. История, по мнению Тимофеева, преподнесла серьезный урок русскому народу, который не единожды проявил

недостойное «несмелство» и «не мужество»: он не оказал сопротивления Ивану IV, позволив ему бесчестить и убивать своих же подданных; оказался безгласным перед Борисом Годуновым, когда тот стал нарушать свои обязательства, принятые под присягой, данной при вступлении на трон; поддавался обману и позволил самозванцу занять святое место в государстве, промолчал, когда незаконно «восхитил трон» «самовенчик» Василий Шуйский, — это все не прошло бесследно для России. Бог подвергнул страну нахождению лжецарей, ввергнув ее в гражданское междоусобие, спровоцировавшее иностранную интервенцию. Все это произошло потому, что Бог не прощает народ, когда он не находит в себе силы противостоять злодейству. Настоящие люди должны быть честными, неподкупными и мужественными, и именно такими людьми следует окружать трон, то есть самую великую и ответственную должность в государстве.

Мысли, высказанные крупным средневековым государственным чиновником, заставляли задумываться не только его современников, но и нас — его далеких потомков — о своей личной ответственности (и вине) за все происходящее в наше время и в нашей стране. Рассуждения Тимофеева о власти и властителях, «лиховании», «неправдовании», мздоимстве и отсутствии в государстве правого суда всегда содержат опасность для властей предрержащих, поскольку способны породить у читателей весьма далекоидущие исторические параллели.

Библиография:

1. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 538 с.
2. Временник Ивана Тимофеева / пер., коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 524 с.
3. Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII вв. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 288 с.
4. Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник. — М.: Наука, 1975. — С. 146–151.
5. Курбский А.М. История о великом князе Московском / сост., вступит. ст., коммент. Н.М. Золотухина. — Тольятти: Ун-т Рос. академии образования, 2001. — 162 с.
6. Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. // Советский архив. — 1982. — № 3. — С. 22–25.

⁹¹ Мысль о том, что только законный и законопослушный правитель, сам действующий «праведно» может рассчитывать на беспрекословное подчинение подданных была довольно широко распространена в произведениях XVI в. Эту тему затрагивал Филофей в своих Посланиях (См.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его Послания. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. Приложения. С. 14, 16, 30); к ней обращался в своих Челобитных И.С. Пересветов (См.: Сочинения И. Пересветова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 176, 177, 180 и др.). Но особенно она стала популярной в начале и первой половине XVII вв. См., например: Повесть о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде // РИБ. 3-е изд. Т. 13. Стб. 243–247; Сказание о царстве царя Федора Иоанновича // Там же. Стб. 807; Хворостинин И.А. Словеса дней и царей и святителей Московских // Там же. Стб. 525 и др.

⁹² Временник. С. 92: 263–93: 265, 111: 284.

⁹³ Там же. С. 27: 92, 98.

⁹⁴ Там же. С. 27:191.

⁹⁵ Там же. С. 35:200

7. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. — М.: Рита-Принт, 1997. — С. 43–184.
8. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — М.: Наука, 1993. — 432 с.
9. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. — М.: Рита-Принт, 1997. — С. 151–464.
10. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. — М.: Соцгиз, 1937. — 499 с.
11. Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Русская историческая библиотека. 3-е изд. — Л., 1925. — Т. XIII. — Вып. 1. — Стб. 213–254
12. Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI–XVII вв.: сб. ст. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 384 с.
13. Сказание Авраамия Палицына. — М.;Л: Изд-во АН СССР, 1955. — 349 с.
14. Солодкин Я.Г. Неизвестные документы о дьяке Тимофееве //Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 71–73
15. Сочинения И. Пересветова / пер. и публ. А.А. Зимины; под ред. Д.С. Лихачева. — М.: АН СССР, 1956. — 386 с.
16. Хворостинин И.А. Слова дня и царей Московских // Русская историческая библиотека. — 3-е изд. — Л., 1925. — Т. XIII. — Стб. 525–558.
17. Хронограф 1617 года // Русская историческая библиотека. — 2-е изд. — СПб., 1909. — Т. XIII. — Стб. 1283–1284.
18. Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. — М.: Мысль, 1973. — 350 с.
19. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника // Источники истории: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582), Шлтхтинг А. Новое известие о России времен Ивана Грозного, Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — Рязань: Александрия, 2005. — С. 431–525.

Материал поступил в редакцию 21 января 2015 г.

**SOVEREIGN'S CLERK IVAN TIMOFEEV:
«ASSIGNING OFFICIALS FOR HIGH POSITIONS IS A SERIOUS AND RESPONSIBLE TASK».**

Zolotuhina, Natalia Mihailovna — Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Researcher of the Department of Theory, History and Judiciary of the Russian State University of Justice.

[nzolotuhina@list.ru]

117418, Russia, Moskva, ul. Novocheremushkinskaya, 69.

Review. *The article provides analysis of the conclusions made by the merited Russian official, Sovereign's Clerk Ivan Timofeev, who lived at the verge of XVI and XVII centuries, regarding the causes disrupting the state administration and economic life in Russian in the second half of XVI and early XVII centuries, which have brought the state into the civil war and foreign intervention. Among the chief causes, Ivan Timofeev had named assigning unworthy persons to higher positions in the public state apparatus (both central and provincial), choosing these persons for bribes or pronounced praises of the rulers of the state, while these appointed persons lacked both business and personal qualities necessary. In the system of his analysis Ivan Timofeev has managed to connect the disruption in the public administration and the civil war that followed, the Turmoil and Oprichnina of Ivan the Terrible, which have destroyed love and peace among the people, instigating one half of the population against the other, the latter «dark liaisons» of Boris Godunov, the further devastation of the land and of the entire system of state administration at the time of Lzhedmitry I (False Dmitry I), then its total collapse at the time of Vassily Shuisky. The spread of the flawed government and public administration was supported by silence of the subjects of all classes and ranks, timidly accepting the destruction of the very fundamentals of the law and order, causing loose morals in the society and spread of harmful faults (love for gold, pride, wish for unearned awards, theft, love for abundance of things, offensive language, excessive wine-drinking and eating, and sodomy), which finally has lead to the explosion of public disgust and anger, further leading to the civil war, which had put the very state at the verge of catastrophe, making its loss and independence and destruction possible. The article shows that the picture of the destruction of the state by Oprichnina, faults of the rules of Boris Godunov, Lzhedmitry and Vassily Shuisky, which is given by Ivan Timofeev, is to a great extent similar to the statements made by his compatriots both in Russia and those abroad visiting Russia in XVI — first half of XVII centuries. However, no other eyewitness provided such an in-depth analysis of the harm for the state from assigning to the highest public positions «the dunces, the collectors and requesters of bribes», when the worst sort of people strives to have power and position, and even the worse sort of people follow them, from their actions the state may fall «as if there were none before». Ivan Timofeev holds both the rulers and the ruled to be responsible for the disarray in every branch of public administration, since «all of them sinned head to toe», considering it not to be acceptable, when people are there in wordless silence, and they do not oppose violence, being just onlookers, when innocents were doomed, and they have allowed for their compatriots to make deals with the foreign invaders for profits, making the Orthodox Christian lands weak and poor. The conclusion of Ivan Timofeev is clear and severe: assigning officials to high posi-*

tions in the state apparatus for them to rule all actions of the state is a serious and responsible task for the sovereign and the highest rank officials. Ivan Timofeev has warned his compatriots that, if there are people in the future capable of «ruining such a brilliant state, which is decorated by God» as Russia is, his Book of Time (Vremennik) shall warn them of the consequences for the state from such harmful deeds.

Keywords: power, government, officials, public property, treasury, desolation, bribe, vice, flattery, lies, slander, responsibility, guilt, lack of bravery, lack of courage, wordless silence.

Bibliography:

1. Veselovskij, S.B. Studies on Oprichnina history. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. — 538 p.
2. The Book of Time of Ivan Timofeev (Vremennik Ivana Timofeeva) / translated and commented by O.A. Derzhavnaya; ed. by V.P. Adrianova-Peretc. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. — 524 p.
3. Gorsey, J. Notes on Russia in XVI — early XVII centuries. — M.: Izd-vo MGU, 1990. — 288 p.
4. Koreckij, V.I. New materials on Clerk Ivan Timofeev — a historian and publicist of XVII century // Arheograficheskiy ezhegodnik. — M.: Nauka, 1975. — P. 146–151.
5. Kurbskij, A.M. The story of the Great Prince of Moscow / introduction and commentary by N.M. Zolotuhin. — Tolyatti: Un-t Ros.akademii obrazovanija, 2001. — 162 p.
6. Lukichev, M.P. New information on the Russian thinker and historian of the XVII century // Sovetskij arhiv. — 1982. — № 3. — P. 22–25.
7. Meyerberg A. Trip to Muscovy of Baron Augustin Meyerberg // Utverzhdenie dinastii. — M.: Rita-Print, 1997. — P. 43–184.
8. Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbskiy. — M.: Nauka, 1993. — 432 p.
9. Petrej, P. History of the Great Princedom of Muscovy // On the start of wars and turmoils in Muscovy. — M.: Rita-Print, 1997. — P. 151–464.
10. Platonov, S.F. Notes on the history of the Turmoil in the Muscovy State in XVI-XVII centuries. — M.: Socjegiz, 1937. — 499 p.
11. A mourning of capture and total desolation of the Muscovy state // Russkaja istoricheskaja biblioteka. 3-nd ed. — L., 1925. — V. VIII. — Ed. 1. — Stb. 213–254
12. Polosin, I.I. Social and political history of Russia in XVI–XVII centuries. Collected articles. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. — 384 p.
13. The story of Avraamiy Palicyn. — M.; L: Izd-vo AN SSSR, 1955. — 349 p.
14. Solodkin, Y.G. Unknown documents on Clerk Timofeev // Otechestvennyye arhivy. 2000. № 1. P. 71–73
15. Works of I. Peresvetov / translated and published by A.A. Zimin; ed. by D.S. Lihachev. — M.: AN SSSR, 1956. — 386 p.
16. Hvorostinin, I.A. The words of days and princes of Muscovy. // Russkaja istoricheskaja biblioteka. — 3rd ed. — L., 1925. — V. VIII. — Stb. 525–558.
17. Chronographer of 1617 // Russkaja istoricheskaja biblioteka. — 2nd Ed. — SPb., 1909. — V. VIII. — Stb. 1283–1284.
18. Shmidt, S.O. Formation of the Russian sovereignty. The study of the social and political history of the times of Ivan the Terrible. — M.: Mysl', 1973. — 350 p.
19. Shtaden, G. On Moscow of the time of Ivan the Terrible. The notes of the German Oprichnik // Historical sources. Gejdenshtejn, R. Notes of Moscow war. (1578–1582), Shlhting, A. News on Russia of the Time of Ivan the Terrible. Shtaden, G. On Moscow at the time of Ivan the Terrible. — Rjazan': Aleksandrija, 2005. — P. 431–525.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ НОРМАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ В 1917–1960 гг.

Аннотация. В статье проанализированы первые уголовные и исправительно-трудовые кодексы РСФСР и УССР, судебная практика на предмет наличия в них норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на нормальную деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы Украины. Делается вывод о том, что ответственность арестованного за побег из-под стражи или из места заключения наступала только при наличии отягчающих обстоятельств, а именно: при его совершении путем подкупа, взлома, повреждения затворов, стен и т.п. Побег арестованных, не сопровождавшийся указанными обстоятельствами, уголовной ответственности не влекли, а наказывались только в дисциплинарном порядке. Позже уголовная ответственность за побег была отменена и вместо нее была предусмотрена дисциплинарная ответственность. После выявления ошибочности отмены уголовной ответственности за побег, она вскоре была восстановлена. Практика применения этой нормы подтвердила ее действенность, и со временем выявила необходимость ее совершенствования. После внесения соответствующих изменений уголовное законодательство стало признавать наказуемым любой побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы, а не только совершенный при наличии отягчающих обстоятельств. Кроме того, в исправительно-трудовом законодательстве появились нормы, в которых указывалось, что следовало рассматривать в качестве самовольной отлучки, а что считать побегом. При этом за самовольную отлучку и неявку в срок заключенные несли дисциплинарную ответственность, а за побег — уголовную. Обращается внимание на проблемы ответственности осужденных за совершение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений. Повышенная опасность этого преступления и отсутствие специальной статьи уголовного закона невольно вынуждали судебную практику на применение в таких случаях аналогии, когда такие действия квалифицировались как бандитизм. Отмечается, что в случае уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, исправительно-трудовых (принудительных работ), они могли быть заменены лишением свободы, несмотря на законодательное отсутствие норм, предусматривающих возможность такой замены для исправительно-трудовых (принудительных работ). Ответственность осужденных за уклонение от отбывания других видов наказаний, несмотря на достаточно развитую их систему, не предусматривалась.

Ключевые слова: административный надзор, бандитизм, дезорганизация исправительно-трудовых учреждений, замена наказаний, лишение свободы, освобождение арестованного, пенитенциарная служба Украины, побег, принудительные работы, развитие законодательства, штраф, уголовно-правовая охрана, уклонение от наказания.

История развития уголовного законодательства показывает, что нормальная деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы Украины в сфере надлежащего исполнения и отбывания уголовных наказаний всегда занимала особое место в системе уголовно-правовой охраны. Необходимость историко-правового исследования объясняется возможностью понять логику развития юридической мысли по этому вопросу на протяжении длительного периода развития отечественного уголовного права.

В свое время Н.С. Таганцев отмечал, что задачей положительного изучения должно быть не только догматическое выяснение и изложение начал действующего права, но и критическая их оценка на основании данных практик и начал науки, на основании опыта других народов и отечественной истории права¹. В связи с этим, по нашему мнению, практически ни одно современное исследование, носящее комплексный характер, не обходится без применения исторического метода, позволяющего получить представление об основных тенденциях развития изучаемого явления.

В юридической литературе проблемы уголовно-правовой охраны нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины исследовались в работах таких ученых, как М.И. Бажанов, О.В. Брынзанская, И.С. Власов, А.П. Гель, В.И. Горобцов, Т.М. Добровольская, В.И. Егоров, Н.И. Загородников, А.И. Зубков, В.Д. Иванов, В.Е. Квашиш, А.Г. Колб, А.И. Лукашов, К.В. Мазняк, А.С. Михлин, Д.А. Назаренко, Н.А. Огурцов, А.Н. Павлухин, Е.И. Плужник, Ш.С. Рашковская, А.Л. Ременсон, В.К. Сауляк, А.М. Сокуренок, В.М. Трубников, И.М. Тяжкова, Ю.К. Шевелев и др. Однако в трудах этих ученых рассматривались или в целом проблемы уголовной ответственности за посягательство на правосудие, или ответственности за отдельные виды противодействия функционированию органов и учреждений пенитенциарной службы Украины.

Несмотря на проведенные исследования, считаем, что степень разработанности этой проблематики не может быть признана достаточной. Проблемы уголовно-правовой охраны нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины не раскрыты должным образом.

Целью статьи является анализ исторического развития законодательства об уголовно-правовой охране нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины в 1917–1960 гг. для более четкого и полного раскрытия сущности и понимания этого вопроса.

Одним из основных периодов развития законодательства Украины об уголовно-правовой охране нормальной деятельности органов и уч-

реждений пенитенциарной службы является так называемый советский период, начало которого связано с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г.² Сразу после ее победы был издан Декрет СНК № 1 от 24.11.1917 «О суде», согласно которому судам разрешалось руководствоваться в своей деятельности «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³. Фактически же основы уголовной политики закладывались в первых декретах советской власти и решениях коммунистической партии.

В первые годы советской власти в отношении осужденных, злостно нарушающих установленный в исправительных учреждениях режим отбывания наказания, а также оказывающих противодействие администрации мест отбывания наказаний, применялось продление сроков лишения свободы. Такое правило содержалось во Временной инструкции «О лишении свободы как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» от 23.07.1918, которая устанавливала порядок исполнения наказания в виде лишения свободы и средства его обеспечения⁴.

Так, ст. 28 Временной инструкции предусматривала меры репрессий к заключенным и отмечала, что репрессии применяются к нарушающим порядок и дисциплину и к нежелающим работать без основательных причин. В примечании к этой статье указывалось, что удлинение срока лишения свободы свыше 1 месяца проводится утверждением местного народного суда по представлению комиссии.

Также Временная инструкция в ст. 23 предусматривала возможность предоставления местным народным судом отпуска лицам, осужденным к наказанию в виде лишения свободы на срок не более 1 года, в случае смерти отца, матери, супруги, ребенка или другого близкого родственника или другого серьезного повода, на срок не более 2 недель под поручительство или без такового по представлению руководителя места заключения. Если лицо находилось под следствием, то такой отпуск предоставлялся соответствующей следственной комиссией.

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. 2-е изд., доп. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 22.

² См.: Орел Ю.В. Кримінально-правова охорона нормальної діяльності органів та установ пенітенціарної служби України за законодавством Київської Русі // Форум права. 2014. № 1. С. 400–405. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/FP_index.htm_2014_1_70.pdf. (дата посещения: 30.07.2014)

³ Декрет СНК № 1 от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управ. делами Совнаркома СССР, 1942. С. 42; Декрет СНК № 1 от 24.11.1917 г. «О суде» // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Политиздат, 1957. С. 125.

⁴ Постановление НКЮ от 23.07.1918 «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 708–714.

Кроме того, ст. 1 Временной инструкции формулировала принципиальное положение о том, что царские указы о содержащихся под стражей и о ссыльных считались потерявшими силу, чем юридически закрепляла фактический слом дореволюционной тюремной системы.

Одной из первых попыток издания единого акта, который бы регламентировал порядок отбывания наказания, в том числе и применение взысканий, был проект, разработанный в Украине, так называемый Устав о лицах, содержащихся под стражей. Окончательный его вариант, составленный 15.05.1919, назывался «Основные положения о лицах, содержащихся под стражей». Одной из мер взыскания в указанном положении было предание суду тех, кто злостно уклонялся от суда⁵. Под последним взысканием, на наш взгляд, имеется в виду возможность продления срока заключения осужденным, которые злостно нарушали требования режима содержания и тем самым уклонялись от отбывания назначенного судом наказания⁶.

Начало законодательного регулирования уголовной ответственности за посягательство на нормальную деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы в советское время положил Декрет ВЦИК от 15.04.1919 «О лагерях принудительных работ», в котором впервые в истории уголовного права советского периода была установлена ответственность за побег из места заключения. В п. 4 этого Декрета говорилось, что бежавшие из лагерей или с работ подлежат самым суровым наказаниям⁷.

Конкретизируя это предписание ст. 37 Постановления ВЦИК от 17.05.1919 «Об организации лагерей принудительных работ» предусматривала, что за побег в первый раз заключенному увеличивался срок заключения до 10-кратного размера срока первоначального заключения. За вторичный побег виновные предавались суду революционного трибунала, который имел право определять наказание вплоть до применения высшей меры наказания⁸.

⁵ См.: Фролов Ю.О. Розвиток виправно-трудового права на Україні в перші роки Радянської влади. К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1960. С. 14; Романов М.В. Дисциплінарна відповідальність засуджених до позбавлення волі. Харків: Фолю, 2004. С. 30.

⁶ См.: Орел Ю.В. Історія розвитку кримінального законодавства з питань відповідальності за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи // Південноукраїнський правничий часопис. 2006. № 4. С. 230-233; Орел Ю.В. Кримінальна відповідальність за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи: дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2008. С. 16; Трубников В.М., Орел Ю.В. Кримінальна відповідальність за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи: монографія. Х.: Харків юридичний, 2009. С. 19–20.

⁷ Декрет ВЦИК от 15.04.1919 «О лагерях принудительных работ» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Управ. делами Совнаркома СССР, 1943. С. 180.

⁸ Постановления ВЦИК от 17.05.1919 «Об организации лагерей принудительных работ» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. С. 331.

Для предупреждения возможности побега ст. 38 указанного Постановления предусматривала введение круговой поруки. В связи с этим, на наш взгляд, следует согласиться с мнением Е.Р. Абдрахмановой, которая справедливо отмечала, что такую меру нельзя было признать правильной, поскольку лицо в данном случае наказывалось за действия других при отсутствии вины⁹.

15.11.1920 НКЮ РСФСР принял Постановление «Положение об общих местах заключения РСФСР», что было попыткой своего рода кодификации правового материала в сфере исполнения наказаний. Положение уделило значительное внимание вопросам об ответственности осужденных за совершение ими побегов. Так, в § 214 Положения отмечалось, что заключенные, виновные в побеге или в покушении на побег, сопряженным с насилием или повреждением здания, отвечали в судебном порядке.

В § 215 говорилось, что совершившим побег время, проведенное в заключении до побега, не засчитывалось в срок наказания, если оно не превышало 1 года, о чем коллегией места заключения составлялось постановление. Незачет в срок наказания времени свыше 1 года решался судом.

Кроме указанного, в § 216 отмечалось, что бежавшие, по задержании и возвращении их в места заключения, переводились в штрафной разряд и подлежали особо тщательному наблюдению.

На администрацию места заключения возлагалось принятие всех необходимых мер с целью предупреждения побегов осужденных. Так, п. 209–211 Положения обязывали всякого служащего в месте заключения, обнаружившего побег или покушение на него, немедленно поднять тревогу. За побег заключенного отвечали как за преступление по должности все лица, в обязанности которых входило окарауливание заключенного и наблюдение за его поведением. При совершении осужденным побега заведовавший местом заключения обязан был безотлагательно принять все необходимые меры к розыску и задержанию бежавшего¹⁰.

Что касается предоставления отпусков осужденным, то в этом плане, как отмечали некоторые ученые, Положение делало существенный шаг назад. Предусматривая отпуска заключенным разряда исправляющихся в виде награды за особенно хорошее поведение, один раз в год на срок не более 7 дней и заключенным образцового разряда два раза в год на срок до 7 дней каждый раз, Положение в § 57 говорило уже не о том, что отпу-

⁹ См.: Абдрахманова Е.Р. Уголовно-правовая охрана деятельности исправительно-трудовых учреждений: учеб. пособие. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1996. С. 9.

¹⁰ Постановление НКЮ РСФСР от 15.11.1920 «Положение об общих местах заключения РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управ. делами Совнаркома СССР, 1944. С. 209–233.

ска разрешаются, а о том, что они могут предоставляться и разрешаться заключенным¹¹.

Касаясь вопроса об ответственности за несвоевременное возвращение осужденных из отпусков, следует отметить, что оно также нашло свое закрепление и регламентацию в нормах Положения об общих местах заключения РСФСР. Так, § 208 предусматривал, что о просрочившем отпуск без уважительных причин сообщалось в распорядительную комиссию, которая, в зависимости от обстоятельств, или налагала взыскание в виде удлинения срока заключения на время до одной недели за каждый просроченный день или поручала коллегии места заключения возложить на виновного дисциплинарное взыскание¹².

В связи с этим П.В. Тепляшин отмечал, что рассматриваемое в исторической ретроспективе Положение 1920 г. впервые определяло начало дифференциации в предоставлении осужденным выездов за пределы исправительного учреждения, а также устанавливало основание и формы ответственности (однако не уголовной) осужденных за просрочку отпуска¹³.

В Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г. также нашли свое отражение нормы, регламентирующие вопросы дисциплинарной ответственности осужденных. Так, § 183 Положения среди дисциплинарных мер, которые применялись в общих местах заключения, предусматривал продление осужденным срока заключения. В § 184 Положения говорилось, что продление срока заключения применялось к упорно нарушающим трудовую дисциплину распоряжением распределительной комиссии. Кроме того, в § 191 отмечалось, что в случае упорного неповиновения заключенных или особо тяжкого нарушения ими установленного режима, коллегия места заключения могла войти в распределительную комиссию с представлением о переводе заключенного в особую (изоляционную) тюрьму¹⁴.

Очевидно, что некоторые меры взыскания были унаследованы Положением от тюремных правил царской России. Однако наличие в перечне такого взыскания, как продление срока наказания, свидетельствует не только о суровости мер воздействия, но и о низком в то время теоретическом уровне уголовного права как науки. Потому что не было еще четкого понимания того, что уголовная и дисциплинарная ответственности отличаются, и

уголовное наказание не может быть продлено с помощью дисциплинарной меры воздействия.

После образования в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик все союзные государства, вошедшие в него, стали формировать свое собственное законодательство, которое по существу ничем не отличалось от законодательства РСФСР. Не стало исключением из этого и отечественное уголовное законодательство.

Кодификация накопленного несистематизированного правового материала, необходимость которой возникла в начале 20-х гг. XX в., привела к усиленной кодификационной работе, результатом которой стало принятие основных кодексов, в частности, утверждение ВЦИК 24.05.1922 Уголовного кодекса РСФСР, который был введен в действие с 01.06.1922. В Постановлении ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» говорилось, что Президиуму ВЦИК поручается ввести в действие настоящий кодекс на территории союзных советских республик в надлежащем порядке¹⁵.

Обязательным этапом для создания уголовных кодексов союзных республик было формирование по существу почти одинакового во всех советских республиках уголовного законодательства на базе Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее — УК РСФСР 1922 г.), важнейшими источниками которого были декреты рабоче-крестьянского правительства 1917–1922 гг., Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. и более чем четырехлетний огромный опыт работы революционных трибуналов и народных судов.

Во всех советских республиках Уголовный кодекс был введен путем законодательного акта, изданного законодательными органами данной республики. В частности, первый Уголовный кодекс УССР был утвержден ВУЦИК 23.08.1922 и введен в действие с 15.09.1922, его положения не отличались от предписаний УК РСФСР 1922 г.¹⁶

Во вступительной статье закона о введении Уголовного кодекса в действие ВУЦИК отметил, что он принимает «с целью установления единства уголовного законодательства советских республик за основу Уголовный кодекс РСФСР». Таким образом, законодательные органы УССР сохранили одинаковую с УК РСФСР нумерацию и содержание статей в Уголовном кодексе УССР (далее — УК УССР; УК). Дальнейшие изменения в УК УССР 1922–1925 гг. в целом воспроизводили изменения, которые вносились в УК РСФСР¹⁷.

¹¹ См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. М.: Юриздат, 1927. С. 203.

¹² Постановление НКЮ РСФСР от 15.11.1920 «Положение об общих местах заключения РСФСР». С. 229.

¹³ См.: Тепляшин П.В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 45.

¹⁴ См.: Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917–1920): сб. документов / под ред. А.К. Стальговича. М.: ВШ МВД РСФСР, 1960. С. 150.

¹⁵ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Управ. делами Совнаркома СССР, 1950. С. 271–304; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 10; Герцензон А.А. История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 296.

¹⁶ Кримінальний кодекс України. К., 1922.

¹⁷ См.: Герцензон А.А. Указ. соч. С. 294–297.

В УК УССР 1922 г. уголовная ответственность за побег из мест заключения была предусмотрена в ст. 95, которая содержалась в разд. 2 главы «Государственные преступления», который назывался «О преступлениях против порядка управления». В частности, ст. 95 указывала, что побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учиненный посредством подкупа, взлома и вообще повреждения затворов, стен и т.п., каралось лишением свободы на срок не ниже 1 года.

Как отмечал М.Р. Гарафутдинов, за побег, сопряженный с насилием над стражей, виновный привлекался к ответственности по ст. 86 УК 1922 г. как за сопротивление представителям власти при исполнении ими возложенных на них обязанностей¹⁸.

В свою очередь, ст. 94 УК УССР 1922 г. предусматривала ответственность за освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу, что также каралось лишением свободы на срок не ниже 1 года. Если освобождение или содействие побегу было совершено посредством насилия над стражей, охранявшей арестованного или места заключения, то наказание повышалось до лишения свободы на срок не ниже 2 лет.

Что касалось штрафа, то ст. 39 указывала, что в случае уклонения осужденного от его уплаты, он мог быть по определению суда заменен принудительными работами без содержания под стражей. Замена лишения свободы штрафом и штрафа лишением свободы не допускалась.

Следует отметить, что ст. 35 УК УССР 1922 г. предусматривала, что принудительные работы без содержания под стражей назначались на срок от 7 дней до 1 года и разделяла их на: а) работы по специальности, при которых осужденный продолжал работать по своей профессии с понижением по тарифному разряду, с обязательными сверхурочными работами и с переводом в другое учреждение или предприятие или в другую местность; б) работы неквалифицированного физического труда. В свою очередь, ст. 51 определяла порядок их отбывания и указывала органы, которые осуществляли надзор и руководство исполнением приговоров к принудительным работам. При этом кроме ответственности за побег УК УССР 1922 г. ответственности осужденных за уклонение от отбывания иных наказаний не предусматривал.

Кроме указанного, считаем необходимым обратить внимание на положение ст. 223 УК, которая предусматривала уголовную ответственность за самовольное оставление определенного, уста-

новленного законным распоряжением административных или судебных властей местопребывания. По сути, данная норма, по нашему мнению, предусматривала ответственность за нарушение правил административного надзора.

По этому поводу, как отмечал Д.А. Назаренко, необходимо сказать, что в первые годы советской власти хотя и были приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие в отдельных случаях применение надзора за осужденными и освобожденными от отбывания наказания, однако в дальнейшем по отношению к нему наблюдается негативное отношение, отмечалась недооценка роли и значения административного надзора со стороны некоторых ученых-пенитенциаристов как эффективной меры предупреждения рецидивной преступности. Так, С.В. Познышев, который принимал активное участие в становлении советского уголовного и уголовно-исполнительного права, в 1923 г. отмечал, что когда-то полицейский надзор широко применялся в борьбе с преступностью, однако теперь эта мера почти совсем вымерла. Несостоятельность его бесспорна. С одной стороны, он только затрудняет для освобожденных из мест лишения свободы и без того тяжелое для них дело по поиску средств существования. С другой стороны, надзор за освобожденными из мест лишения свободы не имеет оснований: из пенитенциарных учреждений должны освобождаться лица, для которых не требуется никакой надзор, чтобы удерживать их от преступлений¹⁹.

25.02.1923 НКЮ принял циркуляр № 21, в котором в целях обеспечения правильного применения ст. 95 УК давались разъяснения относительно порядка привлечения к ответственности лиц, совершивших побег. В частности, в циркуляре указывалось на необходимость точного соблюдения порядка привлечения к ответственности за совершение побега и отмечалось, что ст. 95 УК устанавливала уголовную наказуемость только при отягчающих обстоятельствах, то есть при совершении побега путем подкупа, взлома и вообще повреждения затворов, стен и т.п. Побег арестованных, не сопровождавшийся указанными обстоятельствами, уголовной ответственности не влекли, а наказывались только в дисциплинарном порядке. Таким образом, указанный циркуляр вводил разграничения побега на преступления и проступки²⁰.

¹⁹ См.: Назаренко Д.О. Кримінальна відповідальність за порушення правил адміністративного нагляду: дис. ... канд. юрид. наук. Дніпропетровськ, 2008. С. 22; Познышев С.В. Учебник уголовного права: Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Общая часть: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. С. 258–259.

²⁰ См.: Мазур О.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы (по материалам Западно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 38–39.

¹⁸ См.: Гарафутдинов М.Р. Ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. С. 19.

Как указывал Б.Д. Махаков, ст. 95 УК регламентировала случаи совершения побега не только из здания места заключения, но и из всех других помещений, где могли хотя бы временно содержаться заключенные, например, из арестантского вагона на железной дороге, из помещения для арестованных в здании суда и т.п.²¹

Комментируя состав побега арестованного из-под стражи, Г.И. Волков писал, что, заключая под стражу, власть применяет насильственную меру, в значительной степени ограничивая свободу действий заключенного; власть самым лишением свободы показывает, что у нее нет доверия к тому, кто взят под стражу, ему нельзя довериться в том отношении, что он не злоупотребит как-либо своей свободой; у него не спрашивают согласия на то, чтобы он находился под стражей, он не дает никаких обязательств, что из-под стражи не уйдет, а потому за самовольный уход из-под стражи он не отвечает в уголовном порядке: побег из-под стражи сам по себе, без каких-либо усложняющих дело обстоятельств не наказуем; если заключенный бежал — виноват не он, а те, кто его плохо стерегли, и поэтому по отношению к пойманному беглецу могут применяться только меры дисциплинарного взыскания администрацией места лишения свободы. Но если побег был совершен при таких обстоятельствах, которые показывают особую опасность бежавшего, то побег тогда превращается в преступление и наказывается в судебно-уголовном порядке²².

После принятия УК УССР 1922 г. среди ученых-юристов и работников органов юстиции развернулась дискуссия по поводу ст. 95 УК, относительно целесообразности существования уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы. На тот момент среди ученых сформировалось два взгляда, а именно: одни ученые-юристы утверждали, что нужно сохранить уголовную ответственность за побег из мест лишения свободы, поскольку это является общественно опасным деянием и его следует рассматривать как преступление. Другие же утверждали, что за побег из мест лишения свободы не нужно устанавливать уголовную ответственность, ведь побег из места лишения свободы, по их мнению, не может быть совершен там, где места лишения свободы соответствуют своему назначению. Они отмечали, что общественная опасность побега как преступления против порядка управления может быть связана лишь с посягательством этого деяния на другие допол-

нительные объекты уголовно-правовой охраны. Если же побег был совершен, то это свидетельствует прежде всего о плохом состоянии мест заключения, наличии существенных недостатков в организации охраны осужденных к лишению свободы, слабом надзоре за ними со стороны тюремной стражи. При таком подходе к проблеме наказание заключенного за побег превращалось фактически в наказание за плохое состояние места лишения свободы и за ненадлежащее исполнение должностными лицами этих мест своих служебных обязанностей²³.

Под воздействием этих идей 16.10.1924 ВЦИК XI созыва на своей 2-й сессии отменил уголовную ответственность за побег из мест лишения свободы²⁴. На этой же сессии был принят первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. (далее — ИТК), в нормах которого предусматривалась дисциплинарная ответственность осужденного за побег из мест заключения и за уклонение от отбывания принудительных работ.

Так, ст. 212 ИТК РСФСР 1924 г. устанавливала, что за самовольное оставление лишенным свободы места заключения, не сопряженное со взломом, подкопом или насилием, он должен был подвергаться в порядке дисциплинарном — взысканиям, упомянутым в ст. 145 ИТК.

Согласно ст. 213 ИТК, побег или покушение на побег, учиненные посредством насилия над стражей, подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т.п., а равно побег из-под стражи при препровождении преследовались, независимо от возбуждения дела в судебном порядке, представлением в распределительную комиссию о необходимости соответствующих изменений в режиме учинивших побег или покушение на побег заключенных.

Бежавших после задержания, в соответствии со ст. 214 ИТК РСФСР 1924 г., возвращали в места заключения, из которого был совершен побег. При этом они переводились распределительной комиссией в начальный разряд и подлежали особо тщательному надзору. Время, проведенное вне места заключения с момента побега до возвращения, в срок лишения свободы не засчитывалось.

²¹ См.: Махаков Б.Д. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с побегами из мест лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 16.

²² См.: Гарафутдинов М.Р. Указ. соч. С. 19; Волков Г.И. Уголовное право. Популярное руководство. Харьков: Юриздат Наркомюста УССР, 1925. С. 88.

²³ См.: Герцензон А.А. Указ. соч. С. 294-297; Гарафутдинов М.Р. Указ. соч. С. 20; Мазур О.В. Указ. соч. С. 40; Сокурено О.М. Кримінальна відповідальність за ухилення від відбування покарання у виді обмеження волі та у виді позбавлення волі: дис. ... канд. юрид. наук. Запоріжжя, 2010. С. 13; Алексеев В.И. Организационно-тактические и правовые аспекты борьбы с побегами из мест лишения свободы: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. А.И. Зубкова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1994. С. 7; Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2008. С. 34; Еженедельник советской юстиции. 1924. № 35-36.

²⁴ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовного Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст. 786.

В свою очередь, ИТК РСФСР 1924 г. в ст. 40 предусматривал меры взыскания за уклонение от отбывания принудительных работ, неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, а также недобросовестное исполнение работы²⁵.

Между тем, как указывал О.Г. Демидов, учитывая то обстоятельство, что в описанный период уклонения от отбывания принудительных работ без содержания под стражей были достаточно частым явлением, к тому же во многих местностях принудительные работы были вообще не организованы, Верховный Суд РСФСР циркуляром от 27.06.1923 разрешил судам заменять принудительные работы краткосрочным лишением свободы. Данное решение было поддержано на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, который проходил с 10 по 15.03.1924, где призывалось признать допустимой в качестве временной меры для местностей, где принудительные работы не организованы, замену их лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы за 3 дня принудительных работ²⁶.

После принятия ИТК в России они были приняты и в других союзных республиках, в частности в УССР он был утвержден ВУЦИК 23.10.1925 и вступил в силу с 15.11.1925. ИТК союзных республик мало чем отличались друг от друга, содержали одни и те же принципы и институты исправительно-трудового права.

ИТК УССР 1925 г., как и другие, предусматривал основания, порядок и условия предоставления осужденным отпусков, а также указывал, что распределяющая комиссия, в зависимости от обстоятельств дела, имеет право наложить на осужденного, который просрочил отпуск или совершил самовольную отлучку без уважительных причин, соответствующее дисциплинарное взыскание.

Вскоре практика борьбы с преступностью в местах лишения свободы выявила ошибочность отмены уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, поскольку это вызвало ряд негативных последствий. С одной стороны, возросло количество устремлений к побегам среди осужденных, а с другой — оказались значительно ослабленными правовые основы деятельности правоохранительных органов по предупреждению побегов. Поэтому принятый 22.11.1926 УК РСФСР вернулся к позициям предыдущего кодекса и предусмотрел в ч. 1 ст. 82 ответственность за побег арестованного из-под стражи или места заключения, совершенный посредством подкопа, взлома или повреждения

стен, затворов. Эта же норма признавала преступлением возвращение в запрещенные для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему. В ч. 2 ст. 82 УК РСФСР 1926 г. устанавливалась ответственность за самовольное временное оставление назначенного постановлением судебного или административного органа местопребывания, а равно неявка в срок к назначенному теми же органами месту жительства.

В свою очередь, ст. 81 УК РСФСР 1926 г. состояла из трех частей. В ч. 1 была предусмотрена ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу. В ч. 2 этой статьи устанавливалась ответственность за те же действия, совершенные посредством насилия над стражей, если они не сопровождались при этом нанесением тяжелых повреждений, опасных для жизни, а в ч. 3 — за те же действия, сопряженные с указанными в предыдущей части последствиями²⁷.

Как указывал М.Р. Гарафутдинов, в качестве способов предоставления свободы арестованному рассматривались насилие над стражей, взлом или подкуп места заключения, использование какой-либо хитрости, например, предоставление подложного распоряжения об освобождении. Содействие побегу могло также выражаться в подкупе стражи или в непринятии стражей мер к воспрепятствованию побегу, например, часовой не выстрелил в убегающего арестанта, не поднял тревоги и умышленно не выполнил лежащих на нем обязанностей для воспрепятствования побегу²⁸.

Уголовный кодекс УССР, принятый 08.06.1927 и введенный в действие с 01.07.1927, также в ч. 1 ст. 77 предусмотрел ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из заключения или за помощь в побеге. В ч. 2 этой статьи предусматривалась ответственность за то же действие, соединенное с совершением насилия над стражей или со взломом или подкупом, а в ч. 3 — за то же действие, соединенное с вооруженным нападением на стражу или с насилием над стражей, опасным для жизни²⁹.

Статья 78 УК УССР 1927 г., как и ст. 82 УК РСФСР 1926 г., устанавливала ответственность за побег арестованного из-под стражи или места заключения.

²⁷ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

²⁸ См.: Гарафутдинов М.Р. Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Ворожейкин Е.М. Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сб. (Основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. М.: Госюриздат, 1957. С. 101–102; Кримінальний кодекс УРСР. К.: Держполітвидав УРСР, 1950. С. 31.

²⁵ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

²⁶ См.: Демидов О.Г. Уклонение от наказания (Уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 29–30.

Практика применения ст. 82 УК РСФСР и ст. 78 УК УССР подтвердила действенность этих норм и со временем выявила необходимость их совершенствования. С целью обеспечения исполнения судебных приговоров вообще и наказания в виде лишения свободы в частности ВЦИК и СНК РСФСР Постановлением от 10.06.1931 и ВУЦИК и СНК УССР Постановлением от 22.07.1932 расширили эти нормы. Уголовно наказуемым по ч. 1 ст. 82 УК РСФСР стал признаваться любой побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы, а не только совершенный с помощью подкупа, взлома. В ч. 2 этой статьи была установлена ответственность за побег из места обязательного поселения (ссылки) или с пути следования к нему, а равно уклонение от исправительно-трудовых работ осужденных к ссылке, а в ч. 3 — за самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания³⁰.

В отличие от предыдущей, ст. 78 УК УССР 1927 г. в редакции постановления ВУЦИК и СНК УССР от 22.07.1932 состояла из четырех частей. В ч. 1 была предусмотрена ответственность за побег арестованного из-под стражи или из места заключения, а в ч. 2 — за то же действие, совершенное через подкуп, взлом или повреждение стен, замков и т.п. В свою очередь, ч. 3 этой статьи устанавливала ответственность за побег из места обязательного поселения (ссылки) или с дороги к нему, а равно же за уклонение от исправительно-трудовых работ осужденных к ссылке, а в ч. 4 — за самовольное прибытие высланных в места, где им запрещено пребывать³¹.

Как указывал М.Р. Гарафутдинов, УК РСФСР 1926 г. не предусматривал повышенной ответственности за побег арестованного из-под стражи или места лишения свободы путем насилия над стражей. Содеянное при таких обстоятельствах квалифицировалось по совокупности ч. 1 ст. 73 (сопротивление представителям власти, сопряженное с насилием) и ч. 1 ст. 82 УК.

Также он отмечал, что для состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 82 УК РСФСР 1926 г., не имело значения, из какого места лишения свободы был совершен побег — из тюрьмы, исправительно-трудового лагеря, пересыльного места заключения, из больницы для лишенных свободы и т.д. Побег из-под стражи предполагал также побег из зала суда, камеры следователя, камеры производящего дознание, камеры прокурора и т.д., а также побег во время этапирования или конвоирования арестованного. Для состава рассматриваемого преступления не имело значения, с какой

целью был совершен побег — с целью вовсе уклониться от отбывания лишения свободы или же временно выйти из места лишения свободы с намерением вернуться обратно. Это обстоятельство учитывалось при определении наказания³².

07.04.1930 Постановлением СНК СССР было введено в действие «Положение об исправительно-трудовых лагерях», где в ст. 50 отмечалось, что отлучка без надлежащего разрешения заключенного из района командировки или места работы, где состоит заключенный, и неявка его к месту постоянного нахождения по истечении 6 часов после вечерней проверки рассматривались как побег³³. За самовольную отлучку и неявку в срок заключенные несли дисциплинарную ответственность, а за побег — уголовную³⁴.

26.03.1928 ВЦИК и СНК РСФСР, заслушав доклады НКЮ и НКВД, приняли постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения», в которой поручили НКЮ и НКВД внести в СНК проект закона, вводящий в ИТК право соответствующих органов ставить перед судом вопрос о необходимости продления срока лишения свободы или применения новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению³⁵. Однако это предложение не было реализовано.

В 1931 г. в Украине был подготовлен новый проект Исправительно-трудового кодекса, однако окончательно он так и не был принят. С середины 1930-х гг. в связи с массовыми репрессиями и грубыми нарушениями законности в сфере уголовной ответственности и ее реализации нормы ИТК УРСР 1925 г. фактически подменялись ведомственными нормативными актами. И хотя на него и делались ссылки, все же он был формальным³⁶.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 был утвержден и введен в действие ИТК РСФСР, который регламентировал ряд вопросов отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе и вопросы борьбы с побе-

³⁰ См.: Демидов О.Г. Указ. соч. С. 30–31; СУ РСФСР. 1931. № 30. Ст. 266.

³¹ Кримінальний кодекс УРСР. С. 31; Постанова ВУЦВК і Раднаркомом УСРР від 22 липня 1932 р «Про зміну уваги 2 до арт. 28 і арт. 78 Кримінального кодексу УСРР та арт. арт. 72 і 280-4 Адміністративного кодексу УСРР» // 33 УСРР. 1932. № 20–21. Ст. 131.

³² См.: Гарафутдинов М.Р. Указ. соч. С. 22–23; Трайнин А. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. С. 120.

³³ Постановление СНК СССР от 07.04.1930 «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях» // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

³⁴ Мазур О.В. Указ. соч. С. 43; Шевелев Ю.К. Развитие советского законодательства о борьбе с побегами осужденных к лишению свободы // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. 1971. № 17. С. 137–145.

³⁵ См.: Щербаков А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19; Назаров С.В. Уголовно-правовая ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

³⁶ См.: Кримінально-виконавче право України: (Загальна та Особлива частини): Навч. посіб. / за заг. ред. О.М. Джузи. 2-е вид., перероб. та допов. К.: Юрінком Інтер, 2002. С. 17.

гами³⁷. Так, в ст. 91 ИТК РСФСР 1933 г. опоздание лишнего свободы из отпуска или из командировки без уважительных причин в течение не более 24 часов после вечерней поверки рассматривалось как самовольная отлучка, а сверх 24 часов — как побег. Побегом считался также самовольный уход на любой срок с внешних работ, из места лишения свободы или с участков работы за пределы колонии.

Как отмечал Б.Д. Махаков, за самовольные отлучки лишние свободы подвергались дисциплинарным взысканиям, предусмотренным ст. 79 ИТК РСФСР 1933 г., в числе которых были перевод на режим штрафной колонии сроком до 1 месяца и перевод в места лишения свободы с более строгим режимом или в более отдаленные от места постоянного жительства лишнего свободы³⁸.

В свою очередь, Постановлением ЦИК СССР № 69 и СНК СССР № 1442 от 08.08.1936 «О дополнении «Основных начал уголовного законодательства Союза РСР и союзных республик»» органам НКВД СССР было предоставлено право в дисциплинарном порядке переводить в тюрьму сроком до 2 лет лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях и систематически нарушающих в этих местах лишения свободы распорядок, совершающих побег и т.п.³⁹

Кроме указанного, ст. 109 ИТК РСФСР 1933 г. предусматривала, что в случае злостного уклонения от исполнения отбывающим ссылку исправительно-трудовых работ исправительно-трудовое учреждение ставило перед народным судом по месту исполнения приговора вопрос о замене ссылки лишением свободы.

В связи с этим Е.А. Тимофеева отмечала, что таким образом ИТК РСФСР 1933 г. устанавливал определенную санкцию за уклонение от исправительных работ, несмотря на отсутствие соответствующей нормы в УК РСФСР 1926 г.⁴⁰. Однако с этим нельзя согласиться, так как уклонение от исправительно-трудовых работ лицами, осужденными к ссылке, было прямо предусмотрено в ч. 2 ст. 82 УК РСФСР 1926 г.

На отсутствие в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г., а также в Основных началах уголовного законодательства СССР 1924 г. норм, предусматривающих

возможность замены исправительно-трудовых (принудительных работ) лишением свободы, указывал И.А. Тарханов, отмечая при этом, что такая замена фактически осуществлялась на основании Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1939 «О мерах, подлежащих применению к осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания исправительно-трудовых работ». Согласно этому постановлению, в случае злостного уклонения лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, от их отбывания, судьи могли заменить названный вид наказания лишением свободы на срок не свыше срока исправительно-трудовых работ⁴¹.

В свою очередь, Л.Р. Сафин отмечал, что в литературе подвергалась критике практика, когда такая замена производилась из расчета 1 день лишения свободы за 1 день исправительно-трудовых работ⁴².

Следует также отметить, что УК РСФСР 1926 г. и УК УССР 1927 г. ответственности осужденных за уклонение от отбывания других видов наказаний не предусматривали, хотя система наказаний в них была достаточно развитой.

В то же время обострение криминогенной обстановки в исправительно-трудовых лагерях потребовало адекватной реакции со стороны руководства лагерей. С целью обуздания лидеров преступных группировок 10.12.1935 начальником ГУЛАГа НКВД СССР М.Д. Берманом была утверждена «Инструкция о порядке направления заключенных в срочные тюрьмы из исправительно-трудовых лагерей». Согласно п. 1 этой Инструкции, из исправительно-трудовых лагерей подлежали переводу в тюрьмы, в частности, злостные бандиты, неоднократно совершившие побег и пытавшиеся продолжать свою деятельность в лагерях, за что были вновь осуждены, а также злостный неисправимый элемент, дезорганизующий жизнь лагеря. Эти категории заключенных разрешалось направить в тюрьмы после содержания их в штрафном изоляторе в течение 6 месяцев или когда добавлялся в судебном порядке срок наказания, то есть после «исчерпания всех мер воздействия»⁴³.

³⁷ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 01.08.1933 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

³⁸ См.: Махаков Б.Д. Указ. соч. С. 23.

³⁹ Постановление ЦИК СССР № 69 и СНК СССР № 1442 от 08.08.1936 «О дополнении «Основных начал уголовного законодательства Союза РСР и союзных республик» // СЗ СССР. 1936. № 44. Ст. 370.

⁴⁰ См.: Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. С. 46.

⁴¹ См.: Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 68; Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1951 гг. / под ред. А.А. Волина. М.: Госюриздат, 1952. С. 60.

⁴² См.: Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 147; Климов И. Изменить порядок замены исправительно-трудовых работ лишением свободы // Советская юстиция. 1958. № 1. С. 40–41.

⁴³ См.: Назаров С.В. Указ. соч. С. 17; Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект). Павлодар: Кереку, 2009. С. 41; Хакимов Е.М. Тюрьмы Казахстана: исторический экскурс // Гылым — Наука. 2012. № 3 (34). С. 23; Кузьмин С.И. Исправительно-

В лагерях процветали отказы от работы, грабежи, воровство, бандитизм. Особо опасными во всех лагерях являлись организованные группы уголовников, возглавляемые «паханами», наиболее авторитетными среди воров.

С самого начала 30-х гг. XX в. сложилась практика, в соответствии с которой осужденных, замешанных в дезорганизации нормальной деятельности мест заключения, отправляли для дальнейшего отбывания наказания на острова Северного Ледовитого океана и в отдаленные северные лагеря, но и здесь они продолжали вести прежний образ жизни.

Росту бандитизма в лагерях способствовало то обстоятельство, что в жилых зонах в больших количествах хранились запрещенные предметы. Ножи и топоры нередко шли в ход в конфликтных ситуациях. В карты играли на деньги, продукты, одежду, обувь, постельные принадлежности и иные вещи, нередко украденные у со товарищей по лагерю⁴⁴.

В конце 1936 г. руководство НКВД пришло к выводу, что исправительная система оказалась дезорганизованной и слабо управляемой и нуждается не только в реорганизации, но и в укреплении в ней режима содержания заключенных.

В августе 1937 г. лагеря получили приказ наркомана НКВД СССР Н.И. Ежова, в соответствии с которым требовалось подготовить и рассмотреть на «тройках» дела о лицах, ведущих «активную антисоветскую, подрывную и прочую преступную деятельность в данное время». Практически на рассмотрение «троек» были направлены все дела на лиц, занимавшихся в лагерях бандитизмом, грабежами, издевательством над заключенными, совершивших бандитские действия на транспорте при этапировании. На основании этого приказа было расстреляно по всем лагерям НКВД 30187 чел. Подавляющую часть из них составили лидеры организованных преступных групп и их подручные. Самые массовые казни проходили в марте-апреле 1938 г.⁴⁵. Другого способа навести порядок в лагерях, обуздать уголовной элемент просто не существовало.

Согласно архивным материалам многих лагерей, за период с середины 1938 г. по конец 1940 г. обстановка среди спецконтингента существенно

изменилась в лучшую сторону, а оставшиеся преступные группировки и их лидеры затаились⁴⁶.

Как отмечала Г.М. Иванова, воры и бандиты благодаря ст. 58¹⁴ УК РСФСР 1926 г. (ст. 54¹⁴ УК УССР 1927 г.) становились «политическими заключенными». По этой статье лагерные суды привлекали к ответственности за побег, отказ от работы и членовредительство. Основанием для квалификации названных деяний по статье «О контрреволюционном саботаже» служил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1939 «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР». В п. 3 этого документа предписывалось по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения, а к наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства — более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях — до высшей меры наказания включительно⁴⁷.

В целях усиления борьбы с побегами НКВД, НКЮ и Прокуратура СССР издали 28.04.1941 специальную директиву. В ней предлагалось рассматривать побег заключенных «как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства» и судить всех беглецов по ст. 58¹⁴ УК РСФСР 1926 г. (ст. 54¹⁴ УК УССР 1927 г.), применяя уже к ним «суровые судебные меры наказания, а в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно». Рекомендовалось применять расстрел, прежде всего, в отношении «контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег»⁴⁸.

Противозаконность названной директивы заключалась в том, что она грубо нарушала ст. 78 УК УССР 1927 г., которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет за побег арестованного из-под стражи или из места заключения⁴⁹.

Повышенная опасность действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, при отсутствии специальной статьи уголовного закона невольно вынуждала судебную практику на применение в таких случаях

трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1991. С. 24; Легостаев С.В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: сравнительно-правовой и личностно-ориентированный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 23; Инструкция о порядке направления заключенных в срочные тюрьмы из исправительно-трудовых лагерей от 10.11.1935 // Архив ДВД Карагандинской области. Ф. 16. Д. 94.

⁴⁴ См.: Кузьмин С.И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1994. № 11. С. 36.

⁴⁵ См.: Елеськин М.В. Предупреждение организованной преступности в исправительных учреждениях: учеб. пособие / под ред. О.В. Филимонова. М.: МИ МВД РФ, 1998. С. 9.

⁴⁶ См.: Щербаков А.В. Указ. соч. С. 19–20; Назаров С.В. Указ. соч. С. 17–19; Легостаев С.В. Указ. соч. С. 23–25; Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.): учеб. пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. С. 11.

⁴⁷ См.: Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 405; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2000. С. 116.

⁴⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / отв. за вып. Е.А. Зайцев. М.: Республика, 1993. С. 38.

⁴⁹ Криминальный кодекс УРСР. С. 31.

аналогии. Обычно подобные действия квалифицировались как бандитизм. Однако Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 29.09.1953 № 8 «Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения» предостерег от расширительного толкования понятия «бандитизм». Пленум запретил судам принимать к производству дела о действиях, нарушающих по своему характеру лагерный режим. К числу таких нарушений Пленум отнес, например, нанесение побоев и легких телесных повреждений, не оговаривая при этом необходимости учета личности виновного, ни мотивов совершения этих преступлений. Названный документ предлагал пересмотреть приговоры по ст. 54¹⁴ УК УССР 1927 г. и впредь при квалификации побегов руководствоваться ст. 78 УК УССР 1927 г.

Ранее в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 13.01.1953 «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в ИТУ» была допущена возможность применения смертной казни за особо злостные бандитские нападения, сопровождающиеся убийствами, которые совершались заключенными, содержащимися в ИТУ⁵⁰.

В связи с этим Р.Н. Таймасов отмечал, что главным недостатком Указа от 13.01.1953 было то, что в нем не раскрывалось понятие бандитизма, не отражалась специфика именно «лагерного бандитизма», что позволяло правоприменителю широко трактовать бандитизм в местах лишения свободы, подводя под его квалификацию любые массовые беспорядки среди заключенных⁵¹.

Таким образом, проведя исследование генезиса законодательства об уголовно-правовой охране нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины в 1917–1960 гг., можно сделать вывод, что в этот период произошло стремительное развитие и усовершенствование норм, регулирующих порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, а также предусматривающих уголовную ответственность за уклонение от их отбывания.

В УК УССР 1922 и 1927 гг. нормы, посвященные ответственности за посягательство на нормальную деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы, содержались в разделе «Преступления против порядка управления» Особенной части.

В УК УССР 1922 г. такая ответственность в основном предусматривалась за побег аресто-

ванного из-под стражи или из места заключения, за освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу, а также за самовольное оставление определенного, установленного законным распоряжением административных или судебных властей местопребывания. При этом уголовная ответственность за побег наступала только при наличии отягчающих обстоятельств, а именно: при его совершении путем подкопа, взлома, повреждения затворов, стен и т.п. Побег арестованных, не сопровождавшийся указанными обстоятельствами, уголовной ответственности не влекли, а наказывались только в дисциплинарном порядке.

Ответственность осужденных за уклонение от отбывания других наказаний не предусматривалась. В то же время в случае уклонения осужденного от уплаты штрафа, он мог быть по определению суда заменен принудительными работами без содержания под стражей. Замена лишения свободы штрафом и штрафа лишением свободы не допускалась.

Впоследствии уголовная ответственность за побег была отменена, однако в принятом ИТК УССР 1925 г. вместо нее была предусмотрена дисциплинарная ответственность осужденного за побег из мест заключения и за уклонение от отбывания принудительных работ. Однако поскольку во многих местностях принудительные работы не были организованы, с целью реализации наказания и исполнения приговоров Верховным Судом РСФСР было разрешено судам заменять их лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы за 3 дня принудительных работ.

Выявив ошибочность отмены уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы, УК УССР 1927 г. вернулся к позициям предыдущего кодекса. Практика применения этой нормы подтвердила ее действенность и со временем выявила необходимость ее совершенствования. После внесения соответствующих изменений УК УССР 1927 г. стал признавать наказуемым любой побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы, а не только совершенный с помощью подкопа, взлома и других отягчающих обстоятельств. Помимо этого была установлена ответственность за побег с места обязательного поселения (ссылки) или по дороге к нему, за уклонение от исправительно-трудовых работ лицами, осужденными к ссылке, а также за самовольное прибытие высланных в места, где им запрещено было пребывать.

В дальнейшем ответственность за нарушение порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы продолжила усиливаться. В исправительно-трудовом законодательстве появились нормы, в которых указывалось, что

⁵⁰ См.: Щербаков А.В. Указ. соч. С. 21–22; Назаров С.В. Указ. соч. С. 21; Легостаев С.В. Указ. соч. С. 26–27.

⁵¹ См.: Таймасов Р.Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в советском государстве, 1917–1958 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 18.

следовало рассматривать в качестве самовольной отлучки, а что считать побегом. При этом за самовольную отлучку и неявку в срок заключенные несли дисциплинарную ответственность, а за побег — уголовную.

Несмотря на законодательное отсутствие норм, предусматривающих возможность замены исправительно-трудовых (принудительных работ) лишением свободы, такая замена осуществлялась на основании соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда СССР, согласно которому в случае злостного уклонения лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, от их отбывания, судьи могли заменить названный вид наказания лишением свободы на срок не свыше срока исправительно-трудовых работ.

Несмотря на достаточно развитую систему уголовных наказаний (судебно-исправительных мер социальной защиты) УК УССР 1927 г. ответственности осужденных за уклонение от отбывания других видов наказаний также не предусматривал.

Что касается ответственности за совершение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, то повышенная опасность этого преступления и отсутствие специальной статьи уголовного закона невольно вынуждали судебную практику на применение в таких случаях аналогии, квалифицируя такие действия как бандитизм. В дальнейшем Верховный Суд СССР предостерег от расширительного толкования понятия «бандитизм» и запретил судам принимать к производству дела о действиях, нарушающих по своему характеру лагерный режим.

Библиография:

1. Абдрахманова Е.Р. Уголовно-правовая охрана деятельности исправительно-трудовых учреждений: учеб. пособие. — Ульяновск: УлГУ, 1996. — 99 с.
2. Алексеев В.И. Организационно-тактические и правовые аспекты борьбы с побегами из мест лишения свободы: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. А. И. Зубкова. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1994. — 44 с.
3. Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект): монография. — Павлодар: Кереку, 2009. — 258 с.
4. Волков Г.И. Уголовное право. Популярное руководство. — Харьков: Юриздат Наркомюста УССР, 1925. — 125 с.
5. Герцензон А.А. История советского уголовного права. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 466 с.
6. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. — М.: МФД, 2000. — 888 с.
7. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 319 с.
8. Елеськин М.В. Предупреждение организованной преступности в исправительных учреждениях: учебное пособие / под ред. О. В. Филимонова. — М.: МИ МВД РФ, 1998. — 60 с.
9. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. — М.: Наука, 2006. — 438 с.
10. Климов И. Изменить порядок замены исправительно-трудовых работ лишением свободы // Советская юстиция. — 1958. — № 1. — С. 40–41.
11. Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.): учеб. пособие. — М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. — 94 с.
12. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). — М.: Академия МВД СССР, 1991. — 132 с.
13. Кузьмин С.И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. — 1994. — № 11. — С. 36.
14. Легостаев С.В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: сравнительно-правовой и личностно-ориентированный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2010. — 174 с.
15. Познышев С.В. Учебник уголовного права: Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Общая часть: в 2 т. Т. 1. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 300 с.
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. — 2-е изд., доп. — СПб.: Гос. тип., 1902. — 823 с.
17. Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. — 104 с.
18. Трайнин А. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий. — 2-е изд. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. — 340 с.
19. Хакимов Е.М. Тюрмы Казахстана: исторический экскурс // Ылым — Наука. — 2012. — № 3 (34). — С. 21–25.
20. Шевелев Ю.К. Развитие советского законодательства о борьбе с побегами осужденных к лишению свободы // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. — 1971. — № 17. — С. 137–145.
21. Ширвиндт Е.Г. Советское пенитенциарное право. — М.: Юриздат, 1927. — 276 с.
22. Кримінально-виконавче право України: (Загальна та Особлива частини): Навч. посіб. / За заг. ред. О.М. Джужу. — 2-е вид., перероб. та допов. — К.: Юрінком Інтер, 2002. — 448 с.
23. Орел Ю.В. Історія розвитку кримінального законодавства з питань відповідальності за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи // Південноукраїнський правничий часопис. — 2006. — № 4. — С. 230–233.
24. Романов М.В. Дисциплінарна відповідальність засуджених до позбавлення волі. — Х.: Фоліо, 2004. — 160 с.
25. Трубников В.М., Орел Ю.В. Кримінальна відповідальність за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи: Монографія. — Х.: Харків юридичний, 2009. — 326 с.
26. Фролов Ю.О. Развитие исправно-трудового права на Украине в первые годы Радянської влади. — К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1960. — 28 с.

Материал поступил в редакцию 30 июля 2014 г.

**DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON CRIMINAL LAW PROTECTION
OF NORMAL ACTIVITIES OF THE PENITENTIARY ORGANS AND INSTITUTIONS
IN UKRAINE IN 1917–1960 s.**

Orel, Yuri Viktorovich — Associate Professor of the Department of Legal Studies of the Nikolaev Interregional Institute of Human Development of the Open International University for Human Development «Ukraine». [orel1976@list.ru]
54003, Ukraine, Nikolaev, ul. 2 Voennaya, 22.

Review. *The article contains analysis of the first criminal and correctional labor codes of the RSFSR and the Ukrainian SSR, as well as judicial practice concerning the presence of provisions on criminal responsibility for the encroachments upon the normal activities of penitentiary organs and bodies in Ukraine. The conclusion is made that the responsibility of an arrested person for escaping the penitentiary or from detention took place only in aggravating circumstances, namely, if it were committed by digging, breaking through, destruction of locks, walls, etc. The escape of arrested persons, which were not aggravated with the above-mentioned circumstances did not cause criminal responsibility, and were object to disciplinary punishments. Later criminal responsibility for the escape was abolished, and disciplinary responsibility for it was introduced. After the mistaken character of abolishment of criminal responsibility for escape was revealed, it was soon restored. The practice of application of this norm proved its efficiency and with some time the need for its improvement became evident. After the relevant amendments were made, the legislation regarded as being punishable any type of escape of an arrested person from under arrest, or from the place of detention, rather than just those with aggravating circumstances. Additionally, the correctional labor legislation now included the norms that provided for differences between the non-allowed leave and escape. The non-allowed leave and failure to show up on time caused the convicts to have disciplinary responsibility, while escape caused criminal responsibility. Attention is paid to the problems regarding responsibility of convicts for the actions disorganizing the work of labor correctional institutions. Greater damage from these crimes and absence of special provisions of the Criminal Code forced the judicial practice to use analogy for such situations, qualifying them as banditry. It is noted that in the cases of evasion from serving punishment of fine, correctional labor, these could had been substituted for deprivation of liberty in spite of the legislative absence of provisions for such substitution for correctional labor. The responsibility of the convicts for evasion of other types of punishment was not provided, while there was a developed system of such punishments.*

Keywords: *administrative supervision, banditry, disorganizing correctional labor institutions, substitution of punishment, deprivation of liberty, freeing an arrested person, penitentiary service of Ukraine, escape, correctional labor, legislative development, criminal legal protection, evading punishment.*

Bibliography:

1. Abdrahmanova, E.R. Criminal law protection of the activities of correctional labor institutions. Manual. — Ulanovsk: UIGU, 1996. — 99 p.
2. Alekseev, V.I. Organizational- tactical and legal aspects of fighting escapes from detention institutions: scientific and practical manual / Gen. Ed. by A. I. Zubkov. — M.: VNII MVD SSSR, 1994. — 44 p.
3. Bastemiev, S.K. Correctional institutions of Kazakhstan (historical and legal aspects): monograph. — Pavlodar: Kereku, 2009. — 258 p.
4. Volkov, G.I. Criminal law. Popular guidebook. — Harkov: JurizdatNarkomjusta USSR, 1925. — 125 p.
5. Gercenzon, A.A. History of Soviet criminal law. — M.: Jurid. izd-vo MJu SSSR, 1948. — 466 p.
6. GULAG: Chief Administration of Camps. 1918–1960 / Ed. by Academician A.N. Jakovlev. — M.: MFD, 2000. — 888 p.
7. Durmanov, N.D. Soviet criminal law. — M.: Izd-vo MGU, 1967. — 319 p.
8. Eleskin, M.V. Prevention of organized crime in correctional institutions. Manual / Ed. by O. V. Filimonov. — M.: MI MVD RF, 1998. — 60 p.
9. Ivanova, G.M. GULAG history, 1918–1958: social, economic and political aspects. — M: Nauka, 2006. — 438 p.
10. Klimov, I. Changing the procedure of substitution of the correctional labor with the deprivation of freedom. // Sovetskaja justicija. — 1958. — № 1. — P. 40–41.
11. Kuzmin, S.I. Activities of the correctional penitentiary institutions. (1936–1960s.): ucheb.posobie. — M.: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1989. — 94 c.
12. Kuzmin, S.I. Correctional labor institutions in the USSR. (1917–1953). — M.: Akademija MVD SSSR, 1991. — 132 p.
13. Kuzmin, S.I. Organized crime groups in penitentiary institutions // Prestuplenie i nakazanie. — 1994. — № 11. — P. 36.
14. Legostaev, S.V. Desorganization of the activities of the institutions arranging for the isolation from society: comparative legal and personally oriented aspects. Dissertation Thesis fo the PhD in Law. — Rjazan', 2010. — 174 p.
15. Poznyshev, S.V. Manual of criminal law: essays on the key provisions of general and special parts of criminal law. General part. 2 V., V. 1. — M.: Jurid. izd-vo Narkomjusta, 1923. — 300 p.
16. Tagancev, N.S. Russian Criminal law: lectures. General part. V. 1. — 2nd Ed., amended. — SPb.: Gos. tip., 1902. — 823 p.
17. Tarhanov, I.A. Substituting punishments under the Soviet criminal law. — Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1982. — 104 p.

18. Trajnin, A. Criminal Code of the RSFSR. Commentary. — 2nd Ed. — М.: Jurid. izd-vo NKJu SSSR, 1946. — 340 p.
19. Hakimov, E.M. Prisons of Kazakhstan: historical excursus // *Fylym — Nauka*. — 2012. — № 3 (34). — P. 21–25.
20. Shevelev, Y.K. Development of the Soviet legislation on fighting escapes of convicts from penitentiary institutions. // *Works of the all-Russian Scientific Research Institute of the MIA of USSR*. — 1971. — № 17. — P. 137–145.
21. Shirvindt, E.G. Soviet penitentiary law. — М.: Jurizdat, 1927. — 276 p.
22. Criminal penal law of Ukraine (General and Special Parts). Scientific manual / Ed. by O.M. Dzhuzha. — 2nd Ed., amended. — К.: JurinkomInter, 2002. — 448 p.
23. Orel, Y.V. History of development of criminal legislation in the sphere of responsibility for the malicious failure to comply with the requirements of the administration of the penitentiary institution // *Pivdennoukraïns'kij pravnichij chasopis*. — 2006. — № 4. — P. 230–233.
24. Romanov, M.V. Disciplinary responsibility of convicts deprived of freedom. — H.: Folio, 2004. — 160 p.
25. Trubnikov, V.M., Orel Y.V. History of development of criminal legislation in the sphere of responsibility for the malicious failure to comply with the requirements of the administration of the penitentiary institution. Monograph. — H.: Harkivjuridichnij, 2009. — 326 p.
26. Frolov, Y.O. Development of correctional labor law in Ukraine during the first years of the Soviet rule. — К.: Vid-voKiïv. un-tu, 1960. — 28 p.

К.Н. ГУСОВ

Аннотация. В статье рассмотрен жизненный путь и научное наследие заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения МГЮА в 1994–2013 гг. Кантемира Николаевича Гусова. Сделан вывод о том, что он внес существенный вклад в развитие российской науки трудового права, исследовал целый ряд актуальных проблем отрасли, прежде всего связанных с договорами о труде. Особой его заслугой является проведение классификации договоров о труде, обоснование их в качестве родового понятия. Он предлагал взять за основу классификации индивидуальных договоров о труде такие устойчивые признаки, как особенность заключения и содержания договоров о труде. В соответствии с этими признаками договоры подразделяются им на две большие группы: договоры о трудовой деятельности работника и договоры об учебно-трудовой деятельности работника. В каждой из этих групп договоров проводилась их дальнейшая классификация по иным критериям: субъектный состав, целевое назначение и др. Эта классификация и в настоящее время поддерживается большинством ученых-трудовиков. Она также в настоящее время носит характер легальной классификации трудовых договоров. Существенный вклад он внес в исследование проблем международного трудового права, спортивного права, в развитие учения об отдельных видах трудовых договоров.

Ключевые слова: наука трудового права, ВЮЗИ (МЮИ, МГЮА), К.Н. Гусов, учение о договорах, международное трудовое право, ответственность, трудовое право, кафедра трудового права, биография, научное наследие.

Кантемир Николаевич Гусов (1948–2013) почти 20 лет возглавлял кафедру трудового права и права социального обеспечения МГЮА (1994–2013). Именно в эти годы кафедра закрепила свое положение в качестве одного из общепризнанных флагманов отечественной науки трудового права и права социального обеспечения. Сам К.Н. Гусов являлся авторитетным ученым-правоведом, видным педагогом, подлинным лидером сообщества ученых-трудовиков, многолетним президентом Российской ассоциации трудового права и права социального обеспечения (2003–2013).

К.Н. Гусов родился 01.07.1948 г. в Северо-Осетинской ССР. Среднюю школу он окончил в столице республики г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), однако работать начал уже в летние канику-

лы после 8-го класса, поэтому после окончания школы у него уже был небольшой трудовой стаж. Однако это не помешало хорошей успеваемости, что позволило поступить впоследствии на юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

К.Н. Гусов обучался на юрфаке МГУ на рубеже 60–70-х гг. (окончил в 1971 г.), когда там преподавали такие корифеи советского правоведения, как В.П. Грибанов (1921–1990) и С.М. Корнеев (1923–2002) (гражданское право), А.И. Денисов (1906–1984), С.С. Кравчук (1899–1991), А.А. Мишин (1934–1993) (теория права и государственное право), Н.Ф. Кузнецова (1927–2010) и Ю.М. Ткачевский (уголовное право) и др. Это позволило начинающему исследователю получить фундаментальное юридическое образо-

© Лушников А.М., 2015

* Лушников Андрей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

[amlu0909@yandex.ru]

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

© Лушникова М.В., 2015

** Лушникова Марина Владимировна — доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

[amlu0909@yandex.ru]

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

вание, благо учился он много и с удовольствием и получил диплом с отличием. Но по сути судьбоносной, что неоднократно подчеркивал Кантемир Николаевич, стала его встреча и научные контакты с заведующим кафедрой трудового права МГУ доктором юридических наук, профессором Николаем Григорьевичем Александровым (1908–1974). Семена любви к науке, брошенные маститым ученым в душу студента-третьекурсника, дали впоследствии обильные всходы. Более того, К.Н. Гусов стал последним учеником Н.Г. Александрова и после окончания университета продолжил обучение в очной аспирантуре (1971–1974) под научным руководством ведущего в то время советского ученого трудовика¹.

В тот период Н.Г. Александров был уже тяжело болен, и его последний ученик помогал, чем мог, любимому учителю. Более того, Н.Г. Александров умер буквально на руках К.Н. Гусова. В дальнейшем Кантемир Николаевич неизменно высоко и даже восторженно отзывался о своем учителе, был одним из организаторов переиздания его классического труда «Трудовое правоотношение» (М., 1948; 2-е изд. М., 2008), написал для второго издания очерк об авторе. Впоследствии он подхватил эстафету учителя, став лидером отечественного сообщества ученых-трудовиков. Забегая вперед, отметим, что уважительное отношение к научным предшественникам, ученым старшего поколения у К.Н. Гусова было постоянным и неизменным. Это отношение он прививал своим ученикам не только словом, но и делом, всесторонней поддержкой ветеранов.

В сентябре 1974 г., уже после смерти учителя, но ровно через 3 года обучения в аспирантуре, он защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Дополнительные основания для прекращения трудового договора некоторых категорий рабочих и служащих при определенных условиях».

С 1975 г. началась его преподавательская деятельность в ВЮЗИ (МЮИ, МГЮА), с которым была связана вся последующая жизнь ученого. Там он прошел путь от ассистента (1975), старшего преподавателя (1977), доцента (1979), ученое звание присуждено в 1981) до профессора (1993, ученое звание присуждено в 1995), заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения (с 1994). В 1993 г. Кантемир Николаевич защитил докторскую диссертацию «Договоры о труде в трудовом праве в условиях рыночной экономики». В этот период он активно сотрудничал с приемником Н.Г. Александрова на кафедре трудового права

МГУ, доктором юридических наук, профессором А.Д. Зайкиным (1924–2002).

Нельзя сказать, чтобы жизненный и научный путь Кантемира Николаевича был прямым и легким. Случалось всякое, как и в жизни любого неординарного человека. Однако из всех сложных ситуаций Кантемир Николаевич выходил с честью и достоинством.

Много времени ученый посвятил экспертной и законотворческой деятельности. С 1996 г. он являлся членом, затем заместителем председателя экспертного совета по праву ВАК России, а с 2002 по 2006 гг. являлся председателем этого совета. На этих должностях он показал себя принципиальным поборником чистоты рядов научного сообщества от плагиаторов и приспособленцев. Многие годы К.Н. Гусов возглавлял специализированный диссертационный совет по защите докторских диссертаций при МГЮА и являлся членом специализированного диссертационного совета при Институте государства и права РАН (ИГП РАН). Его жесткое, но доброжелательное ведение заседаний диссертационного совета, тщательная предварительная проработка организационных вопросов и пунктуальное соблюдение процедуры способствовали эффективной и результативной работе диссертационного совета.

Одновременно с 2000 г. он входил в состав рабочей группы Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального Собрания РФ, принимал участие в подготовке проекта Трудового кодекса (ТК) РФ. С 2003 г. ученый являлся экспертом того же комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Кроме того, Кантемир Николаевич был членом научно-экспертного совета Судебного департамента Верховного Суда РФ. Под его руководством кафедра неоднократно готовила экспертные заключения по проектам новых нормативных правовых актов, Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, по запросам Конституционного Суда РФ.

В конце 1990-х гг. К.Н. Гусов выступил в роли подлинного объединителя ученых-трудовиков, способствовал возрождению корпоративных связей и научной солидарности. Именно на базе кафедры трудового права и права социального обеспечения МГЮА по инициативе его заведующего стали ежегодно с 1998 г. проводиться большие общероссийские научные конференции, которые вскоре получили статус международных. По результатам этих конференций ежегодно публиковались их материалы, причем К.Н. Гусов взял на себя огромный труд их научного редактирования.

Все это способствовало восстановлению корпоративных связей, традиционно сильных у ученых трудовиков, которые, однако, были почти оборваны в конце 80-х — начале 90-х гг. Вскоре были восстановлены связи с учеными на постсоветском пространстве (Белоруссия, Литва,

¹ Об Н.Г. Александрове см. подробнее: Лушников А.М. Н.Г. Александров: вехи научной биографии ученого-трудовика // К 100-летию со дня рождения профессора Н.Г. Александрова. М.: Правоведение, 2008. С. 17–27; Он же. О судьбе научного наследия Н.Г. Александрова // Сборник докладов и выступлений конф., посвященной 100-летию Н.Г. Александрова. М.: Правоведение, 2008. С. 104–110.

Украина, Азербайджан, Казахстан и др.), а затем и других стран (Германия, Польша и др.). Роль К.Н. Гусова в этом процессе невозможно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что многие, если не большинство, ученых-трудовиков познакомились именно на этих конференциях. В их подготовке принимали участие и другие преподаватели и сотрудники кафедры, однако негласно многие годы это была «конференция К.Н. Гусова» и собирались на нее именно к гостеприимному организатору. Первоначально конференция проходила в начале года, совпадая со Старым Новым годом, и у трудовиков, по общему мнению, было два новогодних праздника: обычный и научный.

В 2003 г. К.Н. Гусова избирают президентом Российской ассоциации трудового права и права социального обеспечения, одним из инициаторов создания которой он являлся. Во многом стараниями ученого кафедра осуществляла свою деятельность в тесном контакте с Международным бюро труда (МБТ) Международной организации труда (МОТ), о чем был заключен соответствующий договор. Таких кафедр немного и в европейских университетах. Из российских вузов кафедра трудового права и права социального обеспечения МГЮА была в этом отношении одной из первых.

Одновременно ученый активно занимался педагогической деятельностью, читал лекции по трудовому праву и праву социального обеспечения. Традиционно в первой группе курса он вел и семинарские занятия. Под научным руководством К.Н. Гусова было защищено свыше 30 кандидатских диссертаций, он являлся научным консультантом по 7 докторским диссертациям. Его ученики чувствовали себя за своим руководителем как за каменной стеной, причем все вопросы, от крупных до самых мелких, решались оперативно и эффективно. Автор статьи, ученик К.Н. Гусова по аспирантуре и докторантуре, испытал это на себе.

Во многом благодаря Кантемиру Николаевичу МГЮА стала несомненным положительным примером успешного предоставления студентам возможности глубокой отраслевой специализации. Девиз Академии «Мы учимся не для школы, а для жизни» нашел отражение в многочисленных спецкурсах и спецсеминарах, предлагаемых студентам. В частности, преподавателями кафедры трудового права и права социального обеспечения только на дневном отделении института правоведения читаются 7 спецкурсов и спецсеминаров². Практически по всем из них опубликованы учебные пособия и методические рекомендации, в подготовке которых заведующий принимал самое активное участие в качестве научного редактора и соавтора.

Вторым увлечением всей жизни К.Н. Гусова, наравне с наукой трудового права, был спорт, и

прежде всего футбол. Он не только был страстным болельщиком, но и многие годы входил в состав Исполкома Российского футбольного союза (РФС), являлся председателем его юридического комитета, председателем Палаты по разрешению споров РФС, судьей Спортивного арбитражного суда при Олимпийском комитете России. Вместе со своей ученицей О.А. Шевченко он подготовил одно из лучших на сегодняшний день учебных пособий по спортивному праву. В нем рассмотрены правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта³.

В 1995 г. его избирают действительным членом Российской академии социальных наук (РАСН), присуждают звание почетного работника профессионального образования РФ, заслуженного деятеля науки РФ (1999) и почетное звание «Ветеран МГЮА». В 2007 г. ученый награждается медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Среди его наград республиканская медаль «Во славу Осетии», ведомственные медали «В память 200-летия министерства юстиции РФ», «60 лет Госкомспорту РФ», а также юбилейная медаль Президента Республики Казахстан.

Далее мы кратко остановимся на научном наследии ученого. Отметим, что он являлся автором свыше 130 публикаций, однако с аспирантского периода сквозной темой являлись договоры о труде, и прежде всего трудовой договор. Если до прихода в ВЮЗИ его перу принадлежали преимущественно статьи, то затем преобладали учебные пособия, монографии, комментарии законодательства.

В 1982 г. в издательстве ВЮЗИ выходит его первое учебное пособие «Основания прекращения трудового договора» (2-е изд. М., 1985), в котором данная проблематика рассмотрена подробно, с привлечением судебной практики и подзаконных актов. Затем молодого ученого увлекли проблемы зарубежного и международного права, что нашло отражение в следующем учебном пособии «Общая характеристика трудового права зарубежных социалистических стран» (М., 1986). Оно было написано по классической структуре: формирование трудового права в социалистических странах, предмет и основные принципы отрасли, общая характеристика основных институтов, а затем рассмотрение правовой регламентации трудовых договоров, рабочего времени и времени отдыха, заработной платы и материальной ответственности, трудовой дисциплины, охраны труда, рассмотрения трудовых споров. Примечательно, что, помимо отечественной литературы, в работе была использована литература на немецком, чешском и польском языках.

Совместно с М.Н. Курилиным в 1992 г. в МЮИ издается работа «Международно-правое регули-

² URL: http://www.msal.ru/kafedrs/kafedra_trud_ud.html

³ См.: Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. М.: Проспект, 2009.

рование труда (в конвенциях и рекомендациях МОТ)». Это учебное пособие являлось одним из немногих в тот период, где в комплексе рассматривались проблемы международно-правового регулирования труда. При этом активно использовалась литература и международные акты о труде на английском языке, а также большой массив отечественной литературы по международному праву вообще и международному трудовому праву в частности, начиная от классических работ С.А. Иванова, Э.М. Аметистова, Г.И. Тункина.

Целью работы определялось оказание студентам помощи в более глубоком усвоении вопросов, связанных с нормативной деятельностью МОТ⁴. Первоначально в работе дана общая характеристика нормативной деятельности МОТ, определены цели, значение и характер международных норм труда. Особое внимание при этом было обращено на особенности разработки, принятия и выполнения конвенций и рекомендаций МОТ. Далее рассмотрено взаимодействие международно-правового и национального регулирования труда. Отмечено, что соотношение международно-правового и национального регулирования труда зависит от большого числа факторов, которые можно свести к двум группам: социально-экономическим и собственно правовым. Предложено авторское видение моделей такого взаимодействия. В таком же многофакторном ключе рассмотрено влияние норм МОТ на национальное законодательство и социальную политику.

Отдельная глава работы посвящена теоретико-правовому анализу конвенций и рекомендаций МОТ, регулирующих трудовые отношения. Интересна предложенная авторами классификация вышеназванных актов МОТ, в основу которой положено их внешнее выражение и правовое содержание. В соответствии с последним основанием и дается последующая общая характеристика: 1) универсальных конвенций МОТ о труде, 2) конвенций и рекомендаций МОТ о минимальном возрасте, основных условиях и охране труда молодежи, 3) конвенций, рекомендаций и программ МОТ о занятости и профессиональной подготовке. Специальный параграф отведен краткому анализу содержания конвенций и рекомендаций МОТ, принятых в 1980–1990 гг.

Наконец, последняя глава содержит описание проблем совершенствования международных норм о труде. В Приложении приведены конвенции МОТ, ратифицированные СССР, обязательства по которым распространяется на РФ. Несмотря на некоторые издержки еще присутствующего классового подхода (например, название параграфа: «Способы “обращения” международных норм о

труде к трудящимся — субъектам национального трудового права»), работа написана на высоком научном уровне, дидактически выверена и не утратила в некоторой степени своего значения и в настоящее время. К сожалению, данное учебное пособие уже стало библиографической редкостью и отсутствует даже в Российской государственной библиотеке.

В том же 1992 г. выходит монография К.Н. Гусова «Трудовое право РФ в условиях перехода к рыночной экономике (общая характеристика)». Она также стала библиографической редкостью, и не была нами обнаружена даже в Российской государственной библиотеке. Можно предположить, что ее содержание связано с содержанием докторской диссертации ученого, которая, как уже указывалось, была защищена в 1993 г.

В своем диссертационном исследовании ученый развил классические положения учения о договорах о труде, заложенные в трудах Л.С. Таля (1867–1933)⁵ и его учителя Н.Г. Александрова: о личном, организационном и имущественном признаках трудового договора, о выделении договоров о труде в качестве родового понятия, об отнесении трудовых контрактов к разновидности трудовых договоров и их трудовправовой природе, а коллективных договоров — к разновидности договоров о труде⁶.

К.Н. Гусов предлагал взять за основу классификации индивидуальных договоров о труде такие устойчивые признаки, как особенность заключения и содержания договоров о труде. В соответствии с этими признаками договоры подразделяются им на две большие группы: договоры о трудовой деятельности работника и договоры об учебно-трудовой деятельности работника. В каждой из этих групп договоров проводилась их дальнейшая классификация по иным критериям: субъектный состав, целевое назначение и др.⁷ Эта классификация и в настоящее время поддерживается большинством ученых-трудовиков. Более того, она носит характер легальной классификации трудовых договоров.

В дальнейшем К.Н. Гусов был соавтором и редактором ряда научно-практических комментариев к отдельным главам и Кодексу законов о труде (КЗоТ) РФ в целом, а затем и к Трудовому кодексу РФ 2001 г.⁸ Эти комментарии были

⁴ См.: Гусов К.Н., Курилин М.Н. Международно-правовое регулирование труда (в конвенциях и рекомендациях МОТ). М.: Манускрипт, 1992. С. 3.

⁵ См. о нем: Лушников А.М., Лушникова М.В. Лев Семенович Таль. Жизнь и творчество // Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. С. 7–23.

⁶ См.: Гусов К.Н. Трудовые контракты и реализация права на труд // Вестник МГУ. Сер.: Право. 1992. № 4. С. 42–44; Он же: Общая ценность коллективного договора как акта социально-го партнерства // Известия МГИУ. 2006. № 2. С. 4–6 и др.

⁷ См.: Гусов К.Н. Договоры о труде в трудовом праве при формировании рыночной экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 33 и далее.

⁸ См.: Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовой договор: Комментарий к КЗоТ РФ. М.: Проспект, 1996; Они же. Прием, перевод и увольнение работников. Комментарий к КЗоТ РФ. М.: Про-

написаны в проблемном ключе, с активным использованием судебной практики и последних достижений юридической науки, что делало их одними из лучших в данном жанре. В дальнейшем ученый в составе авторских коллективов продолжал готовить обзоры судебной практики и научно-практические пособия⁹.

Одновременно с 1995 г. совместно с В.Н. Толкуновой (1914–2004) (о ней мы рассказывали в предыдущих очерках) К.Н. Гусов подготовил учебник «Трудовое право России», который на 2007 г. выдержал 5 изданий и был признан научным сообществом классическим. Кафедральный Практикум по трудовому праву России под редакцией заведующего на 2008 г. выдержал 3 издания. Отметим, что еще со времен ВЮЗИ К.Н. Гусов преподавал право социального обеспечения, а в дальнейшем под его редакцией издавался учебник по данной дисциплине¹⁰.

Одной из проблем, которой ученый занимался в последние годы, стала ответственность в трудовом праве¹¹. Определенный научный резонанс имело исследование, подготовленное в соавторстве с доктором юридических наук, профессором Ю.Н. Полетаевым: «Ответственность по российскому трудовому праву» (М., 2008)¹².

Особо хочется отметить то обстоятельство, что авторы в своей книге не ограничиваются узкоотраслевой проблематикой. Достаточно интересными элементами работы являются разделы, посвященные общетеоретическим вопросам юридической науки. Так, в § 1 разд. 1 работы дается довольно подробный анализ понятия правопорядка по российскому праву; в § 3 этого же раздела анализируется общетеоретическое понятие правонарушения; в § 1 разд. 2 исследуются понятие и сущность юридической ответственности¹³. В этом контексте работа интересна не только для специалистов в области трудового права, но и для ученых, занимающихся пробле-

спект, 1997; Комментарий к Кодексу законов о труде РФ / под ред. К.Н. Гусова. М.: Проспект, 1996; Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. М.: Проспект, 2009 (всего этот комментарий на 2009 г. выдержал 9 изданий) и др.

⁹ См.: Агафонова Г.А., Гусов К.Н., Егоров О.А., Федин В.В. Судебная практика по трудовым спорам. М.: Проспект, 2010; Верстунова Л.В., Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Регулирование труда прокурорско-следственных работников. М.: Проспект, 2011 и др.

¹⁰ См.: Право социального обеспечения России / под ред. К.Н. Гусова. 4-е изд. М.: Проспект, 2007.

¹¹ См.: Грачева Е.Ю., Гусов К.Н. Правовое положение материально ответственных лиц в сфере труда. М.: Проспект, 2012; Гусов К.Н., Федин В.В. Ответственность работников по нормам ТК РФ // Справочник кадровика. 2003. № 2. С. 11–16 и др.

¹² См. о нем: Кузнецов Ю.А. Рец. на кн.: Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: науч.-практ. пособие. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 272 с. // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2008. № 3. С. 187–190.

¹³ См.: Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву. М.: Проспект: ТК Велби, 2008. С. 4–47.

мами юридической ответственности в общетеоретическом аспекте, а также для представителей науки уголовного и административного права. Авторам удалось выдержать не только научную, но и практическую направленность пособия. Подробный анализ состава дисциплинарного проступка, проступка, влекущего материальную ответственность, детальное освещение процедуры привлечения к ответственности, несомненно, способствуют правильному и единообразному применению норм об ответственности работника и работодателя. Помимо использования в пособии последних разъяснений пленума Верховного Суда РФ, авторы иллюстрируют отдельные положения работы примерами по конкретным гражданским делам, вытекающим из трудовых отношений, различных регионов. Значительное место в работе занимает анализ отдельных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, регулирующих дисциплинарную и материальную ответственность. Подобный подход позволил авторам показать особенности дисциплинарной ответственности работников в отдельных отраслях экономики.

К.Н. Гусов по-прежнему большое внимание уделял договорам о труде, которым, напомним, была посвящена и его докторская диссертация. Об этом свидетельствует и изданное в соавторстве и под его редакцией учебное пособие¹⁴. К работе над ним были привлечены ведущие ученые-трудовики, в частности К.Н. Гусов, К.Д. Крылов, Ю.Н. Полетаев, А.И. Шебанова. Учебный материал изложен подробно, однако, доступным учащимся языком. Несомненно, авторский состав повлиял на то, что пособие выполнено на высоком научном уровне и не сводится к комментарию действующего законодательства, в частности, излагаются и позиции ведущих ученых и история регулирования соответствующих договоров.

Пособие состоит из 10 глав. Главы 1 и 2 посвящены регулированию отношений в сфере трудового права (общим положениям и истории развития регулирования наемного труда). В гл. 3–7 рассматривается трудовой договор (в том числе порядок его заключения, изменения и прекращения, а также особенности отдельных видов трудовых договоров). Главы 8–10 посвящены рассмотрению социального партнерства, в том числе коллективным договорам и соглашениям¹⁵.

Одним из последних крупных исследований ученого стала работа по международному трудовому праву, написанная в соавторстве с канди-

¹⁴ См.: Договоры о труде в сфере действия трудового права / К.Н. Гусов, К.Д. Крылов, А.М. Лушников и др.; под ред. К.Н. Гусова. М.: Проспект, 2010.

¹⁵ См. подробнее: Смирнов Д.А. Рец. на кн.: Договоры о труде в сфере действия трудового права: учеб. пособие / К.Н. Гусов, К.Д. Крылов, А.М. Лушников и др.; под ред. К.Н. Гусова. М.: Проспект, 2010. 256 с. // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2010. № 5. С. 149–152.

датом юридических наук, доцентом Н.Л. Лютовым¹⁶. На сегодняшний день этот учебник отличается полнотой содержания и тщательностью проработки институтов международного трудового права. В учебнике приведена обширная отечественная и иностранная литература, авторы дают самые свежие сведения по первоисточникам.

Учебник включает три больших раздела. Первый — «Общие положения» — посвящен истории и теории международно-правового регулирования труда. В этом разделе рассматриваются история становления и развития международного трудового права, предмет, метод и принципы международного трудового права, его субъекты, источники и механизм контроля за соблюдением норм международного трудового права. Второй раздел посвящен основополагающим принципам права в сфере труда: свободе объединения и действительному признанию права на ведение коллективных переговоров; упразднению всех форм принудительного или обязательного труда; действительному запрещению детского труда; недопущению дискриминации в области труда и занятости. Третий раздел — «Иные международные стандарты» — включает занятость, оплату труда, рабочее время и время отдыха, охрану труда, защиту персональных данных работника.

Материал в данном издании дидактически выверен, после каждой главы представлены контрольные вопросы. Изложение удачно проиллюстрировано судебной практикой, а также примерами из зарубежного законодательства. Очень важно подчеркнуть, что одним из достоинств, преимуществ данного учебника является то обстоятельство, что во всех разделах особенной части международного трудового права «красной нитью» проходит сравнительный анализ соответствия российского трудового законодательства международным трудовым стандартам.

Отметим также, что данная работа имеет не только учебно-методические, но и научно-исследовательские аспекты. В ней используются новые наработки зарубежных и отечественных ученых, в комплексе анализируются новые акты международного трудового права как глобального, так и регионального уровней. Примечательно, что учебник написан в дискуссионном ключе, но с четко выраженной авторской позицией. Очевидно, что в настоящее время учебник К.Н. Гусова и Н.Л. Лютова является лучшим в данном жанре, он может и должен стать базовым учебником для изучения международного трудового права¹⁷.

Библиография:

1. Агафонова Г.А., Гусов К.Н., Егоров О.А., Федин В.В. Судебная практика по трудовым спорам. — М.: Проспект, 2012. — 304 с.
2. Верстунова Л.В., Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Регулирование труда прокурорско-следственных работников. — М.: Проспект, 2011. — 212 с.
3. Грачева Е.Ю., Гусов К.Н. Правовое положение материально ответственных лиц в сфере труда. — М.: Проспект, 2012. — 208 с.
4. Гусов К.Н. Общая ценность коллективного договора как акта социального партнерства // Известия МГИУ. — 2006. — № 2 — С. 4–6.
5. Гусов К.Н. Трудовые контракты и реализация права на труд // Вестник МГУ. Сер.: Право. — 1992. — № 4. — С. 42–44.
6. Гусов К.Н., Курилин М.Н. Международно-правовое регулирование труда (в конвенциях и рекомендациях МОТ). — М.: Манускрипт, 1992. — 208 с.
7. Гусов К.Н., Лютов Н.Л. Международное трудовое право. — М.: Проспект, 2013. — 588 с.
8. Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву. — М.: Проспект: ТК Велби, 2008. — 272 с.
9. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовой договор: комментарий к КЗоТ РФ. — М.: Проспект, 1996. — 192 с.
10. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Прием, перевод и увольнение работников. Комментарий к КЗоТ РФ. — М.: Проспект, 1997. — 256 с.
11. Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. — М.: Проспект, 2009. — 152 с.
12. Гусов К.Н., Федин В.В. Ответственность работников по нормам ТК РФ // Справочник кадровика. — 2003. — № 2. — С. 11–16.
13. Договоры о труде в сфере действия трудового права / К.Н. Гусов, К.Д. Крылов, А.М. Лушников и др.; под ред. К.Н. Гусова. — М.: Проспект, 2010. — 256 с.
14. Комментарий к Кодексу законов о труде РФ / под ред. К.Н. Гусова. — М.: Проспект, 1996. — 528 с.
15. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. — М.: Проспект, 2009. — 928 с.
16. Кузнецов Ю.А. Рец. на кн.: Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: науч.-практ. пособие. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — 272 с. // Вестник трудового права и права социального обеспечения / под ред. А.М. Лушниковой, М.В. Лушниковой. — 2008. — № 3. — С. 187–190.
17. Лушников А.М. Н.Г. Александров: вехи научной биографии ученого-трудоваика // К 100-летию со дня рождения профессора Н.Г. Александрова. — М.: Правоведение, 2008. — С. 17–27.

¹⁶ См.: Гусов К.Н., Лютов Н.Л. Международное трудовое право. М.: Проспект, 2013.

¹⁷ См. подробнее: Лушников М.В. Современные исследования международного трудового права // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8. С. 690–702.

18. Лушников А.М., Лушникова М.В. Лев Семенович Таль. Жизнь и творчество // Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. — М.: Статут, 2006. — С. 7–23.
19. Лушникова М.В. Современные исследования международного трудового права // Российский ежегодник трудового права. — 2012. — № 8. — С. 690–702.
20. Право социального обеспечения России / под ред. К.Н. Гусова. — 4-е изд. — М.: Проспект, 2007. — 640 с.
21. Смирнов Д.А. Рец. на кн.: Договоры о труде в сфере действия трудового права.: учеб. пособие / К.Н. Гусов, К.Д. Крылов, А.М. Лушников [и др.]; под ред. К.Н. Гусова. — М.: Проспект, 2010. — 256 с. // Вестник трудового права и права социального обеспечения / под ред. А.М.Лушниковой, М.В.Лушниковой. — 2010. — № 5. — С. 149–152.

Материал поступил в редакцию 19 июля 2013 г.

GUSOV, K.N.

Lushnikov, Andrey Mihailovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Labor and Financial Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov.

[amlu0909@yandex.ru]

150000, Russia, Yaroslavl, ul. Sovetskaya, 14.

Lushnikova, Marina Vladimirovna — Doctor of Law, Professor of the Department of Labor and Financial Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov.

[amlu0909@yandex.ru]

150000, Russia, Yaroslavl, ul. Sovetskaya, 14.

Review. *The article tells the story of life and scientific heritage of the Head of the Department of Labor Law and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University in 1994-2013 Kantemir Nikolaevich Gusov. The conclusion is made that he made a significant impact upon the development of the Russian science of labor law, first of all, by studying a wide range of topical problems within this branch, most of all those concerning labor disputes. His special achievement concerns classification of labor contracts, and substantiating them being a generic term. He offered the sustainable habits, such as specificities of conclusion and contents of labor contract, to be used as fundamentals for the classification of individual labor contracts. According to these elements the labor contracts may be divided into two large groups: contracts on labor activities, and contracts of apprenticeship and labor of an employee. Within each of these groups there was further classification based upon other criteria, such as parties to the contract, goal and purpose, etc. It is currently recognized as a legal classification of labor contracts, and it is supported by most legal scholars in the sphere of labor law. He also had made a significant impact upon the studies of international labor law, sports law, development of teachings on various types of labor contracts.*

Keywords: *science of law, AUEI, MLI, MSAL, K.N. Gusov, teaching on contracts, international labor law, responsibility, labor law, department of labor law, biography, scientific heritage.*

Bibliography:

1. Agafonova, G.A., Gusov, K.N., Egorov, O.A., Fedin, V.V. Judicial practice on labor disputes. — М.: Проспект, 2012. — 304 p.
2. Verstunova, L.V., Gusov, K.N., Poletaev, Y.N. Regulation of work of prosecution and investigation staff. — М.: Проспект, 2011. — 212 s.
3. Gracheva, E.Y., Gusov, K.N. Legal provisions for the material responsibility of persons in the sphere of labor. — М.: Проспект, 2012. — 208 p.
4. Gusov, K.N. General value of the collective agreement as a social partnership act // Izvestiya MGIIU. — 2006. — № 2 — P. 4–6.
5. Gusov, K.N. Labor contracts and implementation of the right to work // Vestnik MGU. Ser.: Pravo. — 1992. — № 4. — P. 42–44.
6. Gusov, K.N., Kurilin, M.N. International legal regulation of labor (in the ILO conventions and recommendations). — М.: Manuskript, 1992. — 208 p.
7. Gusov, K.N., Lyutov, N.L. International labor law. — М.: Проспект, 2013. — 588 p.
8. Gusov, K.N., Poletaev, Y.N. Responsibility according to the Russian labor law. — М.: Проспект: ТК Velbi, 2008. — 272 p.
9. Gusov, K.N., Tolkunova, V.N. Labor contract: Commentary to the Code of Laws on Labor of the Russian Federation. — М.: Проспект, 1996. — 192 p.
10. Gusov, K.N., Tolkunova, V.N. Employment, transfer and dismissal of workers. Commentary to the Code of Laws on Labor of the Russian Federation. — М.: Проспект, 1997. — 256 p.
11. Gusov, K.N., Shevchenko, O.A. Sports law. — М.: Проспект, 2009. — 152 p.
12. Gusov, K.N., Fedin, V.V. Responsibility of workers according to the Labor Code of the Russian Federation // Spravochnik kadrovika. — 2003. — № 2. — P. 11–16.

13. Labor contracts in the sphere of application of the labor law // K.N. Gusov, K.D. Krylov, A.M. Lushnikov et. al.; ed. by K.N. Gusov. — М.: Prospekt, 2010. — 256 p.
14. Commentary to the Code of Laws on Labor of the Russian Federation / Ed. by K.N. Gusov. — М.: Prospekt, 1996. — 528 p.
15. Commentary to the Labor Code of the Russian Federation / pod red. K.N. Gusov. — М.: Prospekt, 2009. — 928 p.
16. Kuznetsov, Y.A. Review of the book: Gusov, K.N., Poletaev, Y.N. Responsibility in Russian labor law: scientific and practical manual. — М.: TK Velbi, Prospekt, 2008. — 272 p. // Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya / Ed. by A.M. Lushnikov, M.V. Lushnikova. — 2008. — № 3. — P. 187–190.
17. Lushnikov, A.M. N.G. Aleksandrov: milestones of the scientific biography of the labor law scholar // On the 100th anniversary since the birth of Professor N.G. Aleksandrov. — М.: Pravovedenie, 2008. — P. 17–27.
18. Lushnikov, A.M., Lushnikova, M.V., Tal, L.S. Life and creative work // Tal, L.S. Labor contract. A civil law study. — М.: Statut, 2006. — P. 7–23.
19. Lushnikova, M.V. Modern studies in international labor law. Rossiyskiy ezhegodnik trudovogo prava. — 2012. — № 8. — P. 690–702.
20. Social security law in Russia / Ed. by K.N. Gusov. — 4th Ed. — М.: Prospekt, 2007. — 640 p.
21. Smirnov D.A. Review of the book.: Labor contracts within the sphere of application of labor law: manual / K.N. Gusov, K.D. Krylov, A.M. Lushnikov [et al.]; Ed. by K.N. Gusov. — М.: Prospekt, 2010. — 256 p. // Vestnik trudovogo prava i prava sotsialnogo obespecheniya / Ed. by A.M. Lushnikov, M.V. Lushnikova. — 2010. — № 5. — P. 149–152.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

После тяжелой и продолжительной болезни ушла из жизни профессор кафедры конституционного и муниципального права, заслуженный деятель науки РФ Надежда Александровна Михалева. Это тяжелая утрата не только для нашего вуза, в котором она проработала почти всю свою жизнь, воспитывая не одно поколение студентов, но и для науки конституционного (государственного) права в целом, которая была главным делом ее жизни, ее призванием.

Надежда Александровна Михалева родилась 17.01.1932 в Москве в семье служащих. В 1950 г. она окончила с золотой медалью женскую школу № 635 и поступила на юридический факультет МГУ, который также окончила с отличием в 1955 г. Юридическое поприще открыло Н.А. Михалевой, энергичной труженице, широкое поле деятельности. По окончании учебы она работала редактором в Госюриздате (1955–1958), в ИЮНе (1958–1963), ВНИИ советского законодательства (1963–1965). В марте 1965 г. Н.А. Михалева перешла в сектор конституционного, административного и финансового законодательства ВНИИСЗ, работая в котором, окончила аспирантуру по кафедре государственного права МГУ и в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию «Организационно-правовые вопросы культурно-воспитательной деятельности местных Советов депутатов трудящихся».

Уже в 1965–1966 гг. Н.А. Михалева совмещала научно-исследовательскую работу во ВНИИСЗ с преподавательской работой по кафедре государственного права в ВЮЗИ, Высшей школе МВД СССР и МГУ. В 1967 г. она перешла на преподавательскую работу, и начала трудовую деятельность в стенах Всесоюзного юридического заочного университета (ныне — МГЮА имени О.Е. Кутафина). В 1972 г. ей было присвоено ученое звание доцента кафедры советского государственного права.

В 1984 г. Н.А. Михалева защитила докторскую диссертацию «Теоретические проблемы социалистической конституции: Сущность, содержание, форма». 14.12.1984 Н.А. Михалевой была присвоена ученая степень доктора юридических наук, а в июле 1986 г. — ученое звание профессора кафедры советского государственного права.

В 1998 г. Н.А. Михалевой присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», в 2008 г. — звание «Ветеран МГЮА имени О.Е. Кутафина» за сорокалетнюю работу в МГЮА, а с января 2011 г. Н.А. Михалева — почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Н.А. Михалева являлась ученым секретарем специализированного диссертационного совета в МГЮА.

За многолетнюю работу в стенах Московской государственной юридической академии Н.А. Михалевой были воспитаны и подготовлены к дальнейшей научной и профессиональной деятельности многие поколения учеников.

Активно участвуя в жизни кафедры, развивая научные традиции юридической школы МГЮА, Н.А. Михалевой была соавтором учебников и учебных пособий по государственному праву России, по государственному праву зарубежных стран; в учебном пособии, подготовленном преподавателями МГЮА им. О.Е. Кутафина по основам права, для изучающих основы права в неюридических вузах, а также абитуриентов для подготовки к экзамену по обществознанию; по теории конституции.

Труды Н.А. Михалевой по теории конституции внесли значительный вклад в науку конституционного права

Ряд работ Н.А. Михалевой были посвящены представительным органам.

Обладая активной жизненной позицией, Н.А. Михалева активно участвовала во всех мероприятиях, проводимых в академии и организуемых кафедрой. Это и научно-практические международные и всероссийские конференции, круглые столы (в качестве докладчика и редактора сборников); публичные слушания и научная экспертиза.

Одна из последних ее работ — участие в коллективном труде «Развитие парламентаризма, совершенствование организации выборов и использования эффективных избирательных технологий» (М.: Изд-во Гос. Думы, 2014).

Н.А. Михалева стояла у истоков сравнительного конституционного права стран СНГ. Она стала создателем новой научной школы — конституционного права Содружества Независимых Государств, Союзного государства России и Беларуси, являясь автором первого в стране учебника «Конституционное право зарубежных стран СНГ» (М.: Юристъ, 1998), а также составителем и ответственным редактором сборника: «Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. документов» (М.: Манускрипт, 1994.).

По проблемам конституционного права зарубежных стран СНГ ею опубликован ряд научных статей и аналитических обзоров законодательства. Ее работы в этой сфере стали основой для спецкурсов, спецсеминаров в МГЮА и в других юридических вузах страны.

Особое место в сфере научных интересов Н.А. Михалевой занимает проблематика федерализма. Эти проблемы исследуются в работах: «Правовые аспекты национальных отношений в советской Федерации» (М.: Прогресс, 1990); «Эволюция и перспективы нового российского федерализма» (М.: Манускрипт, 1994); «Правовые аспекты нового российского федерализма» (Федеративное устройство России: история и современность: сб. обзоров и ст. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1995. С. 76–118), «Субъект Российской Федерации. Правовое положение и полномочия» (Авторы: Андриченко Л.В., Белоусова Е.В., Крылов Б.С., Михалева Н.А. и др.; отв. ред.: Крылов Б.С. М.: Юрид. лит., 1998). Ряд ее работ посвящен проблемам становления и развития избирательного права России, в их числе: «Правовой статус кандидата, зарегистрированного кандидата и его представителя» (2001); «Парламентские и президентские выборы в России (в вопросах и ответах)» (2007); «Парламентские и президентские выборы в России» (2012); «Реформа республиканского избирательного законодательства: сравнительно-правовой аспект» (в соавт. с Л.А. Морозовой. Советское государство и право. 1990. № 6. С. 29–39) и др.

Научная работа Н.А. Михалевой всегда была тесно связана с практикой. Она принимала активное участие в разработке проектов новых законодательных актов, выступала в роли эксперта по важнейшим законопроектам в комитетах Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Администрации Президента РФ. Она была одним из разработчиков новой Конституции РФ, Закона РФ о гражданстве, Федерального конституционного закона «О референдуме», консультировала разработку республиканских конституций и уставов субъектов РФ, неоднократно выступала экспертом в Конституционном Суде РФ. Ее научно-практические комментарии всегда отличались глубиной и сравнительно-правовым анализом правовой действительности; обсуждение важных для жизни общества и государства проблем — актуальностью и оригинальностью суждений

Работникам кафедры конституционного и муниципального права, равно как и иным сотрудникам Университета имени О.Е. Кутафина, Надежда Александровна навсегда запомнится ярким, жизнерадостным, реалистичным и прямым человеком, образцом беспредельной преданности своему профессиональному долгу и научной добросовестности.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы»
http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/lex_russica/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой Журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
 - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
 - лица, имеющие учёные степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, то есть согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью Автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 25 до 50 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 15–30 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией Журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;

- в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
 Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82–2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Телефон редакции (8-499)244-85-56.

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lexrus@msal.ru

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Объем: 14,88 усл.-печ.л., формат 60x84^{1/8}. Тираж 250 экз. Дата подписания в печать 29.07.2015 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через Объединенный каталог «Пресса России» и Интернет-каталог Агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.